

Министерство образования и науки РФ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный
педагогический университет»
Исторический факультет
Российская академия наук
Уральское отделение
Институт истории и археологии

**Воспитание и обучение истории в школе и вузе:
исторический опыт, современное состояние
и перспективы развития**

**Ежегодник. XX всероссийские
историко-педагогические чтения
Часть I**

Екатеринбург
2016

УДК 372.893+371.64/(082)
ББК 4426.63-286.2С56

Редакционная коллегия

Г.Е. Корнилов

доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ
(главный редактор)

З.И. Гузнецко

кандидат исторических наук, профессор

В.Н. Земцов

доктор исторических наук, профессор

И.М. Клименко

кандидат педагогических наук, доцент

Г.А. Кругликова

кандидат исторических наук, доцент (отв. за выпуск)

Воспитание и обучение истории в школе и вузе: исторический опыт, современное состояние и перспективы развития. Ежегодник. XX всероссийские историко-педагогические чтения: сб. науч. ст. / ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, 2016. Часть I – 234с.: табл., схемы.

В сборник включены материалы, представленные на XX всероссийские историко-педагогические чтения, состоявшиеся на историческом факультете УрГПУ 23-26 марта 2016 г. В ежегоднике представлены публикации, в которых рассматриваются актуальные теоретико-методологические, конкретно-исторические и методические аспекты исторического образования. Обозначены актуальные проблемы отечественной истории в контексте современного отечественного образования, вопросы взаимоотношения человека и общества в странах Запада и Востока. Актуализированы теоретико-методологические и методические проблемы воспитания и обучения истории в школе и вузе. Издание рассчитано на научных работников, преподавателей вузов и учителей школ, аспирантов и студентов, интересующихся проблемами истории, теории и методики обучения истории.

Education and training history at school and University: historical experience, modern state and prospects of development. Yearbook. XX all-Russian historical and pedagogical readings: collection of scientific papers. article / FGBOU VPO "Ural. state PED. University", Institute of history and archaeology, Ural branch of RAS. Yekaterinburg, 2016. Part I –234p.: tabl., scheme.

The collection includes the papers presented at the XX all-Russian historical and pedagogical readings held at the historical faculty of the Ural state pedagogical University, 23-26 March 2016 Yearbook publications, which address current theoretical and methodological, historical and methodological aspects of historical education. The topical problems of national history in the context of modern domestic education, questions the relationship between man and society in the West and the East. Updated theoretical-methodological and methodical problems of teaching and learning history in school and University. The publication is intended for researchers, University professors and school teachers, postgraduates and students interested in problems of history, theory and methods of teaching history.

© ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», 2016

ISBN 978-5-7186-0652-2

Содержание Пленарное заседание

Кондрашин В.В. (Москва) ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РОССИИ XX ВЕКА И ИХ ВОЗМОЖНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ.....	5
Гузненко З.И. (Екатеринбург) ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО НОРМИРОВАНИЮ И ОПЛАТЕ ТРУДА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ.....	17
Днепров Т.П. (Екатеринбург) ЗНАЧИМОСТЬ ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ ДЛЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ПЕДАГОГОВ.....	34
Дудина М.Н. (Екатеринбург) НЕОБХОДИМОСТЬ И ВОЗМОЖНОСТЬ ПЕРЕХОДА ОТ ТРАДИЦИОННОЙ МЕТОДИКИ К ИННОВАЦИОННОЙ В ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ В ШКОЛЕ.....	39
Зубков К.И. (Екатеринбург) МНОГОЭТНИЧНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ В СТАДИАЛЬНО- ЭВОЛЮЦИОННОМ ИЗМЕРЕНИИ.....	48
Побережников И.В. (Екатеринбург) ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ.....	59
Потрашков С.В. (Харьков, Украина) ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 Г. В ОСВЕЩЕНИИ ЭНЦИКЛОПЕДИИ ИСТОРИИ УКРАИНЫ.....	68
Вовси Эман М. (Флорида, США) ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОГРАММЫ SKYPE В МЕЖВУЗОВСКОМ ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ: ПЕРВЫЕ ЭКСПЕРЕМЕНТЫ.....	77
Актуальные проблемы отечественной истории в контексте современного отечественного образования	
Алексеева Л.В. (Нижневартовск) ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЕТЕРИНАРНАЯ СЛУЖБА В СССР 1940 - X – 1980 – X ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ ЗАУРАЛЬЯ): ИСТОРИОГРАФИЯ ТЕМЫ	83
Баранов Е.Ю. (Екатеринбург) ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В РОССИИ В XX В.: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИСТОРИЧЕСКОМУ ИССЛЕДОВАНИЮ	90
Бахтияров Р.С. (Оренбург) КОНЬ ДЛЯ АРМИИ: ОЦЕНКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ВОЕННЫХ ЦЕЛЯХ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА	99
Бердникова С.А. (Екатеринбург) ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА 1930-X ГГ. В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	106

Богданова А.А. (Стерлитамак) О НЕКОТОРЫХ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОДХОДАХ К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	114
Воробьев С.В. (Екатеринбург) РЕГИОНАЛЬНАЯ ПАРТИЙНАЯ НОМЕНКЛАТУРА: ОТ СТАБИЛЬНОСТИ К СТАГНАЦИИ (1965 – 1980 ГГ.) (НА ПРИМЕРЕ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ).....	120
Грибан И.В. (Екатеринбург) КАНУН ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА СТРАНИЦАХ РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКОГО УЧЕБНИКА ИСТОРИИ: «ПРИМИРЕНИЯ ПРОШЛОГО».....	130
Дашкевич Л.А. (Екатеринбург) ЖИЗНЕННЫЙ МИР УРАЛЬСКОГО УЧИТЕЛЬСТВА В ЭПОХУ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ XIX ВЕКА	138
Демина Ю.В. (Екатеринбург) ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ГОЛОДА 1932-1933 ГГ.: СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП	148
Запарий В.В. (Екатеринбург) ОБ ОПЫТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ РОССИИ В УРАЛЬСКИХ ВУЗАХ В КОНЦЕ XX ВЕКА	153
Зубков К.И. (Екатеринбург) ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИИ ОСВОЕНИЯ СОВЕТСКОЙ АРКТИКИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА: ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	161
Кондрашева М.И., Пряхин В.М. (Екатеринбург) ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ: ОТ ПОКОЛЕНИЯ К ПОКОЛЕНИЮ.....	171
Корнилов Г.Е. (Екатеринбург) КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ИСТОРИИ ГОЛОДОВОК НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА В КОНЦЕ XIX – СЕРЕДИНЕ XX В: НАПРАВЛЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ	177
Кругликова Г.А. (Екатеринбург) ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ В 1920-Е ГГ.: ОПЫТ И УРОКИ	185
Кузнецов В.Н. (Екатеринбург) СИСТЕМА ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЗАКРЫТЫХ ГОРОДАХ УРАЛА.....	193
Кузнецова Ю.В. (Оренбург) СЕЛЬСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ИЗУЧЕНИЯ.....	202
Курлаев Е.А. (Екатеринбург) К ВОПРОСУ О ДОБЫЧЕ СЕРЕБРА НА УРАЛЕ.....	211
Лаптева Ю.В. (Екатеринбург) ОСВЕЩЕНИЕ ПРОБЛЕМ ШКОЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ В ПРЕССЕ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941-1945 ГГ.	217
Сведения об авторах	226

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

УДК 37(09).09(470.5)

ББК 4403(235.55)61 ГСНТИ 14.35.19 Код ВАК 13.00.08

В.В. Кондрашин (Член Совета Федерации Федерального Собрания РФ, д.и.н., профессор)

Москва

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РОССИИ XX ВЕКА И ИХ ВОЗМОЖНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: история России, дискуссионные вопросы, революция, модернизация, вузовский курс.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются наиболее дискуссионные проблемы истории нашей страны в XX веке: Великая русская революция 1917 г., индустриальная модернизация, голод в СССР в начале 1930-х гг., начало Великой Отечественной войны и др. Автор не согласен с трактовкой этих вопросов в некоторых вузовских учебниках. Он убежден, что необходимо уделять особое внимание учебной дисциплине «История России» в деле патриотического и нравственного воспитания молодёжи.

V.V. Kondrashin

Moscow

CONTROVERSIAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY OF THE TWENTIETH CENTURY AND THEIR POSSIBLE INTERPRETATION IN THE LEARNING PROCESS

KEYWORDS: history of Russia, discussion questions, revolution, modernization, a high school course.

ABSTRACT. This article analyzes the most controversial issues of our country's history in the twentieth century: The great Russian Revolution of 1917, industrial modernization, the famine in the USSR in the early 1930s, the beginning of the Great Patriotic War, etc. The author does not agree with the interpretation of these issues some university textbooks. He is convinced that it is necessary to pay special attention to the educational discipline "History of Russia" in the patriotic and moral education of youth.

Российская власть всерьёз озабочена состоянием общественной морали и нравственности россиян. С самых высоких трибун идут давно назревшие разговоры о патриотизме, упоминаются имена П. А. Столыпина, С. Ю. Витте и др. В этой связи необходимость усиления внимания к истории России в деле патриотического и нравственного воспитания молодёжи очевидна. Именно курс Отечественной истории в блоке с другими гуманитарными дисциплинами направлен на решение этой задачи.

Я убеждён, что важнейшим фактором культурного развития России в русле демократического и правового государства является воспитание молодёжи историей, формирования у неё с помощью исторического образования чувств патриотизма и любви к своей Родине. Молодой человек не должен испытывать чувства неполноценности перед своими сверстниками за рубежом из-за того, что живёт в России. Он должен понять простую истину: Россия – это страна с богатой историей и большим будущим. И это будущее наступит, если современники будут опираться на созидательные и героические традиции предков, учитывать уроки истории, в том числе её трагические страницы, рассматривать Россию как часть цивилизованного мира, Европы, знать лучшие гуманистические достижения человечества, всё богатство мировой культуры. Достижение этой цели, по моему глубокому убеждению, – и есть главная задача исторического образования, которое должно сформировать у молодого поколения чувство гордости за свою страну, оптимизм и веру в свои силы. В этой связи воспитание молодёжи историей должно вестись по-новому, в соответствии с требованиями времени, в контексте современной ситуации в стране и за её пределами. В конечном итоге речь идёт об усвоении молодёжью лучших гуманистических достижений России и человечества, чтобы Россия действительно стала развитой в современном смысле страной и в экономике, и в культурной сфере.

Какова ситуация в области исторического образования и «воспитания» россиян историей, в первую очередь применительно к истории России XX века?

Начиная с 1990-х гг. преподавание отечественной истории в вузах страны осуществлялось в старых организационно-методических формах, но с новым содержанием. Это был в какой-то мере период «разброда и шатаний», поскольку, с одной стороны,

сменилась официальная идеология, повлекшая за собой кардинальный пересмотр устоявшихся стереотипов советской историографии, а, с другой, на место старых мифов пришли новые мифы, такие же идеологизированные, но лишь с другим знаком, плюс сменился на минус.

В то же время, официально было заявлено о необходимости плюрализма, многообразия подходов, в том числе в выборе концепций и методической литературы. Почему это было допущено? Думается, новому режиму было не до идеологии. Главной задачей была приватизация государственной собственности и укрепление власти новой элиты. Теперь ситуация изменилась. Режим окреп, нужна государственная идеология, опирающаяся на российские исторические традиции.

К чему привёл «плюрализм» в историческом образовании? К тому, что все запутались, поскольку трактовка того или иного события зависела в первую очередь от личных пристрастий преподавателя. Это было очевидно на фоне разнузданной кампании в средствах массовой информации по мифологизации отечественной истории, особенно дореволюционной, и прямой фальсификации её важнейших страниц, в том числе применительно к XX веку.

Вспомним, «Ледокол» Суворова, «Новую хронологию» Носовского и Фоменко (2). Выбрасывание из истории России советского периода или изображение его как исторического тупика и сплошной трагедии.

Так, например, в связи с юбилеем Великой Победы активизировалась дискуссия вокруг «секретных протоколов» и версии Суворова-Резуна об ответственности Сталина и Гитлера за начало Второй мировой войны, о готовности СССР в июне 1941 г. нанести Германии упреждающий удар в «День-М». Лживая, антинаучная версия Суворова получила признание ряда историков и руководителей вузов. В частности, ректор РГГУ Ю. Н. Афанасьев включил книги Суворова в список обязательной литературы о Великой Отечественной войне.

Между тем, специалистам хорошо известно, что ни о каком первом ударе СССР летом 1941 г. не могло быть и речи, так как Красная Армия переживала период реформирования и находилась в неподготовленном состоянии (3; 4). Об этом свидетельствует, например, изданный в 2004 г. сборник документов о работе

комиссии Главного военного совета Красной Армии по обобщению опыта финской кампании. Для Сталина итоги Финской кампании стали «холодным душем», как Русско-японская война для самодержавия. Ни о какой войне в 1941 г. не могло идти речи с точки зрения состояния вооружённых сил страны (1).

В этом же ключе кампания относительно ответственности России за гибель польских военнопленных в Катынском лесу. Руководству страны хватило здравого смысла не «посыпать голову пеплом», поскольку в 1920–1921 гг. на территории Польши уже в мирное время были замучены в польских концентрационных лагерях десятки тысяч советских военнопленных – участников советско-польской войны 1920 г. Соотношение погибших в Катыни и в концлагерях Польши в начале 1920-х гг. 1 к 10. По этому поводу Польша не принесла извинений России (6; 7; 8).

И, наконец, – антироссийская кампания на Украине по поводу голода 1932–1933 гг., ответственность за который, по мнению ряда украинских политиков и историков, должна нести современная Россия как правопреемница СССР. В действительности это была общая трагедия народов СССР, которая должна не разъединять, а объединять народы России и Украины (12).

Ещё один пример подобного рода – изображение Николая II и дореволюционной России в вузовском учебнике Щагина-Киселёва – основного учебника по истории России XX века для педагогических вузов страны. В этом учебнике авторами дан идеологизированный образ последнего царя. Сытая Россия. Умные министры (11). И вдруг... революция! Очевидно, что не бывает так, если умные министры и мудрый правитель! Серьёзным специалистам очевидно, что революция 1917 г. – прежде всего результат предшествующего исторического развития России и неэффективной политики самодержавного режима, неспособного решить назревшие проблемы с помощью продуманных реформ, а уже потом следствие других причин. И почему следует пугаться революций, которые были во многих современных странах!?! Но среди современных учебных пособий по истории России для вузов, есть и другие, где сохранились такие названия разделов, как «Февральская буржуазно-демократическая революция», «Великая Октябрьская социалистическая революция» (Учебное пособие под ред. Л.И. Ольштынского «Курс отечественной истории IX–XX веков. М., 2002).

Таким образом, налицо разброс мнений и оценок. Логическим результатом подобной ситуации стало стремление чиновников от образования заменить историю другими дисциплинами, сократить учебные часы на её преподавание, что и происходит в настоящее время и в средней, и в высшей школах.

Подобная ситуация не нова для России. В истории народного образования России были периоды, когда преподаванию Отечественной истории уделялось первостепенное место, но было и по-другому, когда этот курс заменялся другим, а история как самостоятельная дисциплина временно устранялась из учебных программ российских вузов. Так было, например, в Советской России в 1920-х – начале 30-х гг., когда отечественную историю заменило обществознание. Почему?

Новая власть была во власти идеологии, в основе которой лежало полное отрицание старого мира, иллюзия скорой победы мировой революции, ради которой и должно было существовать Советское государство. Но в дальнейшем романтиков-революционеров победили сталинисты, так называемые «государственники», которым история нужна была для исторического обоснования существования нового режима. Сталин восстановил в вузах СССР исторические факультеты и Историю Отечества как самостоятельную дисциплину. Подобранные им историки, в том числе из дореволюционной профессуры, написали «нужную историю». И данный акт был осуществлён в середине 1930-х гг., когда российская государственность в рамках сталинского режима окрепла и решала задачу подготовки страны к войне посредством форсированной индустриальной модернизации, страдая избыточным терроризмом в методах её осуществления в силу своей природы и личности диктатора.

Таким образом, сильной России всегда нужна была государственная идеология, опирающаяся на исторические традиции. И роль исторического образования здесь несомненна. Так было в царской России, так было в Советской России.

Как должно быть в современной России? Очевидно, что не так, как это было при самодержавии и сталинском режиме. Что же делать? Как преподавать историю России XX века? Не претендуя на категоричность и бесспорность суждений и понимая невозможность дать исчерпывающий ответ на поставленные

вопросы, тезисно выскажу свою точку зрения по наиболее важным, на мой взгляд, аспектам обозначенной проблемы.

Необходимы изменения в учебных программах и формах организации учебного процесса. Очевидной является необходимость унификации учебной литературы, прежде всего, с точки зрения её научности. Вузы должны иметь базовые учебники по истории России, но основанные на научном подходе, содержащие взвешенные оценки по ключевым аспектам отечественной истории, в том числе XX века. В качестве образца для них могут стать учебники дореволюционной России, где основное внимание было сосредоточено на событийной стороне, а в качестве концепции были представлены идеи государственной школы в отечественной историографии. Никакой апологетики самодержавия там не было. Карамзин, Соловьёв, Ключевский писали и о белых, и о чёрных пятнах в истории России. В то же время главной идеей была мысль о российском государстве как великой стране с великой историей, идущей по единому пути с Западной Европой, но имеющей свои исторические особенности, обусловленные природно-климатическими условиями и фактором внешней угрозы.

Однако у нас XXI век. И историческая наука сделала немало за истекшее столетие, мир изменился. Поэтому красной нитью в учебной литературе по истории России должна проходить идея исторической закономерности и необходимости в России демократии, рыночной экономики, гарантии гражданских прав россиян. Особый акцент должен быть сделан на изучение созидательных, героических, культурных и духовных традиций российского народа. Созидатели, личности, оставившие добрый след на земле и в сердцах современников должны стать главными персонажами учебников по истории.

Одним из основных принципов преподавания истории России в вузах должна стать научность. «Правда, правда и ещё раз – правда». Каждый преподаватель, идя к студентам, должен помнить следующее крылатое выражение Сервантеса: «Историка, который лжёт, следует казнить как фальшивомонетчика!».

Поэтому наряду с утверждёнными министерством учебниками студенты должны иметь доступ к новейшим достижениям исторической науки, знать дискуссионные проблемы, аргументацию сторон. И задача преподавателя сказать студенту,

какие книги и статьи он должен прочитать в первую очередь. А это требует высокого уровня квалификации, доступа к необходимой литературе. К сожалению, в силу бедности наши вузы и школы лишены возможности покупать нужные книги, а преподаватели систематически заниматься наукой. Но это путь, по которому идут все учебные заведения развитых стран мира.

В контексте вышесказанного необходимо сместить акцент в учебном процессе в сторону активизации самостоятельной работы школьников и студентов, как это имеет место в европейских и американских вузах.

Какова может быть содержательная сторона преподавания истории России XX века в школах и вузах страны? Во-первых, в центре внимания должно стать объяснение двух главных феноменов отечественной истории XX века. Это революция 1917 г. и историческое значение СССР, возникшего в результате революции. Учитывая масштабы событий и их последствия для судеб страны и мира необходимо говорить о Великой русской революции 1917 г., которая по своей значимости не уступала, например, Великой французской буржуазно-демократической революции.

В этой связи важнейшим концептуальным положением должна быть мысль о закономерном и исторически обусловленном характере революционных потрясений в России в первые десятилетия XX века. И здесь снова вполне уместно сравнить их с Великой французской революцией, которая также была исторически закономерна. Основания для такого сравнения нам даёт один из самых последовательных защитников самодержавия в России Н.М. Карамзин. Наблюдая за ходом Французской революции, он увидел её истоки не в «разрушительной стихии черни», не в «авантюризме вождей», а в цивилизованном развитии нации. «Французская нация прошла все стадии цивилизации, чтобы достигнуть нынешнего состояния... Французская революция относится к таким явлениям, которые определяют судьбы человечества», – писал Карамзин (13. С. 83–84). Сказанное великим историком в полной мере применимо к революции 1917 г.

В данном контексте не может не возникнуть вопрос об альтернативе революции. Могла ли Россия избежать 1917 г.? И здесь в качестве серьёзной научной концепции, а не «гадания на кофейной гуще», может быть востребована концепция В. П.

Данилова – Т. Шанина о «Крестьянской революции в России» (5. С. 4–23). Она схватывает главное звено в общей цепи событий, приведших и к крушению самодержавия, и к победе большевиков, и к установлению сталинского режима. Это звено – аграрно-крестьянский вопрос в крестьянской стране, вставшей на путь индустриальной модернизации. Основным содержанием и результатом исторического развития России в XX столетии и стала эта модернизация страны. С помощью революций и реформ, в том числе в «сталинском варианте», Россия из аграрной страны трансформировалась в аграрно-индустриальную и индустриальную Россию. В её процессе сформировались городское общество и культура как основа для слома авторитарного режима и становления демократического общества. Проще говоря, за сто лет Россия превратилась из страны крестьянской в городскую, индустриальную. В данном контексте революция 1917 г. выступает фактором индустриальной модернизации, давшим мощный толчок её темпам. Более мягкий вариант модернизации, без революции, был возможен, как справедливо указывает Данилов, при условии, если бы в 1880-е гг. самодержавием была реализована аграрная реформа Н. Х. Бунге, прообраз Столыпинской реформы. Но этого не произошло из-за трагической гибели Александра II. Его преемники отказались от плана Бунге, их аграрная политика в комплексе с индустриальным рывком С. Ю. Витте превратила крестьянство в революционный класс со всеми вытекающими последствиями.

В этой связи важнейшим вопросом для объяснения является вопрос о самодержавии, его роли в истории страны и в ходе событий начала XX века. У россиян не должно быть ностальгии по императорской России Николая II. Самодержавие к началу XX века исчерпало свой потенциал и оказалось неспособным в силу эгоизма правящей элиты и недостатков личности последнего царя предотвратить революционный взрыв с помощью реформ, отвечающих интересам подавляющего большинства населения. Данное заключение подтверждают два очевидных факта: трагическая гибель П. А. Столыпина и неспособность царизма обеспечить эффективное управление страной в годы Первой мировой войны. В то же время необходимо помнить о несомненной прогрессивной роли самодержавной власти в период образования

Российского государства и укрепления его государственности на протяжении многих веков.

Обращаясь к проблеме революционных потрясений России, необходимо прекратить изображать их и последующие события XX века как трагедию страны, её отход от «цивилизованного пути развития». При объяснении причин крушения самодержавной России и создания в результате революции Советского Союза концептуальной идеей должно стать положение о том, что в России исторически существовали разные политические режимы, решавшие определённые исторические задачи в определённый исторический период. Режимы уходили, а Россия оставалась. В частности, в результате революции 1917 г. она стала Советской Россией.

Очевидным фактом является крайняя политизация советской истории России, её интерпретация в зависимости от политических пристрастий оппонентов. В последние годы теоретической основой большинства публикаций на эту тему стал примитивный антикоммунизм. Но подобный подход чреват серьёзными негативными последствиями. Россия в XX веке предстаёт как сосредоточие всемирного зла, поскольку стала прибежищем коммунистической идеи. Её осуществление на практике ассоциируется исключительно с ГУЛАГом, огромными невинными жертвами, милитаризацией и войной. Вполне закономерным результатом подобной логики примитивного антикоммунизма стало появление «трудов» Суворова-Резуна о виновности СССР в развязывании Второй мировой войны.

При объяснении феномена советской истории могут быть полезны идеи американского историка Моше Левина, назвавшего свою последнюю книгу о России «Советский век» (9). Существование Советской России было важнейшим фактором мировой истории. Своим победоносным участием во Второй мировой войне она способствовала утверждению главным вектором развития человечества демократический путь. Соперничество с Советским Союзом западных стран укрепляло в них демократическую модель рыночной экономики. Наконец, Советская Россия в XX веке выступила пионером освоения человечеством космоса.

И для самой России советский режим не исчерпывался сталинизмом и коммунистической идеологией, хотя и дал ряд

важных негативных исторических уроков, знание которых необходимо современным россиянам, а также и последующим их поколениям.

Прежде всего, большевистский режим сохранил и укрепил российскую государственность. Данный факт был хорошо осознан даже его врагами из лагеря непримиримой «белой контрреволюции». Особенно он стал очевиден в годы Великой Отечественной войны. Несмотря на все негативные явления сталинского режима, Россия выстояла в 1941–1942 гг., а затем внесла решающий вклад в Великую Победу.

Исторической заслугой советского режима явилась индустриальная модернизация России, создавшая мощный военно-промышленный комплекс, обеспечивший военно-стратегический паритет с США и западным миром. В результате в XX веке в новых условиях была решена проблема национальной безопасности России. И сейчас она обеспечивается «советским потенциалом».

Позитивным фактом советской истории стало развитие в 1960–1980-е гг. сырьевой базы страны, превращение Советской России в одну из главных энергетических баз мира. Именно она обеспечивает в настоящее время социально-экономическое развитие страны, её политическую стабильность.

Несомненным благом для России стала культурная и научно-техническая революция, осуществлённые в советский период, заложившие основу для современной отечественной науки и образования.

Как и другие политические режимы в истории России, советский режим исчерпал свой потенциал, после того как решил возложенные на него исторические задачи. Он был эффективен лишь на период подготовки к войне и в военное время. Но он не подходил для мирного времени, когда необходимы были другая экономика и власть, способные решать иные проблемы. Были и такие факторы внешнего и внутреннего порядка, как гонка вооружений, падение цен на нефть, одряхление правящей элиты и т. д.

Важнейшей проблемой истории России XX века является проблема «цены социализма в человеческих жизнях», сталинских репрессий, гонений на церковь и т. д. Здесь необходимо напомнить о значении субъективного фактора в истории страны. В силу особенностей её исторического развития (природно-

климатического фактора, постоянного фактора внешней угрозы) в России сложилась сильная централизованная власть в форме самодержавия, а затем в форме сталинского режима. Её действия в огромной степени зависели от личности правителя (вспомним Ивана Грозного, Петра Великого и т. д.). Сталинский режим имел главный недостаток, он страдал избыточным терроризмом. К сожалению, этот недостаток был обусловлен в первую очередь личными качествами И. В. Сталина, на которые в своё время указал В. И. Ленин. Сталин действовал с превышением разумной меры (особенно накануне войны, уничтожая кадры офицеров Красной Армии). И ничем иным, как стремлением сохранить свою власть, нельзя объяснить его действия. В то же время, в многовековой истории России, как и в мировой, подобные явления – не единичный случай. Но сталинский режим просуществовал лишь до смерти вождя, затем была уже другая советская история, с осуждением культа личности Сталина, без массовых репрессий, с полётом Ю. А. Гагарина и т.д., о чём также следует помнить.

Думается, что особое внимание следует уделить региональному компоненту отечественной истории, малой Родине, где имеется огромное количество интереснейших фактов, позитивного материала, позволяющего доступно преподавать историю, а ученикам усваивать её. В этом направлении ведётся работа. И одним из её вариантов является ежегодный семинар в селе Степановка на базе местной школы «Моя малая Родина» (10).

Таким образом, нельзя отказываться от советской истории, а тем более предавать её анафеме. Разумнее её лучше знать и извлекать из её опыта правильные исторические уроки, как это характерно для современных развитых государств мира. Только тогда культура преподавания истории будет действительно на уровне современных требований и станет фактором политического и экономического развития российского общества.

Литература:

1. «Зимняя война»: работа над ошибками (апрель – май 1940 г.). Материалы комиссий Главного военного совета Красной Армии по обобщению опыта финской кампании. М.; СПб., 2004.
2. Володихин Д. М. История на продажу. Тупики псевдоисторической мысли. М., 2005.
3. Городецкий Г. Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М.: РОССПЭН, 2008. 384 с.

4. Городецкий Г. Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М.: РОССПЭН, 1999. 384 с.
5. Данилов В. П. Крестьянская революция в России, 1902–1922 гг. // Крестьяне и власть: материалы конф. / Тамбовск. гос. техн. ун-т, Московск. высш. шк. соц. и экон. наук. Москва-Тамбов, 1996. С.4–23.
6. Катынь. Март 1940 г.– сентябрь 2000 г.: расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. Документы / отв. сост. Н. С. Лебедева. М.: Весь Мир, 2001. 688 с.
7. Катынь. Пленники необъявленной войны. Документы и материалы / под ред. Р. Г. Пихои, А. Гейштора. М.: МФ «Демократия», 1997. 608 с.
8. Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 гг. Сборник документов и материалов. М.; СПб., 2004;
9. Левин М. Советский век. М.: Европа, 2008.
10. Моя малая Родина. Материалы научно-практической конференции. Вып. № 1 – 4. Степановка – Пенза, 2004 – 2007.
11. Новейшая история Отечества. XX век: учебник для студентов вузов: в 2 т. Т. 1. М., 1998.
12. Родина. 2007. № 8–9.
13. Сахаров А. Н. Бессмертный историограф: Николай Михайлович Карамзин // Историки России. XVIII–начало XX века. М., 1996.

УДК 372.893

ББК 4420

ГСНТИ 14.07.01

Код ВАК 07.00.02

З.И. Гузненко

Екатеринбург

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО НОРМИРОВАНИЮ И ОПЛАТЕ ТРУДА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: педагогический работник, высшее учебное заведение, оплата труда, норма труда, контракт, эффективность педагогического труда.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются актуальные вопросы о нормировании труда педагогических работников вузов, о механизме его оплаты, подходах, показателях и критериях.

Z.I. Guznenko

Yekaterinburg

STATE POLICY ON THE VALUATION AND REMUNERATION OF TEACHERS OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS

KEY WORDS: pedagogical staff, higher education, wages, labor standards, the contract, the effectiveness of pedagogical work

ABSTRACT. In the article actual questions of rationing of work of the teaching staff of universities, mechanisms, indicators and criteria for its payment

Образование есть функция государства,
осуществляемая им для вполне
определенных и конкретных целей
Аристотель

Обращение к вопросам, заявленным в формулировке данной статьи, представляется нам актуальным не столько в связи с переходом вузов Российской Федерации к системе заключения эффективных контрактов с преподавателями, сколько с дискуссиями и противоречивыми оценками разных аспектов этого

явления. Такая ситуация порождена, на наш взгляд, рядом причин, в том числе недостаточно четкой проработанностью механизмов оценивания и регулирования профессиональной деятельности педагогических работников высшей школы на разных управленческих уровнях, отсутствием сколько-нибудь значимых научных исследований по этим вопросам. Даже в диссертациях, посвященных исследованию современной государственной политики в области педагогического образования (см., напр., 18) этот аспект практически не затрагивается, хотя определенный исторический опыт в решении этих проблем в нашей стране имеется.

Примечательным, на наш взгляд, является тот факт, что практически через два месяца после установления Советской власти, а именно 2 января 1918 г., было принято постановление СНК под названием «О прибавках народным учителям». По докладу Народного комиссара просвещения Совнарком, не предпринимая вопроса о размерах жалования учителям за 1918 год, принял решение ассигновать Комиссариату просвещения сумму в 12520000 руб. для выдачи одновременных пособий с таким расчетом, чтобы каждый народный учитель получил прибавку, доводящую его жалование за ноябрь и декабрь до суммы в 100 руб. в месяц, то есть до 200 руб. в итоге (З. С. 442). Через полгода, 26 июня 1918 г., появился декрет СНК «О нормах оплаты учительского труда». По декрету, месячная оплата учительского труда устанавливалась с признанием нормальной продолжительности рабочего дня в 4 часа и 24-х часов (уроков) в неделю. Этим декретом устанавливались также количественные показатели оплаты труда других работников образования, нормы оплаты за разные виды работ, определялись прибавки к зарплате за выслугу лет. Вводились новые ставки месячных окладов педагогического персонала по двум категориям учебных заведений и пяти районам согласно установленному ещё в 1916 г. перечню местностей. Эти ставки распространялись и на частные учебные заведения (с полными правами правительственных, а также с правами для учащихся). Декрет был подписан председателем Совнаркома Вл. Ульяновым (Лениным), заместителем народного комиссара по просвещению М. Покровским и управляющим делами СНК В. Бонч-Бруевичем (З. С. 442 – 443).

В дальнейшем процессе становления и развития советской системы общего и профессионального образования вопросы организации, включая нормирование, и оплаты труда педагогических работников решались в контексте постановки новых задач и их решения, преодоления возникающих противоречий и недостатков, вполне объяснимых с исторической точки зрения. В ниже приведенной таблице названы некоторые решения руководящих правительственных органов, принятые в довоенные десятилетия Советской власти по вопросам оплаты учительского труда, пенсионного их обеспечения и жильем, в целом - их материально-правового положения, профессионального и культурного развития.

Название документа	Дата принятия	Кем принят документ
О прибавках народным учителям	2.01.1918	Постановление СНК
О нормах оплаты учительского труда	26.06.1918	Декрет СНК
О пенсионном обеспечении учителей школ I ступени сельских и городских и других работников просвещения в деревне	15.01.1925	Постановление ЦИК и СНК СССР
О мерах по улучшению положения сельского учительства	21.04.1926	Постановление СНК РСФСР
О пенсионном обеспечении работников просвещения за выслугу лет	3.07.1929	Постановление ЦИК и СНК СССР
Об улучшении материального положения работников просвещения в деревне	3.08.1930	Постановление СНК РСФСР
О порядке выплаты заработной платы учителям	10.04.1936	Постановление СНК СССР
О персональных званиях для учителей начальных и средних школ	10.04.1936	Постановление ЦИК и СНК СССР
О периодических	20.04.1937	Постановление

прибавках к заработной плате для некоторых категорий работников просвещения		ВЦИК и СНК РСФСР
О порядке предоставления очередных отпусков преподавательскому составу учебных заведений	8.06.1940	Разъяснение ВЦСПС, утвержденное постановлением СНК СССР

Следует отметить, что даже в напряженные для народа годы Великой Отечественной войны, когда финансовое положение в стране было крайне тяжелым, постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 11 марта 1943 г. была повышена зарплата учителям и другим работникам начальных и средних школ. Новое значительное повышение заработной платы учителям было проведено в 1964 г. (2. С. 220).

В свете рассматриваемой в статье проблемы считаем целесообразным обратиться к письму Министра просвещения РСФСР и Председателя ЦК профсоюза работников начальной и средней школы от 26.01.1955 г. «Об упорядочении бюджета времени учителя», адресованному руководящим лицам органов народного просвещения и комитетов профсоюза краевого, областного и городского уровня. В преамбуле этого документа отмечается беззаботное отношение руководителей многих школ и профсоюзных организаций к организации труда учителя, что проявлялось в перегрузке его излишними совещаниями и заседаниями, составлением многочисленных отчетов, выполнением различных поручений канцелярского характера. Все это мешало учителю глубоко и всесторонне готовиться к урокам, систематически повышать свою квалификацию и идейно-политический уровень, знакомиться с новинками методической и художественной литературы, посещать кино и театры, заниматься искусством, спортом и т.д. Министерство просвещения РСФСР и ЦК профсоюза работников начальной и средней школы предложили не только принять меры по упорядочению бюджета времени учителя и созданию ему необходимых условий для успешного выполнения сложных и ответственных задач по обучению и воспитанию учащихся, но и развернутый план

осуществления необходимых мер с указанием по ряду позиций конкретных временных параметров деятельности (11. С. 121, 122, 123).

М.А. Прокофьев – заместитель министра высшего образования СССР с 1951 г., министр просвещения РСФСР с 1966 г. - в своем взгляде на учителя, как главную фигуру в школе, отмечал, что бич учителя – крайняя перегрузка, что если сложить труд преподавателя по подготовке к занятиям, включая подготовку заданий для учеников, проверку тетрадей, контрольных работ и другую работу, то недельная нагрузка учителей составит 50 – 52 часа, что намного превышает средние нормы труда других профессий (20. С. 74). Эту оценку в полной мере можно отнести к профессорско-преподавательскому составу высшей школы с указанием на то, что преподаватель вуза занимается ещё и научно-исследовательской работой. Так, ещё в 1936 г. было принято совместное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой», в котором отмечалось неудовлетворительное состояние подготовки кадров в высшей школе. В частности, указывалось, что при организации новых вузов и развертывании старых нередко упускалось важнейшее условие их работы – обеспечение соответствующими научно-педагогическими кадрами, лабораториями, кабинетами, библиотеками. В постановляющей части документа среди прочих был выделен раздел «Об организации учебной работы», в котором устанавливались формы учебной работы с преподавателями: лекции, практические занятия, производственная практика. При организации учебного процесса основное внимание должно было быть направлено на самостоятельную работу студентов и др. В пункте «О руководстве высшей школой» ставилась задача систематического повышения научно-преподавательской квалификации сотрудников кафедр, в связи с чем предлагалось установить для каждого сотрудника план научно-исследовательской работы и обеспечить систематическое повышение их научной и педагогической квалификации. Постановлением запрещалось отрывать научно-педагогические кадры от их непосредственной работы и использовать на работе не по специальности (1. С. 8, 9, 11).

В соответствии с постановлением Совмина СССР от 12 апреля 1956 г. для преподавателей высших учебных заведений был

установлен шестичасовой рабочий день. При этом предусматривалось, что из шести часов три часа должно приходиться на учебные занятия различных видов и три часа – на учебно-методическую и научно-исследовательскую работу. В объем нормируемой учебной нагрузки включалось чтение лекций и проведение практических, лабораторных и семинарских занятий, проведение зачетов и экзаменов, руководство дипломным проектированием и учебной и производственной практикой, консультации студентов и аспирантов, рецензирование курсовых и дипломных проектов, контрольных работ заочников и др. В объем учебно-методической и научно-исследовательской работы включалась работа по бюджетным темам, разработка учебно-методической документации и другие их виды (13. С. 124). При этом, в перечне обязанностей, возлагавшихся на преподавателей вузов, как замечает А.Б. Дайновский в своей работе «Экономика высшего образования», отсутствует подготовка к аудиторным занятиям, работа по повышению квалификации, что является неотъемлемой частью профессиональной деятельности каждого преподавателя вуза. Затраты времени на выполнение учебно-методической, воспитательной работы во вторую половину дня также нуждались в четком нормировании. Некоторые из таких норм были рекомендованы Инструктивным письмом Министерства высшего и среднего специального образования СССР № И-87 от 26.11. 1965 г. (13.С. 131). В то же время, годовой объем педагогической нагрузки в расчете на одного преподавателя даже к середине 1970-х гг. не имел четко определенных границ. Твердые нормы были установлены только для преподавателей кафедр общественных наук (420 часа в год для заведующего кафедрой и 550 часов для всех остальных преподавателей) и для преподавателей ряда вузов, имеющих специфические условия работы, как, например, институт международных отношений. Средний объем учебной работы на одного педагогического работника высших учебных заведений составлял 700 – 800 часов в год (13. С. 126, 127).

Основные принципы научной организации труда общи для всех отраслей народного хозяйства. Однако в отдельных областях труда имеют место особые, специфические условия и методы его научной организации. Так, главной целью научной организации труда педагогических работников является обеспечение высокого уровня

учебно-воспитательной работы, всестороннего и гармоничного развития молодежи, подготовки её к жизни при наименьших затратах учебного и рабочего времени, трудовых, материальных и финансовых ресурсов, при оптимальной нагрузке учащихся, педагогов и других работников учебных заведений, сохранении и укреплении их здоровья. В связи с этим, как писал ещё в 1969 г. В.А. Жамин, важнейшее значение имеет оптимальное нормирование и программирование учебной и педагогической деятельности, систематическая рационализация методов и способов учебно-воспитательной работы. Научная организация труда педагогических работников в учебных заведениях должна представлять собой систему научно обоснованных педагогических, организационных, экономических мер, направленных на обеспечение наивысшей эффективности учебно-воспитательной работы при наименьших затратах времени, сил, энергии, как педагога, так и обучающегося (14. С. 237).

Проблема рационального использования времени – одна из важнейших проблем экономической науки. Научная организация труда в учебных заведениях по-настоящему может быть организована лишь на основе всестороннего изучения сложившейся структуры рабочего и свободного времени преподавателей и учащихся. Во второй половине 1950 – начале 1960-х гг. уральскими учеными Б.Л. Ципиным и А.П. Тубиной на основании разработанной ими методики было проведено выборочное обследование суточного бюджета времени учителей средних школ г. Свердловска. Результаты исследования показали, что рабочая неделя учителей составляла в среднем 55 час. 50 мин. Это намного превышало 41-часовую рабочую неделю рабочих и служащих (14. С. 240). В.А. Жамин приводит также данные сравнения структуры суточного времени женщин-учителей и женщин, работавших на промышленных предприятиях Свердловска, представленные З. Скворцовой и В. Розовым. Эти данные также показывали, что суточное рабочее время учителей на 1 час 38 мин. больше, а свободное время меньше, чем у женщин – работниц промышленной сферы (14. С. 241). Таким образом, изучение и анализ рабочего и свободного времени педагогических работников дает возможность увидеть действительное положение дел, с учетом которого только и возможно осуществлять планирование труда и отдыха этой категории работников и его

оплату таким образом, чтобы обеспечить устойчивую работоспособность и, следовательно, эффективность их профессиональной деятельности.

До 1985 г., как отмечает В.И. Жуков, финансовая политика государства сохраняла отношение к образованию, как приоритетному направлению социальной политики (15. С. 118). Несмотря на то, что с началом «перестройки» положение стало меняться, в 1987 г. было принято совместное постановление ЦК КПСС, Совмина СССР и ВЦПС «О повышении заработной платы работников высших учебных заведений», которым устанавливалось, что очередное повышение окладов работников из числа ППС производится на основе их аттестации с учетом роста квалификации, результатов научно-педагогической деятельности и в зависимости от стажа работы. В вузах вводилось премирование работников, добившихся наиболее высоких результатов в повышении эффективности и качества учебной, воспитательной, научно-исследовательской и хозяйственной работы. Новые условия оплаты труда, предусмотренные этим постановлением, планировалось ввести поэтапно в период с 1.09.1987 г. по 1992 год (4. С. 287, 288, 289). Однако, дальнейшее развитие политической и социально-экономической ситуации в стране отодвинуло реализацию этого решения как первоочередного, несмотря на его актуальность. Тем не менее, Е.В. Ткаченко, министр образования РФ в 1992 – 1996 гг., считал, что главным звеном образовательной политики должно быть законодательное и нормативно-правовое обеспечение направлений развития образования в России, вкуче с его социокультурной направленностью. Качественная модернизация страны возможна только при её кадровом, материально-техническом и ресурсном обеспечении в условиях реальной защиты научных и научно-педагогических кадров. Это, в свою очередь, показывает необходимость разработки научной концепции управления образовательной деятельностью в стране (19. С. 35, 38, 39).

В законодательных и программно-концептуальных документах Российской Федерации последних двадцати пяти лет по вопросам модернизации отечественного образования с целью повышения его эффективности и качества сквозной линией проводится мысль о том, что одним из показателей качества образования как его комплексной характеристики является качество

преподавательского состава. Так, в «Национальной доктрине образования в Российской Федерации», как основополагающем государственном документе, устанавливающим приоритет образования в государственной политике, стратегию и основные направления его развития на период до 2025 года (одобрена после широкого обсуждения Правительством РФ 04.10.2000 г.), в пункте «Педагогические кадры» подчеркивается ведущая роль педагога в достижении целей образования, необходимость обеспечения условий для неуклонного повышения престижа и социального статуса преподавателей и других работников сферы образования. Намечался опережающий рост заработной платы работников образования по сравнению со средней в промышленности, за счет увеличения доли расходов на образование в государственном бюджете, расширении самостоятельности организаций отрасли и стимулирования эффективного использования бюджетных и внебюджетных средств. Оплата труда профессорско-преподавательского состава образовательных организаций системы ВПО должна была приблизиться к удвоенному размеру средней зарплаты работников промышленности (5. С. 7, 8, 9).

Более конкретно вопросы оплаты труда работников высшего учебного заведения были определены в статье 30-й Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» (1996 г.). В частности, в соответствии с Законом вузы самостоятельно определяли форму и систему оплаты труда, размеры доплат, надбавок, премий и других мер материального стимулирования, а также размеры должностных окладов (ставок) всех категорий работников, в пределах имеющихся у него средств. При этом средние должностные оклады (ставки) для педагогических работников из числа профессорско-преподавательского состава вузов должны были устанавливаться на уровне, в два раза превышающем уровень средней заработной платы работников промышленности в Российской Федерации. Научно-педагогическим работникам вузов устанавливались надбавки к должностным окладам (ставкам) в размере 40 % за должность доцента и 60 % за должность профессора; 900 рублей за ученую степень кандидата наук и 1500 рублей за ученую степень доктора наук (8. С. 41, 42).

Ныне действующий Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» (от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ), с вступлением

которого в действие утратил силу ФЗ «О высшем и послевузовском образовании», также провозглашает (ст. 47) особый статус педагогических работников в обществе, что предполагает создание условий для осуществления ими профессиональной деятельности. По Закону, педагогическим работникам предоставляются права и свободы, меры социальной поддержки, направленные на обеспечение их высокого профессионального уровня, условий для эффективного выполнения профессиональных задач, повышение социальной значимости престижа педагогического труда (7. С. 60).

Уже в рамках действия этого закона разрабатывалась Федеральная целевая программа развития образования на 2016 – 2020 гг., утвержденная решением Правительства РФ от 25 мая 2015 г., которую следует воспринимать как продолжение предыдущей Федеральной целевой программы, осуществляемой в 2011 – 2015 гг. Главная цель новой Программы обозначена, как создание условий для эффективного развития российского образования, направленного на обеспечение его доступности и качества, отвечающего требованиям современного инновационного социально ориентированного развития Российской Федерации. Особым пунктом выделены задачи развития высшего образования как важнейшей ступени всей образовательной системы. В частности, в рамках принятой Программы в течение предстоящего пятилетия планируется поэтапно решить целый ряд кадровых задач в контексте повышения качества отечественного образования, его эффективности. Федеральная целевая программа развития образования рассматривается как управленческий механизм обеспечения преемственности в реализации государственной политики в сфере образования (12). Можно констатировать, что в документах федерального уровня сквозной линией заявляется заинтересованность государства в поддержке профессорско-преподавательского состава высшей школы.

Говоря о тесной взаимосвязи и взаимозависимости качества образования и качества профессорско-преподавательского состава, уместно привести мнение коллектива авторов работы под названием «Как платят профессорам?», которые смотрят на педагогическую профессию, как одну из самых важных, и считают, что ни один университет не может успешно функционировать без преданных своей работе преподавателей, получающих адекватное вознаграждение. Отмечая высокую роль высшего образования как

основы глобального общества знаний, авторы работы констатируют, как печальный, факт снижения во многих странах статуса преподавателей, как и их заработной платы. По мнению авторов книги, проведенных глобальное сравнение систем вознаграждения и контрактов в академической сфере 28 стран мира, условия найма должны предусматривать такую структуру карьеры, которая способна привлечь и удержать лучших преподавателей и исследователей, а также стимулировать их к максимально эффективному труду (16. С. 9). Проведенное авторами исследование показывает, что во многих странах университеты находятся в кризисе, поэтому академические работники стараются увеличить свою заработную плату за счет дохода от дополнительной учебной нагрузки, исследовательской деятельности, неакадемической работы, преподавания в нескольких местах, административной деятельности. Таким образом, они приходят к выводу, что без значительной заработной платы, эффективных контрактов и благоприятных условий труда от преподавателей не добиться хорошей работы (16. С. 15).

Что следует понимать под «эффективным контрактом»? Определение понятия «эффективный контракт» дано в Программе поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012 – 2018 гг., утвержденной распоряжением Правительства РФ от 26.11. 2012 № 2190-р. Под эффективным контрактом понимается трудовой договор с работником, в котором конкретизированы его должностные обязанности, условия оплаты труда, показатели и критерии оценки эффективности деятельности для назначения стимулирующих выплат в зависимости от результатов труда и качества оказываемых государственных (муниципальных) услуг, а также меры социальной поддержки. (www.pdfactory.com). Примерная форма эффективного контракта утверждена Приказом Минтруда России от 26.04. 2013 № 167н, в котором представлены и рекомендации по оформлению трудовых отношений с работниками государственных (муниципальных) учреждений. Министр образования РФ Д. Ливанов, в интервью «Умной школе.рф», данном ещё в начале 2013/14 уч. г., по поводу эффективного контракта сказал, что эффективный контракт – это не контракт между учителем и директором конкретной школы. Это более широкое понятие, это общественный договор, заключенный между

обществом и учительством. Принципиально важно, чтобы рост заработной платы не происходил за счет повышения учебной нагрузки. Если это происходит, то это не просто профанация идеи эффективного контракта, а прямой вред, который наносится профессиональному самочувствию учителя и в целом качеству обучения, качеству работы учителей.

В связи с переходом к заключению эффективных контрактов весьма важно было определить нормы часов педагогической работы за ставку заработной платы и порядок определения учебной нагрузки педагогических работников. Такой документ был разработан, рассмотрен и утвержден приказом МО и Н РФ от 22.12.2014 г за № 1601 под названием «О продолжительности рабочего времени (нормах часов педагогической работы за ставку заработной платы) педагогических работников и о порядке определения учебной нагрузки педагогических работников, оговариваемой в трудовом договоре». Документ был зарегистрирован в Минюсте РФ, опубликован, вступил в силу с 10.03.2015 и стал руководством к действию. В связи с его принятием утратил силу приказ МО и Н РФ от 24.12.2010 г. № 2075 «О продолжительности рабочего времени (норме часов педагогической работы за ставку заработной платы) педагогических работников» (9).

Насколько эффективно идет процесс заключения эффективных договоров в образовательных организациях? Какие вопросы возникают у педагогических работников в связи с заключением эффективных контрактов? Чем вызваны дискуссии в среде педагогической общественности, связанные с заключением этих документов? Обращение к уже имеющемуся опыту деятельности вузов в этом направлении позволяет выделить, по меньшей мере, две проблемы: это нормирование рабочего времени ППС, а также критерии и показатели его оплаты.

Понятие рабочего времени и нормальной его продолжительности определено в Трудовом кодексе РФ (в редакции ФЗ от 30.06.2006). Оно характеризуется как *время, в течение которого работник в соответствии с правилами внутреннего трудового распорядка и условиями трудового договора должен исполнять трудовые обязанности, а также иные периоды времени, которые в соответствии с настоящим кодексом, другими федеральными законами и иными правовыми*

актами РФ относятся к рабочему времени (10. С. 4). По Закону, нормальная продолжительность рабочего времени в РФ не может превышать 40 часов в неделю, а продолжительность еженедельного непрерывного отдыха не может быть менее 42 часов. При шестидневной рабочей неделе работникам предоставляется один выходной день, общим для всех выходным днем является воскресенье (10. С. 11). Эти нормы относятся ко всем категориям работников. В 52-й главе Кодекса под названием «Особенности регулирования труда педагогических работников» среди прочих норм зафиксирована сокращенная для них продолжительность рабочего времени - не более 36 часов в неделю (10. С. 16). В справочной литературе даются разные определения рабочего времени, например, как времени, затрачиваемого на производство материальных и духовных благ или выполнения определенного объема работ. Это время измеряется для отдельного работника в часах, днях, годах. Это период времени, в течение которого работник обязан выполнять требуемую работу (21. С. 121). Но в том-то и дело, что определение и строго научный подход к расчету рабочего времени педагогического работника в контексте учебной работы и «другой» (неконтактной с обучающимися) работы. Предполагает обязательный учет таких категорий как «внерабочее время», которое, в свою очередь, подразделяется на «занятое время» и «свободное время». В связи с этим весьма важно соблюдать законное право педагога на время отдыха, как время, в течение которого он свободен от выполнения от своих трудовых обязанностей и которое он может использовать по своему усмотрению.

Ныне действующий Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» (от 29.12.2012 г.), признавая особый статус педагогических работников в обществе и создание условий для осуществления ими профессиональной деятельности, также предоставляет им право на сокращенную продолжительность рабочего времени и на ежегодный основной удлиненный оплачиваемый отпуск, продолжительность которого определяется Правительством РФ (7. С. 60, 61). По Закону, в рабочее время педагогических работников, (ст. 47, п. 6) «включается учебная (преподавательская), воспитательная работа, индивидуальная работа с обучающимися, научная, творческая и исследовательская работа, а также другая педагогическая работа, предусмотренная

трудовыми (должностными) обязанностями и (или) индивидуальным планом, - методическая, подготовительная, организационная, диагностическая, работа по ведению мониторинга...» и др. Режим рабочего времени и времени отдыха педагогических работников определяется коллективным договором, правилами внутреннего распорядка и иными локальными нормативными актами организации, осуществляющей образовательную деятельность, а также трудовым договором (7. С. 62).

В середине 2003 г. ректорам высших учебных заведений было направлено для практического использования письмо Министра образования РФ В.М. Филиппова, с приложением к нему «Примерных норм времени для расчета объема учебной работы и основных видов учебно-методической, научно-исследовательской и других работ, выполняемых профессорско-преподавательским составом в образовательных учреждениях высшего и дополнительного профессионального образования». Учебная нагрузка педагогическим работникам по программам ВПО устанавливалась в зависимости от квалификации и профиля кафедры в размере до 900 часов в году. В Приложении указаны конкретные нормы времени для всех видов учебной работы, включая аудиторные занятия, консультации, контроль, практику, руководство факультетом, кафедрой и др. Учебно-методическая и организационно-методическая работа, представленная по их видам, в числовом их выражении не определялась. Преподаватель обязывался обеспечить соответствующей документацией все виды учебной работы. Администрации вузов предписывалось планировать преподавателю учебную, учебно-методическую, организационно-методическую и другие виды работ, исходя из 36-часовой рабочей недели.

В настоящее время в вопросах нормирования труда ППС вузы руководствуются Приказом МО и Н РФ от 22.12.2014 г. (№ 1601) «О продолжительности рабочего времени (нормах часов педагогической работы за ставку заработной платы) педагогических работников и о порядке определения учебной нагрузки педагогических работников, оговариваемой в трудовом договоре». В приложениях к этому письму фиксируется установленная законодательно продолжительность рабочего времени не более 36 часов в неделю, а верхний предел учебной

нагрузки – в объеме, не превышающем 900 часов в учебном году. При определении учебной нагрузки её объем устанавливается по видам учебной деятельности во взаимодействии с обучающимися (то есть контактной работы обучающихся с преподавателем). В разделе VI. *Определение нагрузки педагогических работников, отнесенных к профессорско-преподавательскому составу, и основания ее изменения* (Приложение № 2), пункт 6.4, указывается, что нормы времени по видам учебной деятельности, включающих в себя контактную работу преподавателя с обучающимися, самостоятельно определяются организацией и утверждаются ее локальным нормативным актом. Соотношение учебной нагрузки и другой деятельности преподавателя (научной, творческой, исследовательской, методической, организационной, экспертной и др.), предусмотренной должностными обязанностями и (или) индивидуальным планом преподавателя, также определяется локальным нормативным актом организации (9).

Таким образом, на образовательные организации возложена высокая ответственность по введению в действие настоящего приказа, что предполагает проведение разной по содержанию подготовительной работы с привлечением к ней разных специалистов. Особо ответственного подхода, на наш взгляд, требует организация работы в вузах по заключению эффективных контрактов, что предполагает необходимость научного подхода к формированию примерных положений о наименованиях, условиях и размерах выплат компенсационного характера. Важно разработать критерии оценки эффективности и целевых показателей работы, которые при этом не должны вызывать двойственных толкований и быть понятными для работников. Естественно, что деятельность вузов в этих вопросах должна осуществляться с учетом уже разработанных и действующих методических рекомендаций по разработке типовых отраслевых норм труда, системы оплаты труда работников бюджетных организаций (6).

Нель не согласиться с мнением В.И. Жукова в том, что государство во все времена было и остается властным институтом, обладающим, в том числе, инструментами принуждения и подавления. Современная высшая школа хотела бы, чтобы у государства в области науки и образования были только две функции, которые, по справедливому замечанию В.А.

Садовнического, оно должно свято исполнять: «Первая – это их финансирование, вторая – это их защита. Все остальное – дело ученых и профессорско-преподавательского состава» (15. С. 245).

Источники:

1. Высшая школа: Сборник основных постановлений, приказов и инструкций / под ред. Е.И. Войленко. Ч. 1. М.: Высшая школа, 1965.

2. Народное образование в РСФСР / под ред. М.П. Кашина и Е.М. Чехарина. М.: Просвещение, 1970.

3. Народное образование в СССР: общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917 – 1973 / сост. А.А. Абакумов, Л.Ф. Литвинов. М.: Педагогика, 1974.

4. Народное образование в СССР: Сборник документов. М.: Юрид. лит., 1987.

5. Национальная доктрина об образовании в Российской Федерации: одобрена постановлением Правительства РФ от 4.10.2000 № 751 // Информационный бюллетень УрГПУ. 2001. Вып. 16 (февраль).

6. Новая оплата труда бюджетников. Нормативное регулирование. Екатеринбург: ИД «Ажур», 2009.

7. «Об образовании в Российской Федерации»: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ. Екатеринбург: ИД «Ажур», 2013.

8. «О высшем и послевузовском профессиональном образовании»: Федеральный закон. М.: Ось-89, 2004.

9. О продолжительности рабочего времени (нормах часов педагогической работы за ставку заработной платы) педагогических работников и о порядке определения учебной нагрузки педагогических работников, оговариваемой в трудовом договоре: Пр. МО и Н РФ (Минобрнауки России) от 22.12.2014 № 1601.

10. Рабочее время работников образовательных учреждений: общие положения и особенности правового регулирования: Сб. нормативных актов с комментариями ЦС Профсоюза работников народного образования и науки РФ // Информационный бюллетень. №.2 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.google.ru/>

11. Справочник директора школы: Сб. постановлений, приказов, инструкций и других руководящих материалов о школе / сост. М.М. Дейнеко. Изд. 2-е. М.: Госучпедгиз, 1955.

12. Федеральная целевая программа развития образования на 2016 – 2020 годы. Утверждена постановлением Правительства РФ от 23.05.2015 № 497.

Литература:

13. Дайновский А.Б. Экономика высшего образования: Планирование, кадры, эффективность. М.: «Экономика», 1976.
14. Жамин В.А. Экономика образования (вопросы теории и практики). М.: Просвещение, 1969.
15. Жуков В.И. Университетское образование: история, социология, политика. М.: Академический проект, 2003.
16. Как платят профессорам? Глобальное сравнение систем вознаграждения и контрактов / под ред. Ф. Альтбаха, Л. Райсберг, М. Юдкевич, Г. Андрущак, И. Пачеко; пер. с англ. Е.В. Сивак под науч. ред. М.М. Юдкевич; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
17. Кобзев М.С., Горбачев Н.А. Выдающиеся физики и математики о воспитании и обучении. Саратов: Изд-во СГУ, 1981.
18. Мещангина Е.И. Государственная политика в области высшего педагогического образования в условиях становления новой России (1990 – 2000 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2006.
19. Понятийный аппарат педагогики и образования: сб. науч. тр. / отв. ред. Е.В. Ткаченко, М.А. Галагузова. Вып. 7. Екатеринбург: СВ-96, 2012.
20. Прокофьев М.А. Послевоенная школа России. М.: МИРОС, 1997.
21. Экономический словарь / под ред. А.Н. Азрилияна. 2-е изд. М.: Институт новой экономики, 2011.

УДК 37(09).09(470.5)

ББК 4403(235.55)61 ГСНТИ 14.35.19 Код ВАК 13.00.01

Т.П. Днепров

Екатеринбург

ЗНАЧИМОСТЬ ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ ДЛЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ПЕДАГОГОВ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: историко-педагогические знания, гуманизация образования, технологизация, культурная трансмиссия, воспитывающее обучение.

АННОТАЦИЯ. В статье раскрывается сущность историко-педагогического знания как ценностно-смысловой составляющей образования в профессиональной подготовке будущих педагогов и неправомерности чрезмерной технологизации образовательного процесса. Подчеркивается значимость изучения истории педагогики как процесса культурной трансмиссии.

T.P. Dneprova

Yekaterinburg

THE SIGNIFICANCE OF HISTORICAL AND PEDAGOGICAL KNOWLEDGE FOR TRAINING OF FUTURE TEACHERS

KEY WORDS: historical and pedagogical knowledge, humanization of education, technologization, cultural transmission, bringing up training.

ABSTRACT. The article reveals the essence of the historical and pedagogical knowledge as a value-semantic component of education in the training of future teachers and the illegitimacy of excessive technologization of the educational process. It emphasized the importance of studying the history of pedagogy as the process of cultural transmission.

В современной системе отечественного образования наблюдается некоторая акцентуация на технологизации образовательного процесса, что подкрепляется так называемым практико-ориентированным подходом. Однако чрезмерное «увлечение» технологизацией осуществляется в ущерб ценностно-смысловой составляющей образования, которая определяет

сущность гуманитарного и, в частности, историко-педагогического знания.

Проблема в том, что школа как средняя, так и высшая, в первую очередь «должна учить мыслить, в том числе мыслить о смысле» (фраза Э.В. Ильенкова, дополненная В.П. Зинченко), что соответствует сущности человека, о чем мудро высказался ещё Декарт: «*Cogito, ergo sum*» – «я мыслю, следовательно, существую».

Поэтому гуманистическая образовательная парадигма ориентируется на формирование мыслящего, чувствующего и волеизъявляющего (действующего) человека и рассматривает его как ценность и цель образования. В свою очередь технологизация процесса обучения может выступать лишь как средство образования человека.

Подобная ситуация (деформация образовательного процесса в сторону его технологизации) свидетельствует о проявлении технократического мышления, которое подробно охарактеризовал психолог и педагог В.П. Зинченко в своей книге «Аффект и интеллект в образовании» (2). «Технократическое мышление, – утверждает ученый, – это мировоззрение, существенными чертами которого являются примат средства над целью, цели над смыслом и общечеловеческими интересами, смысла над бытием и реальностями современного мира, *техники* над человеком и его ценностями... Особенностью технократического мышления является взгляд на человека как на обучаемый программируемый компонент системы, как объект самых разнообразных манипуляций...» (2. С. 17). Такое мышление особенно опасно для педагога.

Сегодня забыт принцип гуманитаризации образования (Закон об образовании 1992 г.), который предполагал преодоление технократизма в образовании и повышение удельного веса гуманитарных дисциплин в учебном процессе. Гуманитаризация была направлена на «очеловечивание» знаний (придание содержанию образования личностного смысла), развитие творческого и аксиологического мышления у обучающихся, формирование гуманитарного мироощущения как основы нравственной ответственности человека перед самим собой, другими людьми и обществом в целом, что является основополагающим для педагогической деятельности.

В профессиональной подготовке будущего педагога дисциплина «История образования и педагогической мысли» (классическое название «История педагогики») занимает значительное место, так как представляет собой смыслообразующий контекст, позволяющий объяснить и понять прошлый педагогический опыт, цель и смысл образования человека, особенности образовательных систем в истории развития общества и, в соответствии с этим, осмыслить современную ситуацию в образовании. В целом история педагогики и образования (в статье мы будем использовать это название) способствует формированию научного педагогического сознания и является составной частью педагогической культуры.

Трактуя историю педагогики как неотъемлемую часть истории человеческой цивилизации, Ф.Г.Х. Шварц, видный немецкий деятель в области просвещения, богослов и педагог XIX века, подчеркивал, что актуальность историко-педагогической проблематики определяется двумя обстоятельствами, во-первых, *прошлое поучает*, во-вторых, оно *порождает новое*. Первое обстоятельство непосредственно связано с *принципом воспитывающего обучения*. Этот принцип был обоснован немецким педагогом и психологом И.Ф. Гербартом (1), хотя основы его были заложены ещё Сократом. Говоря о воспитывающем обучении, И.Ф. Герbart утверждал, что целенаправленное обучение развивает не только ум, но и внутренний мир личности человека, т.е. осуществляет и целенаправленное воспитание. Таким образом, обучение и, как следствие, развитие ума, мышления человека, есть главное средство воспитания, формирования личностных качеств, его характера. Отсюда, специфические по своим функциям воспитание и обучение взаимосвязаны и диалектически взаимодействуют между собой.

Второе обстоятельство характерно для *эвристической функции* истории педагогики, которая непосредственно связана с творческим мышлением. Центральным элементом творчества является инсайт (англ. insight – проницательность, озарение), что связано с нахождением нового, оригинального решения какой-либо проблемы. В соответствии с этим, при осмыслении прошлого педагогического опыта (позитивных и негативных сторон) можно

прийти к оригинальному решению самого широкого круга современных проблем теории и практики образования.

В то же время история педагогики и образования реализует *прогностическую функцию*, что способствует пониманию взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего, преемственности духовной культуры в целом. В процессе изучения этой дисциплины осмысливается философско-педагогическое наследие (взгляды, идеи, концепции, теории, опыт) выдающихся зарубежных и отечественных мыслителей и педагогов прошлого, рассматривается и анализируется развитие систем воспитания и образования в различные исторические эпохи.

Таким образом, осуществляется *процесс культурной трансмиссии*, то есть культурное (педагогическое) наследие, доказавшее свою ценность, передается от предшествующих поколений к последующим и сохраняется на новом этапе развития общества. Следовательно, благодаря культурной трансмиссии каждое последующее поколение получает возможность начинать с того, на чем остановилось предыдущее. Так закладывается «культурный фундамент», на основе которого можно строить, создавать что-либо новое. В соответствии с этим молодое поколение добавляет новые знания к уже накопленному богатству культуры, в нашем контексте – педагогической культуры.

В результате этого происходит развитие аксиологического мышления обучающихся, которое заключается:

а) в ценностном отношении к классическому педагогическому наследию, как основы развития современного образовательного процесса и использования его в педагогической деятельности;

б) в выработке системы педагогических ценностей и способности сознательно ориентироваться в многообразии подходов к определению целей образования и организации образовательного процесса в целом;

в) в уважительном отношении к педагогической деятельности (профессии), личности учителя на примере наиболее ярких представителей зарубежной и отечественной школы прошлого.

В процессе преподавания истории педагогики и образования важно соблюдение *принципа научного историзма* – отказ от однозначности, односторонности суждений о прошлом, рассмотрение всех педагогических явлений и фактов строго в контексте конкретно исторического времени и эпохи. Стремление к

научной объективности исключает в равной мере как апологетику (восхваление, незаслуженная защита), так и очернительство.

Однако педагог не может полностью отказаться от субъективного мнения. Поэтому необходимо рассмотрение различных точек зрения на то или иное историко-педагогическое явление (факт), чтобы подойти к объективному осмыслению его. Всё это отражает смысл явления *толерантности*, допускающее сосуществование различных социально-политических и культурно-образовательных интересов, концепций, идей гуманистической направленности, а также предполагает уважение других взглядов, которые имеют образовательную ценность и заслуживают внимания. В этой ситуации долг педагога найти - компромисс. Для этого требуется *интеллектуальная честность* как принцип педагогической деятельности в освещении историко-педагогической проблематики.

Интеллектуальную честность можно рассматривать и как принцип и как нравственное качество педагога. В данном случае для нас важно, чтобы интеллектуальная честность стала неотъемлемым принципом профессиональной деятельности педагога, как способность мыслить по своей совести и долгу, сознательно избегая обмана и самообмана.

Резюмируя вышеизложенное, хотелось бы выразить надежду на то, что в образовательном процессе особенно гуманитарных дисциплин, к которым относится историко-педагогическое знание, приоритетными были вопросы: Что это? Зачем? Почему? Вопросы, которые заставляют будущих педагогов думать, «мыслить о смысле», развивать творческое мышление, учиться аргументировано обосновывать свою точку зрения и слышать других. И только после этого отвечать на вопрос: Как?, используя различные современные технологии.

Литература:

1. Гербарт И.Ф. Общая педагогика, выведенная из цели воспитания / Избр. пед. соч. Т. 1. М.: Учпедгиз, 1940.
2. Зинченко В.П. Аффект и интеллект в образовании. М.: Тривола, 1995.

УДК 373.5 – 057. 175: 94 (07) + 005. 342 (07

ГСНТИ– 03. 01.45

Код ВАК – 13.00.02.

М.Н.Дудина

Екатеринбург

НЕОБХОДИМОСТЬ И ВОЗМОЖНОСТЬ ПЕРЕХОДА ОТ ТРАДИЦИОННОЙ МЕТОДИКИ К ИННОВАЦИОННОЙ В ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ В ШКОЛЕ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: традиционная и инновационная методика, репродуктивное и креативное обучение, универсальные учебные действия

АННОТАЦИЯ. Результаты современного школьного образования предполагают овладение универсальными учебными умениями, готовность творчески использовать знания и умения, наращивать креативный опыт деятельности, что так необходимо для настоящего и особенно будущего времени. Это ориентирует на отказ от традиционной методики, пронизанной идеей репродуктивного обучения, и использование инновационной, в которой главным действующим лицом становится не учитель, а учащиеся. Автор предлагает конкретные методики креативного обучения, стимулирующие самостоятельный поиск школьниками различных источников информации и применения знаний «здесь и сейчас» в диалоге со сверстниками и учителем.

M. N. Dudina

Yekaterinburg

THE NECESSITY AND POSSIBILITY OF A TRANSITION FROM THE TRADITIONAL METHODOLOGY TO INNOVATION IN THE TEACHING OF HISTORY IN SCHOOLS

KEY WORDS: traditional and innovative methods of reproductive and creative education, universal education action.

ABSTRACT. The results of modern schooling assume universal mastery learning skills, a willingness to creative use of knowledge and skills, build a creative experience, creative activity that is so necessary for the present and especially the future tense. It focuses on the rejection of the

traditional method, permeated with the idea of reproductive learning, and the use of innovation, in which the protagonist becomes the teacher and students. The author proposes a specific methodology of creative learning, stimulate students independent search of various sources of information and application of knowledge "here and now" in a dialogue with their peers and teacher.

Актуальность поставленной проблемы обусловлена требованиями, предъявляемыми к образованию обществом и государством, а также ее субъектами – преподавателями и школьниками, личными запросами будущих выпускников как к системе, ориентированной не столько на настоящее время, сколько на будущее. Нарастание противоречивых взглядов на историю, стремительный, порой тенденциозный, отказ от сложившихся и веками действовавших представлений о ходе истории, интерпретации ее фактов и событий, оценок исторических персоналий, широко представленные в мировых виртуальных сетях все более затрудняют и осложняют процесс национальной идентификации, часто провоцируют вражду и ненависть между народами. Между тем, история как учебный предмет обладает свойственными ей функциями «погружаясь в хаос, сохранять веру в порядок и смысл. Это очень серьезная задача» (Г. Гессе). Помочь разобраться в гуманистическом потенциале истории как науки и учебного предмета, ее антропологической, аксиологической и мировоззренческой значимости призвано школьное историческое образование. У него всегда была, есть и будет ответственность «за будущность предков» (Вл.С. Соловьев), за ментальность народа, его образ жизни, культуру, потому что историческое образование обладает специфическим потенциалом развития личности в образовании.

«Мое образование – моя ответственность» - эта мудрость всегда была актуальной, но трудно достижимой во все времена по причине отсутствия или ограниченности источников знания. Главным их носителем был учитель, поэтому каждое новое поколение относилось к учителю с почтением: «... перед именем твоим, позволь смиренно преклонить колени». На рубеже XX – XXI вв., особенно в настоящее время, открылись огромные, не только не виданные ранее, но и не предполагаемые возможности использования различных источников информации, легкий доступ к самым разнообразным текстам знаменитых библиотек на

различных языках мира. Это поставило вопрос о смене образовательной парадигмы (от греч. *παράδειγμα*, «пример, модель, образец») — совокупность фундаментальных научных установок, представлений и терминов, принимаемая и разделяемая научным сообществом и объединяющая большинство его членов. Парадигмальный подход в современном отечественном образовании призван обеспечить на основе преемственности развития науки преемственность в образовании, открыть перспективу научного творчества, поиска новых методов преподавания, создания инновационной модели. Заметим, что традиционная когнитивная образовательная модель («зуновская» - знания, умения, навыки) была ориентирована на получение знаний из уст учителя, когда со времен «Великой дидактики» Я.-А. Коменского, призывавшего к искусству: «всех учить всему... и учить с успехом» (*Artificium omnes omnia docendi*), методика предполагала «передачу» знаний от учителя ученикам.

Задача и миссия учителя, преподавателя высшей школы состояла в «передаче знаний и опыта» предшествующих поколений («сеяние разумного, доброго, вечного») новым поколениям. Неотъемлемым свойством этой модели была доминирующая репродуктивная деятельность обучаемых, экстенсивный характер образовательного процесса обуславливал длительность обучения и нацеленность - «научить на всю оставшуюся жизнь». Результат образования, как правило, оценивался в основном количественными показателями. В целом когнитивная модель более ориентирована на процесс, чем на результат, что соответствовало культурно-историческому пространству-времени. Это не исключало инноваций (позднелат. *innovatio*, англ. *innovation* – нововведение), однако они носили эпизодический и случайный характер. Как массовые явления культуры и образования пришли в последние десятилетия человеческой истории и получили признание, «социализировались». Они зафиксированы в знаковой форме, в деятельности посредством изменения способов, содержания, механизмов, результатов. Отсюда широкое употребление понятий «инновационная деятельность», «инновационный процесс», связанный с авторским или анонимным вкладом. Что касается преподавания истории, то как ни в какой другой дисциплине, оказались необходимыми и возможными инновационные методики. Цель их использования – достижение

нового, качественно отличающегося результата. В настоящее время он связан с овладением знаниями на основе приобретаемых умений ими пользоваться, в том числе в креативной деятельности на основе добывания знаний самим обучающимся. Смена образовательной парадигмы, реализация инновационной модели привела к смещению акцентов – с преподавателя на школьника и студента (2, 6). В развивающей личности образовательной модели изменились задачи и миссия учителя, преподавателя – мотивировать на самостоятельный поиск знаний, умений их творчески использовать. Необходимое и возможное, реально достигаемое свойство личности обучаемых - осознанная нацеленность на самостоятельную работу, креативную деятельность. Такой подход меняет характер образовательного процесса, он становится интенсивным, нацеленным на непрерывное образование («через всю жизнь») для достижения результатов, которые оцениваются качественными показателями. В современной отечественной школе речь идет о реализации концепции развития универсальных учебных действиях - УУД (в высшем образовании об универсальных, общепрофессиональных (УК, ОПК) и профессиональных (ПК) компетенциях. Она обусловлена новым социальным и государственным запросом, отражающим демократизацию российского общества и востребованность инновационного потенциала, реализация которого будет способствовать общекультурному личностному развитию учащихся, желающих и умеющих учиться. Овладение универсальными учебными действиями как психолого-педагогической составляющей образования создает предпосылки для саморазвития и самосовершенствования. Принципиальное отличие данной модели состоит в переносе акцента в преподавании с учителя на учащихся, которые осознанно в активной творческой деятельности овладевают знаниями, умениями и наращивают собственный опыт приобретения универсальных учебных действий.

Что касается теоретико-методологических основ инновационной образовательной модели, то они разработаны отечественной психологией (психологией развития личности в образовании) в русле системно-деятельностного подхода (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин, Д.Б. Эльконин, В.В. Давыдов) и продолжают разрабатываться (Г.В. Бурменской, И.А.

Володарской, О.А. Карabanовой, Н.Г. Салминой, С.В. Молчановым) под руководством А.Г. Асмолова (5). Пока более разработанная применительно к начальной школе данная концепция перспективна для всех учебных дисциплин средней и старшей школы.

Если конкретно говорить о проектировании учебного процесса, связанного с изучением истории, то данная концепция должна стать основой для разработки учебных планов, программ, учебно-методических материалов и пособий при изучении истории. Поскольку данная образовательная модель ориентирована на результат, достигаемый собственными усилиями обучаемого, постольку в задачу учителя входит понимание сущности истории как науки и учебного предмета, особенностей ее развивающего потенциала: разнообразные концептуальные модели методологии, различение общего, особенного и единичного, эпистемность, мировоззренческая насыщенность, аксиологичность, инструментальность и рефлексивность (1. С. 89-96).

Именно методология истории и особенности истории как учебного предмета ориентируют (если ни сказать, диктуют) на выбор инновационных технологий, исходя из целей и задач современного школьного образования. Остановимся на них, но прежде выскажем свое убеждение по поводу непринятия традиционного школьного урока (с первого по выпускной класс), когда до сих пор учитель «объясняет» новый материал, а на следующем уроке вызывает к доске и проводит «проверку знаний», сам оценивает по критериям, ему только известным, запугивает ЕГЭ и пользуется до сих пор пятибалльной системой. Предлагаемые нами дидактические инновационные технологии мотивируют учащихся на выработку системы знаний и умений их презентовать, быть убедительными в ответах на вопросы одноклассников, возможно, экспертной группы из их числа и учителя. Все – «на равных» в этом учебном сообществе исследователей истории, когда учащиеся овладевают совокупностью УУД. Это *личностные*, связанные с самоопределением на основе смыслообразования, формирования собственной позиции школьника при адекватной мотивации учебной деятельности в познании истории и достижении успеха в обучении, развитие основ гражданско-патриотической идентичности; *когнитивные*, связанные с овладением знаково-

символическими действиями, умениями анализа и синтеза, выявления причинно-следственных связей в историческом процессе, классификации и обобщения; *коммуникативные*, связанные с умением слушать других, вступать в диалог, считаться с позицией других и доказательно отстаивать свою, сотрудничать с учащимися и учителем, идти на компромисс, достижение консенсуса в этически приемлемых вербальных и невербальных средствах; *рефлексивно-регулятивные*, связанные с осознанием цели и средств ее достижения, адекватной самооценкой, обоснованности собственного асертивного(уверенного в себе) поведения.

Названные универсальные учебные действия достижимы в ситуации сократического или герменевтического диалогового обучения при использовании адекватных дидактических технологий, стимулирующих выявление проблемы, формулирование вопросов и поиск ответов на них. Это предполагает способы активного взаимодействия учителя и учащихся с целью освоения исторического материала, познания его аксиологической и мировоззренческой сущности не столько в репродуктивной деятельности, сколько в частично—исследовательской и исследовательской. Так обучение истории становится «открытием». С помощью словесных, наглядных и практических методов, вербальных средств – тексты, чтение и анализ, интерпретации первоисточников, рассказ, беседа, слово учителя, проблемное изложение происходит погружение в историю.

Таков реальный путь к себе через «чудо понимания» (Г. Гадамер) человеческих истоков, причинно-следственной связи настоящего с прошлым и будущим. История как учебный предмет находится в универсальном образовательном пространстве школы и, как никакой другой, учит прислушиваться к человеческим голосам истории, вдумываться в мудрые мысли великих людей, слушая полифонию «неслиянных голосов и сознаний» (М.М.Бахтин) в единстве Истории. Исторический процесс нельзя творчески понять «без своих вопросов». Выполняя информационную функцию через овладение знаниями об исторических фактах, событиях и процессах, история как школьный учебный предмет развивает и воспитывает, помогает разобраться в величии возвышения и низости падения

человеческого духа.

Принимая это как цель и задачу обучения истории, современный профессионал должен быть компетентным в ответе не только на вопрос чему учить? (содержание исторического образования), но и как учить? (технологии). Далее конкретно назовем технологии, ориентированные на диалог между учащимися и с учителем. Это отечественные и зарубежные: дебаты (командно-ролевая интеллектуальная игра с определенными правилами), игровые (картографические, настольные, ролевые, сюжетные, событийные, виртуальные), проектные (информационные, социально ориентированные, научно-исследовательские), укрупненных единиц, опережающих заданий, «позиционное обучение» Н. Е. Вераксы, «шесть шляп мышления» Э. Боно, SWOT-анализ, Case- study и др.(1, 4). А также и контрольно-оценочной деятельности, которая по своей сущности не должна быть только контролем со стороны учителя, а диагностико-корректирующей, предполагающей самоконтроль и самооценку в индивидуальных, парных, групповых и фронтальных заданиях (тестирование, портфолио, модульно-рейтинговая система, индивидуальный кумулятивный индекс (ИКИ). Из зарубежного опыта - программа Curriculum Development Project, согласно которой постоянно и планомерно увеличивается учебное время на самостоятельную и практическую работу. Сопровождается паспортом умений. Или метод Келлера Personal System instruktion - персонализированная система обучения на основе экспертного оценивания. Все это сопровождается внушительным учебно-методическим комплексом заданий для учащихся, предполагающим широкое использование Интернета.

Ограниченные рамками данной статьи назовем лишь некоторые проблемы и темы, которые успешно изучаются с использованием упомянутых технологий. При этом заметим, что при изучении одной и той же проблемы и темы могут продуктивно использоваться разные дидактические технологии, и это «примеряют» учащиеся, если учитель предоставляет свободу выбора и знакомит с сутью технологии, но часто современные учащиеся опережают учителей. Например, «История России – ментальность в пословицах и поговорках»; «История Отечества в паутине социальной сети: правда и ложь? Кому это выгодно?», «Царь Николай II: от Кровавого до Святого», «Гордиться славою

своих предков не только можно, но и должно» (А.С. Пушкин)!? «Историк Н.М. Карамзин – российский историограф, поэт, критик, драматург, переводчик, реформатор языкознания – Колумб русской истории?», Ф.М. Достоевский и его «Бесы» - «архи вредный писатель» (В.И. Ленин); «Религии мира – все об одном или о разном, где истина?», «Религиозная толерантность – миф или реальность?», «Крым наш! Мы вместе!».

Не будем продолжать перечень, однако заметим, что многие темы, если не все носят интегрированный характер, это ценно было и в традиции, но встречалось крайне редко. Так и получалось, что, теряясь в конкретике, в деталях, учащиеся «за деревьями не видели леса». В том повинна индуктивная логика построения школьных учебных программ и учебников (от частного к общему, от предметного к метапредметному, от предметных умений к универсальным действиям, если вообще до этого доходили). Мы же убеждены в необходимости дедуктивной логики (от общего к частному, от метапредметного предметному, от универсальных учебных действий к предметным), потому что она меняет сущность обучения и тип мышления, обладает развивающим личностным характером (Л.С. Выготский).

Приведем конкретику: решение кейса: «Патриотизм – духовная сила? Рабское подчинение?». Работа в старших классах с этим кейсом продуктивна в малых группах, которая стимулируется противоречивостью приведенных высказываний известных людей о любви к Родине, о патриотизме и попыткой их осмысления, защиты своей позиции (3).

А.С. Пушкин: «Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног – но мне досадно, если иностранец, разделяет со мною это чувство».

М.Ю. Лермонтов: «Люблю Отчизну я, но странною любовью...»

Л.Н. Толстой: «Патриотизм в самом простом, ясном и несомненном значении своем есть не что иное для правителей, как орудие для достижения властолюбивых и корыстных целей, а для управляемых -- отречение от человеческого достоинства, разума, совести и рабское подчинение себя тем, кто во власти. Так он и проповедуется везде, где проповедуется патриотизм».

И. Северянин: «Бывают дни, я ненавижу свою Отчизну, мать свою. Бывают дни, ее нет ближе, всем существом ее пою...».

М.А. Шолохов: «Это святая обязанность – любить страну, которая вспоила и вскормила нас, как родная мать».

К. Симонов: «Нас пули с тобою пока еще милуют./Но, трижды поверив, что жизнь уже вся,/Я все-таки горд был за самую милую,/За горькую землю, где я родился,/За то, что на ней умереть мне завещано,/Что русская мать нас на свет родила,/Что, в бой провожая нас, русская женщина/По-русски три раза меня обняла».

Имея цель и задачи использования инновационных технологий в школьном обучении истории, скажем о значительном отечественном и зарубежном опыте, подчеркнем, что еще в период становления советской педагогики применялся метод проектов (С.Т. Шацкий), к которому успешно вернулись современные учителя, в том числе историки г. Екатеринбурга и Свердловской области. Их методические разработки ежегодно обсуждаются на Всероссийских историко-педагогических чтениях (А.В. Антонова, И.Л. Бахтина, Н.Л. Гарифуллина, О.В. Гугнина, П.В. Павленко, В.А. Широкий).

Еще немного скажем о том, что в зарубежном опыте также есть разработки практиков, и там, где поставлена проблема пересмотра отношений «учитель-ученик», то называют «перевернутым классом» (нем, Flipped Classroom, англ. Inverted Classroom). Его дидактическую значимость особенно ценят при использовании цифровых носителей (7).

Завершая стремление быть убедительными в понимании необходимости и реальной возможности перехода от традиционной методики к инновационной в обучении истории, подчеркнем ценностный, мировоззренческий, воспитательный потенциал науки и учебного предмета, а также ответственность учителя истории перед прошлыми и новыми поколениями.

Литература:

1. Дудина М.Н. Зачем изучать историю? Или как я понимаю методику преподавания истории. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 395 с.

2. Дудина М.Н. Новая образовательная парадигма: проблемы содержания образования // Образование и наука. Известия Уральского отделения Российской Академии Образования. №2 (70), февраль 2010.

3. Дудина М. Н. Аксиология патриотизма: трансформация от императивной к нравственно-ориентирующей этике // European Social Science Journal "ESSJ" <essj.vak@gmail.com, 2015. № 6. С. 374 – 383.

4. Дудина М.Н. Дидактика высшей школы: от традиций к инновациям: учеб.-метод. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 152 с.

5. Как проектировать универсальные учебные действия в начальной школе: от действия к мысли: пособие для учителя / А.Г. Асмолов, Г.В. Бурменская, И.А. Володарская и др.; под ред. А.Г. Асмолова. М.: Просвещение, 2008. 151 с

6. Пургина Е.И. Методологические подходы в современном образовании и педагогической науке: учеб. пособие. Екатеринбург, УрГПУ, 2015. 275 с.

7. e-teaching.org [Электронный ресурс]. URL:<http://> (дата обращения: 15 декабря 2015).

УДК 37(09).09(470.5)

ББК 4403(235.55)61 ГСНТИ 14.35.19 Код ВАК 13.00.01

К.И. Зубков

Екатеринбург

МНОГОЭТНИЧНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ В СТАДИАЛЬНО-ЭВОЛЮЦИОННОМ ИЗМЕРЕНИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: история, историография, Россия, цивилизация, дискурс, этничность

АННОТАЦИЯ. Статья анализирует методологическую и историографическую ситуацию, сложившуюся в освещении истории России как многоэтничного государства. С учетом противоречий в подходах между общероссийским и национальными историческими дискурсами оценивается возможность создания единой концепции истории России на базе анализа объективно-исторических тенденций цивилизационного развития.

K.I. Zubkov

Yekaterinburg

A MULTIETHNIC HISTORY OF RUSSIA IN PHASIC-EVOLUTIONAL DIMENSION

KEY WORDS: history, historiography, Russia, civilization, discourse, ethnicity.

ABSTRACT. The article analyses a methodological and historiographical situation arisen in dealing with the history of Russia as a multiethnic state. With regard for contradictions in approaches between the all-Russian and nationality-bound historical discourses, an appraisal is given on the possibilities of creating a commonly shared conception of Russia's history on the basis of analyzing the objective historical trends in development of civilizations

В таком многоэтничном и многоконфессиональном государстве, как современная Россия, выработка единой концепции преподавания отечественной истории неизбежно обречена на огромные трудности. В политико-прагматическом аспекте Россия обладает очевидными преимуществами перед странами Западной Европы, столкнувшимися с миграционным кризисом, а равно и с крахом парадигмы мультикультурализма, как с неким культурным «шоком», несущим угрозу сложившейся идентичности, поскольку в России населяющие ее народы объективно объединяет уходящий в глубину веков совместный исторический опыт взаимодействия и сотрудничества в строительстве единого государства. Ценность и уникальность опыта России в обеспечении гармоничного и конструктивного соразвития различных этносов и конфессий России ярко показала работа прошедшего в июле 2015 г. в Екатеринбурге XI Конгресса антропологов и этнологов России под общей темой «Контакты и взаимодействие культур» (7). Если даже не переоценивать гармоничность и комплиментарность этого опыта, всё равно можно говорить о выработанной в ходе истории, глубоко укоренившейся привычке совместного, взаимно терпимого сосуществования этносов в единой системе норм и правил, взаимной «притирке» культурных разностей, колоссально облегчающих управление страной. Однако эти преимущества имеют и свою оборотную, не столь завидную, сторону: если историческое прошлое стран Западной Европы и прошлое их бывших колоний позиционированы сегодня все-таки как *отдельные* национальные истории, то в России многоэтничность и принадлежность к разным культурно-религиозным традициям объективно провоцируют и, вероятно, будут провоцировать и в дальнейшем попытки смотреть этнически обособленным – разделяющим – взглядом на *принципиально неделимое* историческое прошлое страны, а значит, породить прямо противоположные его трактовки и оценки.

При этом существует еще один осложняющий эту ситуацию момент: сколько бы мы ни подчеркивали синтетическую «евразийскую» сущность России как *особой цивилизации*, сколько бы ни говорили о формировании «российской нации» как о состоявшемся итоге этнополитического развития, невозможно уйти от факта существования у многих этносов России, помимо общероссийского «якоря» их идентичности, значимых для них этногенетических и культурно-религиозных связей и ориентиров, которые не замыкаются в пределах России. Тонкая грань различения *цивилизации* как сферы этнического быта (в самом широком смысле) и *культуры* как духовно-творческого содержания жизни этноса в этом вопросе очень значима. Часто артикулируемый тезис о том, что многоэтничность и многоконфессиональность – это богатство России, отдает пустой риторикой, если не дополнять всякий раз эту формулу признанием того, что это одновременно и источник многочисленных политических рисков. В качестве примера достаточно упомянуть то, как болезненно, при всем внешнем соблюдении гражданской лояльности, отозвался в ряде регионов России (особенно тюркских, северокавказских и др.) ряд недавних политических событий – разрыв прежде конструктивных отношений с Турцией (ноябрь 2015 г.) (10) или рост радикального исламизма, транслируемого из зарубежных центров влияния (4). Эти и подобные проблемы вполне реалистично осознаются российскими властями. Например, за дважды в последнее время высказанной (в Уфе, на праздновании 225-летия учреждения Центрального духовного управления мусульман России в октябре 2013 г., и в Москве, на церемонии открытия Соборной мечети в сентябре 2015 г.) мыслью Президента РФ В.В. Путина о необходимости воссоздания в России собственной мусульманской богословской школы (8; 9) прочитывается задача более фундаментального свойства – отстаивать во всех сферах интеллектуальной жизни *самобытность* этнокультурных и религиозных традиций народов России, не нуждающихся в этом плане в каких-либо внешних поводах и культурных гегемонах. Эта установка, позволяющая отсеять негативные внешние влияния и поднять планку самооценки собственного исторического опыта, не решает, однако, другой части проблемы – известной *внутренней конкуренции* исторических дискурсов, которая отражает стремление различных народов Российской

Федерации подчеркнуть (а иногда и существенно преувеличить) свою роль в мировой и отечественной истории, критически оценить историю Российского государства с точки зрения того, насколько благоприятные или, наоборот, репрессивные условия создавало оно для выживания и развития данного этноса.

Эта проблема далеко не нова для российской исторической мысли. С тех пор, как в начале XX в. так называемый «национальный вопрос» вырвался на арену политико-идеологической борьбы, историография, вольно или невольно, должна была стать отражением различных этнополитических aspirations, претерпевая подчас удивительные метаморфозы. Так, в 1920-х – начале 1930-х гг. лозунги «самоопределения наций» и их культурного «подтягивания» находили отражение, среди прочих проявлений так называемого «аффирмативного национализма» (выражение Терри Мартина) (11. Р. 9–15), в официально поощряемом сочувственно-комплиментарном отношении к идейному реваншу со стороны ранее «угнетенных наций», в том числе в области историографии. В исторических концепциях, вдохновленных идеями этнического «ренессанса», как правило, присутствовали открытое неприятие исторического Российского государства (с его централизаторскими и колонизационными устремлениями) и, наоборот, идеализация тех прототипов и исторических призраков самостоятельной национальной государственности, которой когда-то обладали нерусские народы. Ставшая в 1920-е гг. «политикой, опрокинутой в прошлое», восходящая советская историография в освещении прошлого народов России страдала не меньшими перехлестами и тенденциозными искажениями, чем порицаемая дореволюционная. Так, вся история вхождения народов Поволжья и Урала в состав Русского государства неизменно описывалась в терминах «завоевательной, империалистической войны» (М.Г. Худяков), «агрессивной великодержавнической политики» Москвы (С.В. Бахрушин), «московской хищнической колонизации» (М.Г. Худяков, М.Ю. Пальверде), а история антирусских выступлений (независимо от их социальной подоплеки) – как борьба «порабощенного населения» против «колонизаторов», за «национальную независимость» (2. С. 61). О степени негативизма по отношению к Российскому государству как «тюрьме народов» и «тормозу» их свободного развития можно судить по некоторым

доводимым до абсурда экскурсам в историю уральских этносов. Так, в одной из работ, посвященных Уральской области, утверждалось, что славянская колонизация, дескать, смяв хазар и Волжскую Булгарию, а также отрезав пути проникновения на Урал скандинавов, тем самым отрезала регион (в лице его «многочисленных финских и тюркских племен») от общения с «культурным миром», прервала «поступательный процесс» его культурного развития. А в «Уральской Советской Энциклопедии» в начале 1930-х гг. проводилась мысль о том, что присоединение территории вогулов к Русскому государству привело их к культурному упадку и регрессу от «феодальной социально-экономической системы» к «патриархально-родовым отношениям» (2. С. 61–62).

Эта ситуация почти полностью повторилась в постсоветских условиях – с тем, правда, существенным отличием, что теперь националистические историографические дискурсы восходили не на расчищенной революционным отрицанием идеологической почве, но в полемике с устоявшейся, в значительной части унаследованной от советского периода концепцией *общегосударственной* истории, которая сложилась в процессе эволюции от теории «меньшего зла» к гибко варьируемым – в зависимости от конкретики этноса, места и времени – постулатам о преимущественно «добровольном» и прогрессивном по своему значению вхождении различных народов в состав России. В этой полемике без труда обнаруживаются различия в подходах общероссийской и этнонациональной версий истории к пониманию ее предметного содержания и ценностного наполнения. С одной стороны, это – история *государства*, интегрирующего и организующего совместную жизнедеятельность народов и создающего тем самым основы оригинального цивилизационного единства, с другой – история отдельных *народов*, сфокусированная преимущественно на духовных, культурных и религиозных составляющих их развития и в тех же самых категориях трактующая их цивилизационную принадлежность (3). Однако это не спасает ситуации и не позволяет данным дискурсам существовать во взаимодополняющем ансамбле или даже в «параллельных» реальностях, поскольку они оба опираются на принципиально единую, довольно полно выявленную *фактографическую* основу исторического процесса, которая

объясняется и оценивается с диаметрально противоположных позиций. Ярче всего это, пожалуй, заметно на примере противостояния общероссийской и татарской версий истории. Если падение Казанского ханства в 1552 г., например, открывает в общероссийских версиях истории важный и в основном прогрессивный по содержанию этап складывания многонационального Русского государства, фактически, прообраза будущей Российской империи, то в многочисленных работах историков Татарстана это трактуется как начало черной, беспросветно тяжелой полосы в жизни татарского народа, ставшего жертвой жесткой репрессивной политики, в которой якобы присутствовали только национальный гнет, колонизаторская русификация и насильственная христианизация. Такие оценки, страдая чрезмерной идеологизацией, зачастую стремятся произвести радикальную инверсию всего восприятия истории. Авторы обобщающего российско-германского исследования, посвященного национальным историческим дискурсам в СССР и в постсоветских государствах, не скрывают иронии, характеризуя ряд вышедших в Татарстане с 1990-х гг. учебников: «Авторы учебников создают захватывающую, полную героических событий, культурно-богатую, политически насыщенную историю татарской цивилизации. На фоне такой истории татар русско-московская история, культура и территория выглядит как окраина ойкумены, глубокая провинция, представляющая интерес лишь в той мере, в какой Московское княжество вело малоуспешные до поры до времени походы на Восток» (6. С. 133, 134). При этом «этнизированные» исторические дискурсы зачастую находятся в жесткой полемике не только с общероссийским, но и друг с другом (например, татарские, чувашские и башкирские интерпретации истории Поволжья).

Возможен ли выход из этой тупиковой ситуации, продолжающейся без существенных подвижек до настоящего времени? Тот путь ее преодоления, который намечают авторы обсуждавшейся летом 2014 г. Концепции учебно-методического комплекса по отечественной истории, разработанной под руководством академика А.О. Чубарьяна, вряд ли можно признать полностью удачным, поскольку не все конфликтующие между собой концептуальные разночтения можно снять использованием эвфемизмов – заменяя, например, понятие «татаро-монгольское

иги» этнически обезличенным термином «ордынское иго» – или простой, механической «сборкой» исторических сюжетов и тем – сбалансировав, например, историю русских земель в XIII–XVI вв. обособленными от нее историями татарских ханств за этот же период (5). Есть большая вероятность, что эти тематические «блоки» будут написаны специалистами с прямо противоположных оценочных позиций.

На наш взгляд, существо проблем, возникающих в связи с выработкой интегративного взгляда на российскую историю, требует иного подхода. В постсоветский период наша историография, стремясь вернуть истории человеческое, субъективно-деятельностное измерение, чересчур поспешно манифестировала свой отказ от прежних объяснительных моделей, которые делали упор на проявление в историческом процессе того, что в гегельянской и марксистской теории называлось *объективной исторической необходимостью*. Актуальная потребность вернуться к данному историческому фактору вовсе не означает того, что это должно быть сделано в прежней, уже преодоленной форме (например, в виде формационного подхода). Но потребность такая существует – особенно на фоне того, что многие современные исторические дискурсы, утрачивая ощущение *конкретных исторических условий*, в которых происходили те или иные исторические события, слишком нарочито стремятся объяснять их как проявления чистой исторической субъективности, как результат чьей-то злонамеренной или, наоборот, доброй воли.

Непредвзято-нейтральное объяснение событий «осевой» для российской истории конца XIII – середины XVI вв. эпохи – своего рода российской «Реконкисты», значимой для исторического самосознания русских и татар, – возможно именно на почве выявления характерной для нее магистральной объективно-исторической тенденции. Нельзя сказать, что таких попыток ранее не делалось. В Татарстане, например, в 1990-е гг. неоправданно болезненную, неконструктивную критическую реакцию встретило использование рядом авторов (З.З. Мифтахов, Д.Ш. Мухамадиева) для объяснения упадка и гибели Казанского ханства теории этносов Л.Н. Гумилева (3). Применение «пассионарной» теории, объясняющей смену политического лидерства в сложном комплексе отношений Москвы и Казани в XVI в. «упадком и загниванием» татарского этноса в этот период и резко возросшей

«пассионарной» энергетикой русского, возможно, страдало слишком прямолинейной и небезобидной для татарской общественности трактовкой исторических событий; возможно, также сама «пассионарная» теория, в известном смысле, страдает мистификацией исторического процесса. Но, по сути, как прецедент, она намечала очень интересный и конструктивный поворот в направлении исследований.

В самом деле, траектория развития русско-татарских отношений в рамках вышеупомянутой эпохи, несмотря на отдельные флуктуации, слишком определена и однолинейна – можно сказать, *закономерна*, – чтобы ее можно было объяснить волей и желанием отдельных личностей и даже больших групп людей. Речь, таким образом, должна идти о вполне определенной объективно-исторической тенденции, внутреннюю обусловленность и механизм которой еще предстоит осмыслить. На наш взгляд, новые перспективы в таком осмыслении открывает возможность связать историю отдельных этносов с *определенным типом цивилизации* – к чему как раз так настойчиво апеллируют националистически мыслящие историки. Всё разнообразие зафиксированных в истории цивилизаций было бы неправильно ранжировать по критерию принадлежности их к «высших» или «низшим» – правильнее говорить, что они *разные* в своей самобытности. Вместе с тем, следует признать, что цивилизации *разнокачественны* в своем отношении к воздействию некоторых универсальных факторов *исторической эволюции*, связанным с экономикой, транспортом, урбанизацией, технологическим развитием и т.д. А, следовательно, они в процессе эволюции обладают *далеко не равными* возможностями использования тех преимуществ, которые обеспечивают эти факторы. Чрезвычайно интересный и эвристически плодотворный подход к углублению этой проблемы предлагает разработанная екатеринбургским антропологом и этнологом А.В. Головнёвым теоретическая модель, разделяющая традиционные этнические культуры древности средневековья на «локальные» и «магистральные» (1. С. 18–23). «Локальность» и «магистральность» можно трактовать не только как эволюционно развивающиеся качественно различные способы адаптации этносов к условиям природной (в первом случае) и социальной (во втором) среды (что, кстати, служит предпосылкой генезиса любой цивилизации), но и как разные *типы реакции* на

воздействие социально-исторических факторов универсального свойства. В этом смысле они образуют одну из «развилки» в формировании *разнотипных* цивилизаций. Магистральные культуры в своем превосходстве над локальными используют, прежде всего, такие преимущества, как способность контролировать большие пространства, повышенная мобильность, отработанная технология войны и властвования, формирующаяся вместе с ориентацией на экзополитарные способы эксплуатации. В одном из своих исторических вариантов магистральная культура – это, фактически, готовый слепок *кочевого* типа цивилизации. Однако, исторически, военное и политическое (прежде всего, в виде способности к созданию крупных империяльных образований) лидерство кочевников по отношению к цивилизациям *оседлого* типа временно и преходяще – оно может быть продлено в силу тех или иных исторических обстоятельств, но, в общем и целом, завершается тогда, когда прогресс в технологиях военного дела начинает ощутимо зависеть уже не от мобильности и воинственности, а от своего фундамента – богатства и сложности экономической и культурной жизни. К этому добавляются и другие технологические преимущества (новые средства транспорта, укрепленные города и оборонительные линии, зарождающаяся промышленность), которые на своей органичной основе генерируются как раз оседлыми, земледельческими цивилизациями, что и дает им уже необратимый *стратегический* перевес над кочевыми. Тогда, преодолевая свою стационарность и локальную замкнутость, оседло-земледельческие цивилизации развивают в своих недрах новую «магистральную» культуру – но уже, как можно думать, на совершенно новой технологической основе.

В этом смысле, освобождение русских земель от так называемого «ордынского ига» произошло в результате успешной военной борьбы постольку, поскольку само «ордынское иго» исчерпало себя в общем поступательно-прогрессивном движении истории. Так и не завершившееся сражением знаменитое «стояние на Угре» 1480 г., покончившее с формальной даннической зависимостью Московского великого княжества от Большой Орды, и последовавший вскоре распад последней более чем символичны как яркая иллюстрация *объективно обусловленной* тенденции общеисторического упадка номадических цивилизаций. В основе

этого упадка – всё более рельефно выявлявшееся их отставание по темпам и результатам развития от технически ориентированных оседлых цивилизаций. Этот упадок ускорялся по мере того, как иссякало поддерживавшее их тонус демографическое и военное давление Великой степи. В пределах Русской равнины решающая фаза кризиса кочевой цивилизации приходится как раз на вековой промежуток между «великой замятней» в Золотой Орде (1360-е – 1370-е гг.) и тщетной попыткой Большой Орды восстановить власть ханов над русскими землями (1480 г.). События этого периода свидетельствовали не только о безвозвратной утрате всякой возможности восстановления в степях Евразии крупных «имперских» единств, но и об усилении внутри самой кочевнической стихии центробежных тенденций. Татарские ханства – наследники Золотой Орды (Казанское, Крымское, Астраханское, Сибирское) получают возможность временной стабилизации, но уже на принципиально иной основе – в виде «седиментации» (оседания) в *узловых пунктах* контроля над пространством: на важнейших торговых путях, ведущих по крупным рекам в приморские части континента, на границах степи с земледельческо-лесной зоной оседлости и т.п.

Следует заметить, что постсоветская историография Татарстана довольно чутко реагирует на ряд узловых моментов схематично намеченной нами выше концепции. Во-первых, вполне симптоматичной видится попытка некоторых татарских историков в конце 1980-х – начале 1990-х гг. генетически связать развитие татарского этноса с наследием Волжской Булгарии и отмежеваться от «золотоордынских татаро-монголов» (6. С. 133). Хотя «булгаристская» теория сегодня отвергнута большинством татарских историков как несостоятельная и, наоборот, отстаивается тезис о значительном вкладе золотоордынского этнокультурного пласта в этногенез татар, мотивы того, почему татарская историографическая мысль вообще качнулась в сторону его «булгарской» версии, вполне прозрачны: цивилизационная преемственность татарского этноса с компактным оседлым социумом, древней и хорошо развитой для своего времени государственной и культурно-религиозной жизнью Волжской Булгарии, а не с более поздним полукочевым империльным образованием выглядела, возможно, менее величественной в политическом отношении, но более выигршной в культурно-

историческом плане. Во-вторых, та настойчивость, с которой историки Татарстана подчеркивают наличие в Золотой Орде и наследовавших ей татарских ханствах «развитой государственности», «богатой культуры и городской жизни» (3), считая их органичным, эндогенным порождением самой кочевой цивилизации, а не объектом экзополитарной эксплуатации со стороны степной военной аристократии, лишней раз свидетельствует как раз об известной уязвимости и неоднозначности этого тезиса. Как ни парадоксально, эти симптомы убеждают в том, что продолжение трудного диалога историков о возможности единых концептуальных подходов к многоэтничной истории России не является полностью безнадежным.

Литература:

1. Головнёв А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). - Екатеринбург: УрО РАН; «Волот», 2009. 496 с.

2. Зубков К.И. Этнос versus регион: из опыта государственного строительства в Уральской области (1920-е гг.) // Вторые Татищевские чтения. Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 28–29 апреля 1999 г. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 1999. С. 60–65.

3. Измайлов И.Л. Дилемма национальной истории в федеративной стране: государственность и этничность // Казанский федералист. 2002, весна. № 2. URL: <http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n2/stat7/>

4. Казенин Константин. Северный Кавказ: истоки новых конфликтов / Информационное агентство REGNUM. 20 февраля 2016 г. URL: <http://regnum.ru/news/polit/2083551.html>

5. Концепция нового учебно-методического комплекса по Отечественной истории / Российское Историческое общество. 2 августа 2015 г. URL: <http://rushiistory.org/proekty/kontseptsiya-novogo-uchebno-metodicheskogo-kompleksa-po-otechestvennoj-istorii.html>

6. Национальные истории в советском и постсоветском государствах / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. Предисл. Ф. Бомсдорфа. Изд. 2-е, испр. и дополн. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. 432 с.

7. XI Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г. / Отв. ред.: В.А. Тишков, А.В. Головнёв. М.; Екатеринбург: ИЭА РАН, ИИиА РАН, 2015. 504 с.

8. Путин: Государство поможет воссозданию мусульманской богословской школы / Деловая газета ВЗГЛЯД. 23 сентября 2015 г. URL: <http://vz.ru/news/2015/9/23/768406.html>

9. Путин назвал ислам «ярким элементом российского культурного кода» / 22 октября 2013 г. URL: <http://newsru.com/religy/22oct2013/ufa.html>

10. Сулейменов, Раис. Татарстан не может определиться: регион – часть России или вилайет Турции / Информационное агентство REGNUM. 22 декабря 2015 г. URL: <http://regnum.ru/news/polit/2042002.html>

11. Martin Terry. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca: Cornell University Press, 2001. – xvii, 496 pp. (The Wilder House Series in Politics, History, and Culture).

УДК 930.2

ББК 63

ГСНТИ 14.07.01

Код ВАК 07.00.09

И.В. Побережников

Екатеринбург

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: трансформация, историческое наследие, культура, цивилизация, модернизация, демократизация

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются попытки социологического объяснения исторических трансформаций, которые даются в современных социологических концепциях. Данные социологические объяснения подчеркивают вариативность социальных трансформаций в различных культурно-цивилизационных контекстах, на разных этапах исторического развития, демонстрирует значимость культурных измерений социальных трансформаций, фокусируют внимание на роль человеческих усилий в обеспечении социальных трансформаций.

I.V. Poberezhnikov
Yekaterinburg

THE PROBLEM OF HISTORICAL TRANSFORMATIONS IN CONTEMPORARY SOCIOLOGICAL CONCEPTS

KEY WORDS: transformation, historical heritage, culture, civilization, modernization, democratization

ABSTRACT. The article deals the attempts of sociological explanation of historical transformations which are given in contemporary sociological theories. These sociological explanations underline variability of social transformations in various cultural-civilization contexts, at different stages of historical evolution, shows the importance of cultural measurements of social transformations, focus attention to a role of human efforts in maintenance of social transformation.

Последние десятилетия XX в. и начало XXI в. в гуманитарном знании, в том числе и в историческом, прошли под знаком антропологического поворота, легитимировавшего многогранное изучение индивида в его повседневной, эмоциональной, культурной, интеллектуальной жизни, кросскультурного разнообразия жизненного опыта людей в разных социальных группах, сообществах, культурах (1; 6; 7; 10). Антропологический акцент способствовал миниатюризации методов и масштабов исследования, увлечению локальной историей, микроисторией, историей повседневности, культурной историей.

В последнее время, однако, вновь растет интерес к «большой» истории, к макроуровневым историческим обобщениям, что является естественным ответом на последствия глобализации, проявляющей себя во многих измерениях, на очевидную недостаточность и односторонность исследований, сфокусированных только на локальный масштаб (2; 3; 5).

Дело в том, что исторические персонажи действуют не в идеальном экспериментальном вакууме, но в «обжитой» среде, заполненной унаследованными от прошлого социальными структурами (технологическими, экономическими, социальными, политическими, институциональными, культурными, ментальными и т. д.), связанной глобальными зависимостями, обусловленными иерархическим устройством миропорядка, «пронизываемой» эстафетными механизмами, которые создаются самими людьми,

теряющими впоследствии индивидуальный контроль за действием данных механизмов.

На человека «воздействует», лимитируя возможности выбора и своеобразно направляя действия, историческое наследие в широком смысле слова: материальная и культурно-символическая инфраструктура; антропогенно модифицированный ландшафт; тварные материальные и духовные объекты. Все указанные обстоятельства суммируются понятием цивилизация, которая складывалась исторически, под влиянием географических условий, в процессе ответов на вызовы экологической и общественной среды, в результате осуществленных когда-то ценностно-культурных выборов и т.д. Фундаментальные базовые (матричные) структуры и ценности, выступающие в качестве каркаса, ядра цивилизаций, обнаруживают завидную, «вневременную» устойчивость, накладывая отпечаток на цивилизационную динамику. Поскольку указанные «структуры и ценности» одновременно являются основой культуры, постольку обществоведы, изучающие социальные трансформации, были вынуждены признать, что «культура имеет значение» (8).

Проанализировав «культурные силы, благоприятствующие или подавляющие развитие творческих способностей человека, влияющие на возможность реализации модели общественной жизни, на которую возложены сегодня всеобщие упования», Лоуренс Харрисон выделил четыре фундаментальных фактора, «когнитивных представления», которые, по его мнению, создают (или, наоборот, блокируют) условия прогресса: 1) это радиус доверия или чувство общности, которое обеспечивает степень отождествления с другими членами общества (значимо для функционирования, жизнеспособности, эффективности плюралистических политических систем и децентрализованных экономических систем; выражается в установке на сотрудничество и компромисс); 2) жесткость системы морали (требует от человека выполнения своего личного и общественного долга); 3) стиль и методы отправления власти (подавление или, напротив, поощрение способности принимать на себя риск, ответственность, действовать новаторски и предприимчиво); 4) отношение к труду, новаторству, сбережениям и прибыли (положительное или, наоборот, негативное) (12. С. 20—23).

Уделяя серьезное внимание культуре как фактору исторических трансформаций, Л. Харрисон предпринимает попытку объяснить

замедленное и субоптимальное развитие Испании до последней четверти XX в. (неспособность создать стабильные институты демократического правления; авторитаризм; отсутствие эффективного гражданского контроля над военными; экономическая слаборазвитость; низкий уровень грамотности; низкая продолжительность жизни; крайне неравномерное распределение земли, дохода и богатства). Автор объясняет длительную приверженность испанского правительства политическому курсу, который не способствовал политическому плюрализму, экономическому росту и социальной справедливости, институционально-культурными особенностями испанцев, «действием мощных и упорных культурных традиций». Во-первых, это крайний испанский индивидуализм и низкое чувство общности, узкий радиус отождествления, ограниченный семейным кругом (*soberbia* – чрезмерная гордость с оттенками заносчивости, надменности и тщеславия, «сверхиндивидуализм», по выражению известного испанского филолога Ф. Диас-Плаха), которые блокировали развитие таких условий достижения экономического роста, как координация, предвидение и методичность, коллективная дисциплина, и, наоборот, исключали из жизни компромисс, стимулируя антиобщественное поведение, способствовали длительному сохранению авторитаризма. Во-вторых, это чрезвычайная эластичность традиционной иберокатолической морали, характерное для католицизма чередование греха и раскаяния, покаяния и отпущения одних грехов и совершения новых, снимавшее ответственность за собственные поступки. В-третьих, это жесткий авторитаризм, преобладавший в политике и управлении государством, подавлявший способность к творчеству и несогласию. Наконец, в-четвертых, это по существу отрицательное традиционное иберо-католическое отношение к труду, новшествам и прибыли (католический фатализм, жизнь настоящим; «презрение к физическому труду, бизнесу, технологическим знаниям и негуманитарному образованию»), что имело негативные последствия для предусмотрительности, бережливости и инвестиций (12. С. 64—70). По мнению одного эксперта, которое приводит Л. Харрисон, «в кастильском обществе богатство в целом воспринималось не как что-то, что человек создал или построил, т.е. заработал, но как нечто, что человек

завоевал или чем он может наслаждаться потому, что обладает статусом воинственного победителя, дворянина» (12. С. 70).

В свое время в контексте модернизационного подхода получили распространение структурные модели демократизации, которые опираются на анализ структурных причин, акцентируют зависимость между некоторыми экономическими и социокультурными факторами и вероятностью установления и сохранения демократических режимов в различных странах. Хорошо известна ранняя прямолинейная односторонняя схема демократизации С.М. Липсета, согласно которой экономическое развитие непосредственно ведет к установлению демократических порядков (фактор – экономическое благосостояние; следствие – демократия) (13. С. 27—63). С. Хантингтоном в 1980-е гг. была предложена более сложная концептуальная схема демократизации, опять же структурного характера, которая расширила спектр факторов, приводящих в конце концов к инсталляции демократических режимов (14. С. 193—218). В дополнение к экономическому росту, уже присутствовавшему у С.М. Липсета, Хантингтон включил в свою модель социально-экономическую структуру, внешнюю среду (таким образом, здесь учитывалось воздействие экзогенных факторов) и культурный контекст.

На этом фоне представляет интерес изучение демократизации исследователями, которые не зачисляют себя в последователи модернизационного подхода. К ним, в частности, принадлежит выдающийся представитель современной исторической макросоциологии, противник априорных схем Ч. Тилли. Демократизация, по определению Ч. Тилли, означает общие сдвиги «в сторону более широкого по охвату, более равноправного по сути, более защищенного и более обязательного к исполнению согласования по поводу назначений на политические посты и принятия государственных решений»; дедемократизация — соответственно, «это движение к более узким, менее равным, менее защищенным и менее взаимообязывающим процедурам обсуждения» (11. С. 29). Обращаясь к теме демократизации, Ч. Тилли пытается установить связь между такими параметрами, как историческое время, уровень демократии, потенциал государства, коллективные действия.

Рассмотрим, как работает теоретический подход Ч. Тилли при изучении исторических процессов. Автор обращается к анализу

демократизации во Франции на протяжении XVII—XX вв. и выделяет несколько значительных периодов демократизации (1789—1793, 1815—1848, 1870—1940, 1944—), а также дедемократизации (1651—1789, 1793—1814, 1851—1870, 1939—1943). Вообще, согласно концепции Ч. Тилли, в изучаемый период, если воспользоваться терминами «потенциал государства/демократия», Франция проделала очень сложное по траектории движение: в начале XVII в. она была в самой низшей точке демократии и потенциала государства, так как вышла с большими потерями из грандиозных религиозных войн XVI в. К середине XVII в. воинственные короли несколько восстановили потенциал государства, но в период Фронды 1648—1653 гг. страна вновь попадает в анархическую зону низкого потенциала государства и минимальной демократии. Затем, при Людовике XIV, начинается восстановление контроля над регионами страны; потенциал государства растет вплоть до революции 1789 г., при этом наблюдалось отступление от всего того, что хоть как-то могло напоминать демократию (региональные правители и анклавы теряли независимость). В 1789 г. во Франции начался эксперимент с демократическими формами, однако вскоре усилия революционеров по борьбе с внутренними и внешними врагами привели к очередному укреплению потенциала государства за счет демократии. Затем, с конца наполеоновских войн до конца Второй мировой войны страна постоянно меняла курс, переживая то всплески демократизации, то дедемократизации; причем на каждом этапе потенциал государства возрастал. В послевоенный период во Франции было создано, наконец, демократическое государство с высоким потенциалом, которое до сих пор существенно не изменило траектории развития (11. С. 51—54).

Французский опыт демократизации, по мнению Ч. Тилли, опровергает представление «о демократизации как постепенном, продуманном и необратимом процессе, как о готовом наборе политических изобретений, которые народ просто применяет там и тогда, где и когда он к этому готов», и демонстрирует, напротив, что «необходима борьба и толчок как для построения демократии, так и для отхода от нее» (11. С. 51). Это очень интересно, поскольку тот же С. Хантингтон, полагавшийся на свою структурную модель, настаивал на последовательности,

постепенности, неконфликтности, как условиях нормального, эффективного, устойчивого демократического процесса.

Из концепции, демократизации, предложенной Ч. Тилли, следует (еще раз), что необходимо учитывать историческое время, в котором оказываются структуры или процессы, поскольку время привносит различия в их характер. Далее, Тилли подчеркивает, что исторический процесс создается действиями людей; демократизация – это не автоматический процесс, регулируемый анонимными законами, это постоянная борьба, в которой участвуют различные социально-политические группы, интересы, проекты, манифесты. Кроме того, модель Ч. Тилли утверждает открытость, альтернативность и многонаправленность исторической динамики вместо заранее предписанного сверху одновекторного. Исторический процесс в рамках концепции Ч. Тилли оказывается нелинейным, постоянно меняющим направление, что соответствует сложной исторической действительности.

В современных исследованиях дополнительные подтверждения получает *трансформационистская* концепция модернизации, акцентирующая зависимость механизмов модернизации от исторического времени, времени вступления страны в процесс модернизации. Согласно данной концепции, со временем меняются сами механизмы модернизации, сама модернизация подвергается трансформации; субпроцессы модернизации протекают иначе, подвергаясь модификации.

Исследование Р. Инглхарта и К. Вельцеля (4) демонстрирует, каким образом трансформируются со временем механизмы самой модернизации, подчеркивая историческое изменение связи между модернизацией и демократизацией.

В классических версиях теории модернизации процесс индустриализации сопрягался с демократизацией. Действительно, модернизация, сопровождаемая рационализацией, секуляризацией, бюрократизацией, кажется, повышает и роль личной независимости, самовыражения, свободы выбора, создавая предпосылки для формирования демократического гуманистического общества, в центре которого находится человек. Однако, как показывают Р. Инглхарт и К. Вельцель, связь между модернизацией и демократизацией не является линейной. На первом – индустриальном – этапе модернизации, отмечают авторы,

происходит мобилизация масс, что создает предпосылки для утверждения демократии в ее современном понимании — но одновременно и для установления фашистского или коммунистического строя (переключка с Баррингтоном Муром (9)). Более того, «индустриализация не укрепляет в людях ощущение личной независимости, потому что индустриальные общества организованы на началах дисциплины и регламентации. ... Жизнь в индустриальном обществе столь же стандартизирована, как и массовая продукция его заводов. Массовая дисциплина, свойственная индустриальному обществу, манипулирующему армиями наемных рабочих, перемещающихся из казарм-общежитий к конвейерам и обратно, создавала потребность в жестких нормах поведения. ... Стандартизация жизни по образцу промышленного производства не оставляла места для ценностей самовыражения». (4. С. 49). И лишь на постиндустриальном этапе модернизации («общество знания»), по мнению Инглхарта и Вельцеля, общественность все активнее требует демократии — формы правления, обеспечивающей людям максимально широкую свободу выбора собственного жизненного пути (4. С. 11—78).

Подводя итоги, следует признать полезность инвентаризации, систематизации, сопоставления теоретико-методологических инструментов. Попытка взглянуть на изучаемую реальность сквозь очки различных познавательных подходов делает объемным само изображение, углубляет наши представления о действительности, высвечивая в ней новые, незамеченные ранее, нюансы, с одной стороны, позволяет оценить сильные и слабые места самих познавательных инструментов, с другой стороны. Рассмотренные в данной статье интерпретации исторических трансформаций не являются однопорядковыми. Однако, они важны и для понимания разнообразия социальных трансформаций в различных культурно-цивилизационных контекстах, на разных этапах исторического развития. Концепция Л. Харрисона демонстрирует значимость культурных факторов (не)сдвигов. Она вновь подтверждает, что культура «имеет значение», может как ускорять изменения, так и их блокировать. Модель демократизации Ч. Тилли дополняет структурные модели демократизации, получившие распространение в рамках модернизационной парадигмы. Рельефная темпоральность модели Тилли, присущий ей акцент на акционизм и альтернативность, позволяют при ее помощи получить

результаты, существенно корректирующие наши представления о важнейшем подпроцессе модернизации. Схема Р. Инглхарта и К. Вельцеля также акцентирует значимость культурных измерений макроисторической динамики. Она подчеркивает эволюцию самих механизмов модернизации со временем, а также нелинейный характер социокультурной динамики.

Литература:

1. Бёрк П. Что такое культуральная история? М., 2015.
2. Глобальная история: современная проблематика и новые исследовательские подходы / Материалы всероссийской научной конференции с международным участием / под ред. О.В. Воробьевой, З.А. Чеканцевой. М.: ИВИ РАН, 2015.
3. Иггерс Г., Ван Э. Глобальная история современной историографии. М., 2012.
4. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М., 2011.
5. Ионов И.Н. Мировая история в глобальный век: Новое историческое сознание / Отв. ред Л.П. Репина. М., 2015.
6. Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX—XXI вв. М.: ИВИ РАН, 2012.
7. Кром М.М. Историческая антропология. СПб., 2010.
8. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М., 2002.
9. Мур-младший Б. Социальные истоки диктатуры и демократии: Роль помещика и крестьянина в создании современного мира. М., 2016.
10. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX—XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011.
11. Тилли Ч. Демократия. М., 2007.
12. Харрисон Л. Кто процветает? Как культурные ценности способствуют успеху в экономике и политике. М., 2008.
13. Lipset S.M. Political Man. N.Y., 1963.
14. Huntington S. Will More Countries Become Democratic? // Political Science Quarterly. 1984. № 99. P. 193—218.

УДК 930.2:94(477)«1812»

ББК 4403(235.55)61 ГСНТИ 14.35.19 Код ВАК 13.00.08

С.В. Потрашков

Харьков, Украина

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 Г. В ОСВЕЩЕНИИ ЭНЦИКЛОПЕДИИ ИСТОРИИ УКРАИНЫ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Энциклопедия истории Украины, Отечественная война 1812 г., Украина.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена освещению Отечественной войны 1812 г. в многотомном справочном издании «Энциклопедия истории Украины». Анализ статей Энциклопедии позволяет сделать вывод об отсутствии на Украине новых подходов в изучении этого масштабного события общей истории русских и украинцев. Обращено внимание на конъюнктурный характер трактовки многих фактов и персон, слабое знание украинскими учеными современной зарубежной историографии.

S. Potrashkov

Kharkov, Ukraine

THE PATRIOTIC WAR OF 1812 AND ITS COVERAGE IN THE ENCYCLOPEDIA OF THE HISTORY OF UKRAINE

KEY WORDS: Encyclopedia of the history of Ukraine, the Patriotic War of 1812, Ukraine.

ABSTRACT. The article is devoted to coverage of the Patriotic War of 1812 in multi-volume reference edition of the Encyclopedia of the history of Ukraine. Analysis of articles of the Encyclopedia allows to draw a conclusion about the absence in Ukraine of new approaches in the study of this large-scale events of common history of Russians and Ukrainians. The attention brought to conjuncture of character interpretation of many facts and persons, poor knowledge of modern foreign historiography by Ukrainian scientists.

В 2003 – 2013 гг. вышла в свет десяти томная «Энциклопедия истории Украины». В центре внимания находился широкий круг проблем, связанных с внутренней историей территорий, входивших, на момент издания, в состав Украины. Не были

обойдены вниманием и события всемирной истории, оказавшие влияние на развитие Украины, в том числе – Отечественная война 1812 г. Энциклопедия отразила достижения современной украинской исторической науки, включая и трактовку событий 1812 г. Анализ статей Энциклопедии, освещающих эту проблему, интересен с точки зрения того, что может узнать об Отечественной войне 1812 г. студент, школьник или любой житель Украины, обратившись в это фундаментальное справочное издание.

По нашим подсчетам, прямо или косвенно к интересующей нас теме относится более 30 статей этого издания. В первом же томе издания мы обнаруживаем обобщающую статью «Война 1812 г.», автором которой является П.Г. Усенко (1. С. 535 – 537). Избегая употреблять термин «отечественная», он определяет войну как «вторую польскую Наполеона Бонапарта». Причины войны видятся П.Г. Усенко в борьбе двух империй за гегемонию на Востоке Европы, хотя он и отмечает, что для России война носила освободительный характер и «постепенно приобретала черты народной». Автор довольно небрежно обращается с цифрами. Так, численность Великой армии – он определяет 600 тыс., 1-й и 2-й русских армий – в 200 тыс., армии А.П. Тормасова – в 40 тыс. А вообще пишет, что каждая из сторон поставила под ружье не менее миллиона солдат. Бородинское сражение – победа Наполеона, а завершение кампании описано в следующих выражениях: «На опустошенном войной обратном пути, когда неожиданно ударили морозы, наполеоновские войска были постепенно разгромлены». Кем и как автор не сообщает. В статье освещается ход военных действий на украинских землях, упоминается о 75 тысячном украинском ополчении, называются фамилии ряда героев войны – выходцев с Украины. Пишет П.Г. Усенко и о том, что жители Украины ожидали от иностранного нашествия «перемен к лучшему», «с внутренним удовольствием» воспринимали успехи французов, но обо всем этом – в безличных предложениях. В списке литературы, помещенном в конце статьи, нет ни одной работы, увидевшей свет после 1988 г. Нет в нем почему-то работ украинских историков, ни публикаций Б.С. Абалякина, специально изучавшего участие украинского народа в войне с Наполеоном.

В этом же томе помещена и маленькая статья о Бородинской битве (автор И.М. Кулинич) (1. С. 351 – 352). Она названа генеральной битвой, где участвовало с русской стороны 126 тыс.

чел. и 640 орудий, с французской – 135 тыс. чел. и 587 орудий. Автор не называет победителя. Русская армия, понесшая большие потери, отступила по приказу Кутузова. Потери французской армии, которые невозможно было восполнить, обусловили перелом в войне в пользу русских. Отмечая, что главные бои развернулись вокруг двух ключевых пунктов русской позиции, автор допускает грубые ошибки, утверждая, что на Курганной высоте располагалась «батарея генерал-лейтенанта Раевского», а к югу от нее лежали «Семеновские и Багратионовы флеши». Сегодня, даже мало-мальски знакомый с ходом Бородинской битвы школьник знает, что Н.Н. Раевский командовал не батареей, а корпусом, защищавшим Курганную высоту. А Семеновские или Багратионовы флеши это два названия одних и тех же укреплений на левом фланге русских позиций. В статье упоминаются солдаты кавалерийских полков с украинскими фамилиями, отличившиеся правда двумя днями ранее в бою у Шевардино. В списке литературы о битве самая свежая работа относится к 1962 году.

В седьмом томе Энциклопедии помещена статья под названием «Наполеонида» (автор Н.Н. Варварцев) (5. С. 170). Речь идет о «вассальном государстве, которое планировалось создать под протекторатом Франции на территории Украины и России». Автор статьи совершенно верно указывает на польского генерала М. Соколицкого, как «главного инициатора перестройки политической конфигурации Европы». Однако утверждения, что проект «Наполеониды» разрабатывался во французском МИДе является лишь повтором фальсификаций эмигрантского историка И. Борщака, несколько лет назад убедительно разоблаченных львовским историком В. Ададуриным. Подобное следование отжившим канонам и игнорирование новейших научных достижений тем более прискорбно, что в списке литературы в конце статьи наряду с книжкой И. Борщака, автор указал и монографию В. Ададуриной, что предполагает его знакомство с выводами этого историка.

В этом же томе мы находим большую статью «Народное ополчение» (автор М.В. Коваль) (5. С. 180 – 181). Только первая часть статьи посвящена ополчению 1812 г., в то время как вторая, освещает тему народного ополчения периода Великой Отечественной войны. Обе части объединены общим определением народного ополчения как «добровольных вооруженных

формирований, созданных благодаря патриотизму народных масс во время освободительных войн в помощь регулярной армии».

Сообщая, что создание ополчения в 1812 г., осуществлялось в соответствии с манифестом Александра I, автор умалчивает о том, что ведущая роль в этом деле отводилась дворянству. Он пишет: «Вступление населения в ополчение сразу приобрело массовый характер. В его основе лежали глубокие патриотические чувства». Численность ополчения определена в 70 тыс. чел., в том числе 33,4 тыс. конных, что составило 35 % общероссийского ополчения. Однако в это число автор включил не только земское ополчение Полтавской и Черниговской губерний, но и Малороссийские конные казачьи полки, и регулярную Украинскую конно-казачью дивизию, то есть все украинские воинские формирования, как регулярные, так и нерегулярные. Начальник ополчения генерал-лейтенант Николай Васильевич Гудович почему-то назван будущим генерал-фельдмаршалом. Очевидно его спутали с братом, Иваном Васильевичем, который получил этот чин в 1807 г. Подобная путаница характерна и для описания участия ополчения в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах 1813 – 14 гг. Автор пишет о действиях ополчения в целом, не учитывая, что вклад его отдельных соединений в достижение победы над врагом, в силу объективных причин, не был одинаков. В статье ничего не сказано о проблемах в вопросах финансирования, снабжения и вооружения ополчения, обеспечения его командными кадрами. А именно они обусловили ограниченное применение ополчения в боевых действиях. В целом статья «Народное ополчение» выдержана в духе советской исторической традиции и уже не отвечает современному уровню знаний о предмете, которому посвящена.

Наибольшее количество статей посвящено персоналиям участников Отечественной войны 1812 г. Автором большинства из них выступил П.Г. Усенко. Этому автору принадлежит большая статья о М.И. Кутузове в 5 томе Энциклопедии (3. С.537 – 539). Достаточно подробно описана в ней та часть биографии полководца, которая была связана с его службой на Украине. Что касается роли М.И. Кутузова в Отечественной войне 1812 г., то ей посвящен абзац следующего содержания: «Противостоял Наполеону в Бородинской битве. В покинутой Москве приказал сжечь запасы продовольствия и фуража, вывезти оттуда пожарный

инвентарь, что стало одной из причин гибели оставленных в Москве тысяч русских раненных и гибели значительных материальных ценностей, исторических реликвий и памятников. Развил тактику и стратегию М. Барклаю де Толли на истощение противника тотальной («малой», «народной») борьбой, чем в конце концов добился отступления истощенных вражеских частей. Решительно перекрыл пути, которые французские войска могли бы использовать для движения на юг, в частности на Украину. Для укрепления дисциплины среди подчиненных ввел суровый полицейский надзор за ними. Полагался на выносливость солдат русской армии, обрекая их на голод и холод ради «славы русского народа». С литературой в этой статье дело обстоит несколько лучше, чем в предыдущей. Автор называет книгу Н.А. Троицкого и статью А.А. Смирнова в энциклопедии «Отечественная война 1812 года».

В первом томе Энциклопедии есть статья о фельдмаршале М.Б. Барклае де Толли (автор – В.О. Нерод) (1. С. 192). С Украиной биографию фельдмаршала связывает лишь один эпизод: участие в 1788 г. штурме Очакова. За что Михаил Богданович удостоился золотого Очаковского креста. А вот статьи о другом участнике Очаковского штурма – П.И. Багратионе в Энциклопедии почему-то нет. Очевидно, авторам не был известен этот факт, равно как и более длительное пребывание Петра Ивановича на Украине в 1811 г. в качестве главнокомандующего Западной или Подольской армией со штаб-квартирой в Житомире.

К нашему великому удивлению в Энциклопедии не оказалось и статьи о главнокомандующем Третьей Резервной обсервационной армией А.П. Тормасове. А ведь эта армия прикрывала Киевской направление, дислоцировалась в районе Луцка со штаб-квартирой в Дубно и вела боевые действия на Волыни. Ее главнокомандующий, кроме того, бывал на Украине во время Русско-турецкой войны 1787 – 91 гг., а в 1803 – 06 гг. исполнял обязанности Киевского военного губернатора. Жаль, что эти факты прошли мимо внимания многочисленного авторского коллектива Энциклопедии.

В 7-м томе Энциклопедии нашлось место для статьи об Александре I. Ее автор – доктор исторических наук В.С. Шандра (5. С. 564 – 566). В статье отмечены реформаторские устремления молодого императора, упомянуты конституционные проекты Сперанского и Новосильцева. «В крестьянском вопросе, – пишет

В.С. Шандра, – император придерживался курса на освобождение крестьян от крепостной зависимости». В области внешней политики констатируется неудача курса невмешательства во внутренние дела иностранных держав в начальные периоды царствования, что привело к конфликту с Наполеоном. Отмечена активная роль императора на Венском конгрессе. К сожалению, в статье не дана оценка роли Александра I в деле организации отпора Наполеону в 1812 г. и руководстве шестой антифранцузской коалицией в 1813 – 14 гг. Не забыт вклад Александра I в развитие культуры и образования. В целом статья написана с объективных позиций и соответствует современному уровню оценок личности Александра I.

В.С. Шандре принадлежит авторство статьи о генерале от кавалерии Н.Г. Репнине – генерал-губернаторе Саксонии во время оккупации ее союзниками в 1813 г. (7. С. 190). Об участии Н.Г. Репнина в сражениях Отечественной войны, за что он удостоился ордена Георгия 3-й степени и шпаги «За храбрость» с алмазами, не сказано ничего. Главное внимание обращено на его деятельность в качестве генерал-губернатора Малороссии 1816 – 34 гг. Стремление Н.Г. Репнина учитывать особенности и отстаивать интересы возглавляемого им края находят сочувственную оценку автора.

Из других знаковых фигур 1812 г. отдельных статей удостоились И.О. де Витт, П.Х. Витгенштейн, М.С. Воронцов, И.И. Дибич, П.П. Коновницин, В.Г. Костенецкий, А.И. Красовский, А.Ф. Ланжерон, К.О. Ламберт, Ф.В. Остен-Сакен, И.Ф. Паскевич. Автором большинства из них является П.Г. Усенко. Для него характерно довольно небрежное отношение к фактам биографий своих героев. Так, в статье о П.Х. Витгенштейне упоминается лишь о занимавшихся им в 1812 – 14 гг. должностях и ничего не говорится об одержанных победах. В результате складывается впечатление, что генерал сделал успешную карьеру, никак не проявив себя на поле боя (1. С. 579). В биографии И.Ф. Паскевича ничего нет о его участии в Заграничных походах 1813 – 14 гг., полностью выпали Венгерский поход 1849 г. и Крымская война. В то же время П.Г. Усенко всячески выделяет вклад этих лиц в охрану Российского самодержавия, исполнения ими административно-полицейских функций. Так, И.О. де Витт руководил расправой над восставшими бугскими казаками в

1818 г., организовал агентурный полицейский надзор за Киевской, Волынской, Подольской, Екатеринославской и Таврической губерниями, городами Киевом и Одессой, информировал власти о тайном Южном обществе (1. С. 582). Ф.В. Остен-Сакен сыграл видную роль в разгроме декабристов на Украине, подавлении польского восстания 1830 – 31 гг. (5. С. 675, 676). Особенно досталось И.Ф. Паскевичу. Он представлен чуть ли не как агрессор, который в ходе войны с Турцией в 1828 – 29 гг. «напал на Карский и Ахалцихский пашалыки и захватил ряд иностранных крепостей – Баязет, Эрзерум, Байбурт». В бытность наместником в Польше проводил там русификаторскую политику. «Террором остановил развитие освободительных движений на подконтрольной территории, частично в украинских регионах». Упоминается его якобы причастность к разгрому т.н. Кирилло-Мефодиевского общества в 1847 г. и т.п. (6. С. 81, 82).

Ряд видных участников Отечественной войны лишь упомянуты в качестве выходцев из казацко-старшинских родов, получивших дворянство. В соответствующих статьях М.А. Милорадовичу отведено 12 строк, шефу Лубенского гусарского полка И.Е. Трошинскому – 11. Чуть больше повезло В.П. Скаржинскому – 14 строк, а вот Д.П. Неверовскому досталось всего 5 строк. Нет в Энциклопедии статьи о губернаторе Малороссии в 1808 – 16 гг. Якове Ивановиче Лобанове-Ростовском, внесшем огромный вклад в организацию Малороссийского ополчения и казацких полков, хотя о его брате Дмитрие Ивановиче – главнокомандующем Резервной армии статья есть.

Из персон, стоявших ниже на иерархической лестнице, обращает на себя внимание большая статья о Н. Дуровой (2. С. 500, 501). Надежда Андреевна характеризуется в ней как «гусар-девица», писательница, мемуаристка, первая женщина, которая за боевую отвагу награждена солдатским знаком Военного ордена – Георгиевским крестом». Наибольший интерес в статье представляют сведения о месте рождения Надежды Андреевны. Ведь даже в таком фундаментальном издании, как трехтомная энциклопедия «Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813 – 1814 годов», в статье о Н.А. Дуровой весьма компетентный автор – Игорь Сергеевич Тихонов обходит этот вопрос молчанием. Итак, в украинской энциклопедии указаны два разных года рождения – 1783 и 1788 и два вероятных места

рождения: Киев и Херсон. Отмечается, что отец – Андрей Васильевич Дуров ведет происхождение из шляхетско-казацкого рода Туровских, а мать, Мария Тимофеевна (Марфа) – дочь лубенского подкомория И. Александровича. Детство Н.А. Дурова провела на Украине: сначала в Киеве и Херсоне, потом в имении Велика Круча Пирятинского повета (уезда) Киевского наместничества (ныне с. Велика Круча Пирятинского района Полтавской области). Из всего вышеизложенного недвусмысленно вытекает украинское происхождение Н.А. Дуровой. Украинские корни знаменитых людей – излюбленная тема некоторых современных украинских историков. Далее статья П.Г. Усенко содержит в общем известные факты о жизни и службе Н.А. Дуровой.

Как видно из списка литературы в конце статьи, публикации, посвященные Н.А. Дуровой в Украине, весьма немногочисленны и встречаются главным образом в изданиях справочного характера.

Есть в Энциклопедии статьи о литераторах и мемуаристах братьях Сергее и Федоре Глинках, руководителе Южного общества декабристов П. Пестеле, других офицерах-декабристах, участниках Отечественной войны.

Наше внимание привлекла статья о полтавском помещике Василии Лукиче Лукашевиче (4. С.291, 292). Для украинской историографии эта фигура знаковая. Именно его единственного приводят в пример, когда пишут о надеждах, которые украинская шляхта и «интеллигенция» якобы связывала с Наполеоном. Статья о Лукашевиче в Энциклопедии выдержана в совершенно других тонах. Правда в ней говорится, что он «под влиянием наполеоновской пропаганды лелеял надежду на восстановление гетманщины». Но возглавив в 1811 г. дворянство Переяславского уезда Полтавской губернии, В.Л. Лукашевич в 1812 г. на собственные средства содержал военный госпиталь, где получили медицинскую помощь 7 тыс. человек, сформировал лучшее в губернии ополчение, а после известия о занятии Москвы французами призывал дворян ко всеобщему вооружению. Эти факты лишь подтверждают полную безосновательность утверждения ряда украинских авторов о том, что свой «европейский выбор» украинцы якобы сделали еще в 1812 г.

Итак, по результатам изложенного выше, освещение событий и лиц Отечественной войны 1812 г. в «Энциклопедии истории

Украины» следует признать неудовлетворительным для издания, претендующего на авторитетность. В первую очередь, это касается событий и явлений. Бросается в глаза отсутствие статей, раскрывающих разные формы участия украинского народа в отражении агрессии Наполеона. В немногочисленных имеющихся статьях авторами допущены фактические ошибки, порой довольно грубые, свидетельствующие о слабом знании предмета. Так, они путают регулярные полки малороссийских казаков с земским ополчением, ополченцев с участниками народной партизанской войны и т.п. Общим почти для всех авторов, является незнание современной историографии проблемы, причем не только работ зарубежных, в первую очередь российских исследователей, но и публикаций украинских ученых.

В статьях биографического характера, при освещении периода 1812 – 1814 гг. встречаются многочисленные информационные лакуны. Удивляет отсутствие биографий целого ряда лиц, имевших непосредственное отношение к Украине, либо по своему происхождению, либо по роду деятельности.

В оценках событий и лиц Отечественной войны 1812 г. авторы Энциклопедии преимущественно следуют канонам советского времени. А новации сводятся лишь к отрицанию отечественного характера войны для Украины, что без убедительной аргументации носит в большей степени конъюнктурный, чем научный характер.

Литература:

1. Енциклопедія історії України. В 10 т. (Далее – ЕІУ). Київ. 2003. Т. 1.
2. ЕІУ. Київ. 2005. Т. 2.
3. ЕІУ. Київ. 2008. Т. 5.
4. ЕІУ. Київ. 2009. Т. 6.
5. ЕІУ. Київ. 2010. Т. 7.
6. ЕІУ. Київ. 2011. Т. 8
7. ЕІУ. Київ. 2012. Т. 9.

УДК 37(09).09(470.5)

ББК 4403(235.55)61

ГСНТИ 14.35.19

Код ВАК 13.00.08

Эман М. Вовси
Флорида, США

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОГРАММЫ SKYPE В МЕЖВУЗОВСКОМ ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ: ПЕРВЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Университет штата Флорида; Тартуский Университет; Балтика; история; Skype; webinar

АННОТАЦИЯ: автор использует свой персональный опыт преподавания курса “История Балтийского региона” американским студентам, обучающимся в Университете штата Флорида, Таллахасси с помощью технологических инноваций, а именно – программы Skype. Посредством установления контакта, обсуждения некоторых вопросов и двух совместных лекций (webinars) со студенческой группой изучающей примерно такой же материал и обучающейся в Тартуском Университете, Эстония, данный эксперимент раздвинул привычные рамки лекционной структуры, и предоставил возможность для изучения однотипного предмета на одинаковом уровне между студентами и преподавателями разных стран.

Eman M. Vovsi
Florida, USA

THE USE OF SKYPE IN INTERUNIVERSITY TEACHING STUDENTS: FIRST EXPERIMENTS

KEY WORDS: Florida State University, Tartu University, history; the Baltic region; Skype; webinar.

ABSTRACT. While teaching “The History of the Baltic Region” at the Florida State University, the author used his personal experience in connecting, via modern technology (Skype), with one of the Baltic educational institutions, the Tartu University. In the series of webinars both instructors probe a new pedagogical approach in which students of various countries and background could study and learn together the same subject matter.

“Мысли глобально, действуй локально!” – таков был клич радетелей за охрану окружающей среды на раннем этапе их движения. Сегодня, как никогда, данный постулат актуален среди нового поколения историков – особенно тех, кто ищет новые перспективы во внутри- и межвузовском обучении, и пытается апробировать эти перспективы в студенческих аудиториях. Ведь не секрет, что с развитием новых технологий мы можем поднять преподавание на новый уровень. С этими мыслями, в один из семестров, автор данной статьи провел обучающий эксперимент с использованием общеизвестной программы Skype – эксперимент, который позволил создать своеобразный мост между двумя учебными заведениями, находящимися по разные стороны Атлантики, и максимально приблизить друг к другу студентов и преподавателей разных стран и континентов.

Находясь при факультете истории Университета штата Флорида (УшФ), автор читал курс “История Балтийского региона” – курс, который администрация факультета сочла необходимым включить в программу для ознакомления студентов с различными малоизученными аспектами истории Европы. Автору было известно, что такой курс не является наиболее востребованным в программах по истории предлагаемой университетской системой образования южных штатов, специализирующихся более на влиянии европейской культуры и политики на страны Латинской Америки и Карибского бассейна. Таким образом, студенты, записавшиеся на курс (в количестве 13) с первого же дня проявили любопытство – граничащее с непониманием – ввиду отсутствия определенной подготовительной базы.

Тем не менее, будучи сам выходцем из Балтийского региона (Латвия), автор увидел уникальную возможность представить своему классу нечто интересное и не совсем обычное, во многом выходящее за рамки обычных среднестатистических факультетских программ по истории. В течении первой части курса студенты с интересом читали и обсуждали отрывки из “Ливонской хроники” XIII в., “Письма с берегов Балтики” леди Истлей; смотрели различные видеоклипы, и даже совместно сделали интерактивную компьютерную карту Курляндского герцогства. Впрочем, автор быстро понял, глядя на современных студентов эпохи Facebook’а и Twitter’а, что нужно попробовать найти –

совместно с традиционным чтением лекций, домашних заданий и классных обсуждений – новые методы обучения и инновационные пути, отвечающие всевозрастающим требованиям XXI века.

В поисках коллег, преподающих аналогичный предмет – либо в Америке, либо в Балтийских странах – автору удалось наладить контакт с эстонским исследователем Хейко Паабо из Тартуского Университета (ТУ). Оказалось, что Хейко читает примерно такой же курс по истории Балтийского региона, на английском языке, международной группе студентов-аспирантов, обучающихся по магистерской программе. Так вскоре, после интенсивного обмена e-корреспонденцией, и родилась идея провести совместный класс – названный webinar – по какой-либо одноименной теме истории Балтики, через Skype.

Когда автор впервые огласил эту идею в своем американском классе, студенты восприняли новость с неподдельным энтузиазмом. Конечно, многие из них используют Skype в повседневной жизни для связи с друзьями и родственниками. Однако, так как никто из студентов никогда не путешествовал по Балтийскому региону, предложенный webinar послужил бы важным стимулом для развития нестандартного мышления и попытки освоить предмет с такими же студентами, как и они; ощутить историю, так сказать, из первых рук.

Первый пробный Skype webinar состоялся в начале марта; автор “присутствовал” во время очередных занятий эстонских студентов в одиночку, так как американские студенты были на весенних каникулах (расписание лекций было составлено заранее, и поменять что-либо, к сожалению, было невозможно). Однако второй webinar состоялся с присутствием и флоридских студентов. Впрочем, в связи с разницей часовых поясов (Флорида – утро; Эстония – вечер), webinar пришлось запланировать вне классного расписания и на встречу смогло прийти лишь два американских студента из всей группы. Автору пришлось заранее забронировать небольшой конференц-зал в университетской библиотеке, и в назначенный день и час техник подключил нас, через Skype, к аналогичной системе в ТУ (у них связь была налажена задолго до встречи, так как там обучается, заочно – и так же, посредством Skype – дополнительно, несколько студентов). Преодолев первые технические помехи – наладка звука, изображение, и т.д. – эстонские и американские студенты наконец-то увидели и

услышали друг друга. Начав с представлений, оказалось, что студенты, обучающиеся в эстонском классе у Хейко являются, помимо, собственно, Эстонии, выходцами из разных стран – России, Казахстана, Германии, Финляндии и Германии (американская группа была “мононациональна”). Так как английский язык становится все более интернациональным средством общения, то у студентов из разных стран не было проблем с взаимопониманием.

Темой совместного webinar’a в тот день была “Политическая система Эстонии, Латвии и Литвы между двумя мировыми войнами, 1919-1939 гг.” В связи с тем, что для эстонских студентов-аспирантов их курс построен более как серия семинаров, чем лекций (как у флоридских), Хейко заблаговременно подготовился к предстоящему серьезному мероприятию. Так, он переслал, посредством электронной почты, разграфленные бланки с начертанными таблицами, которые должны были помочь американским студентам в ознакомлении с темой webinar’a. Данные таблицы должны были, в итоге, быть методически заполнены по принципу: вопрос + дискуссия = поиск и письменное отображение правильного ответа. Американские студенты с интересом наблюдали, как эстонские студенты дискутировали на различные вопросы в рамках темы: этническая композиция балтийских правительств; политические партии; сходства и различия в конституции Эстонии, Латвии и Литвы; государственная символика и пр. В начале, американские студенты больше слушали и старались заполнить имеющиеся у них таблицы исходя из дискуссии, представленной их эстонскими коллегами. Но вскоре – в тот момент, когда речь зашла о государственной символике – флоридские студенты включились в диалог. Дело в том, что совсем недавно, они прослушали специальную лекцию, посвященную балтийским легендам, мифам и историческим традициям. Речь в данном случае шла об особенностях литовского герба, и американские студенты не замедлили задать вопросы студентам ТУ о значении символа “Погони” на центральном красном поле. Эстонские студенты вначале пришли в некоторое замешательство, но после короткого внутриклассного совещания изложили, в общих чертах, свой ответ. Американские же студенты с удовольствием подхватили дискуссию и рассказали все, что им известно, присовокупив туда же информацию об истории гербов

Латвии и Эстонии. В свою очередь, эстонские студенты так же задали дополнительные вопросы. Встреча вскоре вышла за рамки темы, так как обеим группам – эстонской и американской – захотелось больше узнать друг о друге. К сожалению, наше время было ограничено и через час после начала webinar'a мы тепло распрощались друг с другом, твердо пообещав продолжить встречи посредством Skype'a в будущем.

Через год, читая уже другой курс “История дипломатии” автор, уже с новыми студентами, повторил – опять совместно с Хейко Паабо – этот педагогический эксперимент. Работая по тому же принципу, студенты ТУ и УшФ – будучи примерно в равном количестве, то есть, около семи-восьми с каждой стороны – дискутировали об эпохе “сговора и соглашений” предварившей Вторую мировую войну, пакте Молотова-Риббентропа и последующей аннексии Балтийских стран. Американские студенты подготовили серию мини-докладов, и буквально не давали опомниться эстонским студентам, засыпав их кучей вопросов и контраргументов, особенно нападая на “Декларацию Велеса” (об официальном непризнании оккупации балтийских стран СССР), которую госдепартамент США опубликовал в июле 1940 г. В отдельных случаях тема webinar'a перерастала в параллельные диалоги двух, а то и трех групп, дискутирующих различные вопросы, причем подчас почти одновременно. Никогда еще автору не приходилось видеть такого ажиотажа, “погружения в тему” и просто радения за свой Университет (как Хейко потом признался, и ему тоже)!

Значение этой новой системы обучения благодаря возможности, которую предоставляет Skype, трудно переоценить. Студенты из разных стран, с различным уровнем подготовки, имеют уникальную возможность усвоить необходимый для курса материал методом предварительного планирования, чтения дополнительной литературы и последующего диалога – и в свободной манере общения найти общие точки соприкосновения и расширить свои знания по предмету. В будущем, видится необходимым провести небольшой социологический опрос, где участники отметили бы все наличествующие достоинства (как и недостатки) подобного метода обучения. Современная технология во многом делает наш большой, многогранный мир более доступным к общению, и подобный опыт во многом сблизил бы

разные культуры, точки зрения, а также наметил бы конструктивный диалог в деле постижения истины – этой основы исторического знания.

**Актуальные проблемы отечественной истории
в контексте современного отечественного образования**
УДК 94 (470)
ББК Т 3(2)р ГСНТИ 03.23.55 Код ВАК 07.00.02

Л.В. Алексеева
Нижневартовск

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЕТЕРИНАРНАЯ СЛУЖБА В СССР
1940 - X – 1980 – X ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ ЗАУРАЛЬЯ):
ИСТОРИОГРАФИЯ ТЕМЫ¹**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Ветеринария, история, этап, Зауралье, Курганская область, исследование, ветеринарная служба.

АННОТАЦИЯ. В статье представлен историографический обзор по истории государственной ветеринарной службы Зауралья, выделены этапы в изучении темы, обозначены критерии их выделения. Использован междисциплинарный подход при анализе работ по истории ветеринарии, труды по ветеринарной медицине и исследования по аграрной истории. Результатом историографического исследования стало выявление степени изученности прошлого ветеринарии Курганской области в период 1940-х-1980-х гг.

L.V. Alekseeva
Nizhnevartovsk

**THE STATE VETERINARY SERVICE IN THE USSR OF THE
1940S - 1980S.
(ON MATERIALS OF THE URALS): THE HISTORIOGRAPHY
OF THE TOPIC**

KEY WORDS: Veterinary medicine, history, stage, Urals, Kurgan oblast, research, veterinary service.

ABSTRACT. The article presents a historiographical overview of the history of the state veterinary service of the Urals. The author allocated stages in the study of themes that characterize each of them. Regardless of the stage of all the work the author analyzes in the context of interdisciplinarity, looking at the works on the history of veterinary

¹ Исследование осуществлено в рамках выполнения государственных работ в сфере научной деятельности, задание № 2014/801.

medicine, proceedings of veterinary medicine and research in agrarian history. The result of historiographical research was to identify the extent of research the past of veterinary medicine in the Kurgan region in the period 1940-1980.

В развитии историографии изучаемого периода можно выделить два этапа: советский и постсоветский. Независимо от этапа все труды можно разделить на несколько групп: 1. Работы по истории ветеринарии СССР. 2. Труды по аграрной истории региона (Урал и Зауралье). 3. Краеведческие издания по истории края (Зауралье). 4. Специальные ветеринарные труды.

Следует подчеркнуть, что в СССР изучением истории отечественной и зарубежной ветеринарии занимались лишь некоторые специалисты – любители. Большинство публикуемых работ в те годы по истории ветеринарии – это диссертации. По инициативе проф. В.М. Коропова при Московской ветеринарной академии в 1952 г. был создан музей «История ветеринарии» (6. С. 61). В 1960 г. в журнале «Ветеринария» появился специальный раздел по ее истории. Но все же в советское время изучение истории ветеринарии находилось в стране не на должной высоте. Не было создано и единого координирующего научного центра по изучению прошлого ветеринарной медицины и ветеринарной службы.

Для первого этапа развития отечественной историографии было характерно издание ряда фундаментальных работ по истории ветеринарии СССР и ее отдельных регионов. Прежде всего, это «Ветеринарная энциклопедия» (7) — первое в стране научно-справочное издание, содержащее основные сведения по всем вопросам истории, теории и практики ветеринарии. В 1970-х гг. было вышло несколько работ, посвященных истории ветеринарии в ряде союзных республик (13, 15). История ветеринарии исследуемого периода нашла отражение и в учебном пособии для подготовки ветеринарных врачей. В 1988 г. была опубликована книга «История ветеринарии» (27), одним из авторов которой являлся Иван Николаевич Никитин — доктор ветеринарных наук (1980), профессор (1982), известный ученый.

По истории ветеринарии Курганской области была издана на том этапе лишь одна работа, отражавшая путь развития ветеринарии края до 1967 г. (34). Ее авторы – ветеринарные врачи Курганской областной ветлаборатории А.А. Умов и С.П.

Малокотин, систематизировали значительный исторический материал по периоду с конца XIX в. – до 1967 г. В ведомственном архиве Далматовской станции по борьбе с болезнями сельскохозяйственных животных сохранилась рукопись этого труда, подаренного авторами. Она представляет собой машинописный текст объемом около 300 стр. (без пагинации). В ней авторы писали: «История ветеринарии Курганской области малоизвестна, потому что ею никто не занимался и никто не изучал». Именно в этой рукописи указывалось, что первым ветврачом области был Попов (Далматово). Как писали авторы, книга создавалась, в том числе и на основе материалов, присланных ветработниками области. Уже на тот момент эти ветврачи являлись старейшими в области, были участниками многих событий ветеринарной жизни. Свой труд они создавали, опираясь на архивы Кургана, Шадринска и особенно Далматовской ветлечебницы (это подчеркнуто авторами во введении) (35).

Разумеется, что изучение истории ветеринарной службы едва ли возможно без анализа трудов историков-аграрников, где получило освещение развитие животноводства Курганской области. Следует пояснить, что исторически это была территория развитого сельского хозяйства. Лучше, применительно к Зауралью, изучен период 1920-1930-х гг. (8, 28-31). Академик В.В. Алексеев отмечал, что аграрная история Урала XX в. исследована неравномерно по периодам, не комплексно по содержанию, и в значительной степени идеологизированно (1. С. 8). Это в полной мере относится и к одной из географических частей Урала – Зауралью.

Для изучения прошлого ветеринарной медицины, кроме исторических работ, целесообразно обращение к трудам специального характера, работа с которыми осуществлялась в крупных научных библиотеках страны, в том числе Центральной научной сельскохозяйственной библиотеке (г. Москва), Краснодарской краевой универсальной научной библиотеке им. А.С. Пушкина, Свердловской областной универсальной научной библиотеке им. В.Г. Белинского (г. Екатеринбург), Курганской областной научной библиотеке им. Югова и др. Следует подчеркнуть, что ряд книг перешли автору от мамы (ветеринарного врача, выпускницы ветеринарного факультета Свердловского сельскохозяйственного института 1959 г. Г.И. Захаровой).

Некоторые труды являются уникальными и представляют библиографическую редкость (9; 12; 14; 16; 20; 24; 33). В советский период действительно было создано большое количество фундаментальных ветеринарных трудов по всем основным областям ветеринарной науки и практики. Так, только в период 1968-1980 гг., как указывает Т.И. Минеева, было издано 420 книг по ветеринарии (23).

Следовательно, советский период историографии истории ветеринарной службы в СССР, РСФСР и в особенности Курганской области представлен все же незначительным комплексом работ, исследовавшим прошлое ветеринарной службы. Применительно к исследуемой теме специальные исторические работы не были созданы.

Для второго этапа развития отечественной историографии темы характерно в первую очередь появление работ как научного, так и учебного характера, отражавших историю ветеринарии на разных этапах развития.

Постсоветский период ознаменовался и появлением новых учебных пособий по истории ветеринарии. Так, И.Н.Никитин в 1996 г. создал новый учебник по истории ветеринарии. В нем поэтапно рассматривалось становление советской системы ветеринарной службы, анализировалась документальная база развития ветеринарии, содержался материал о выдающихся ученых. В 2006 г. учебник И.Н. Никитина был переиздан. В 2005 г. было опубликовано учебное пособие Т.И. Минеевой, в котором отражены истоки зарождения и этапы развития ветеринарии, показана ее неразрывная связь с общими процессами развития общества. В разделах, посвященных истории отечественной ветеринарии, рассказано о становлении ветеринарного законодательства, ветеринарного образования, о борьбе с эпизоотиями, о состоянии ветеринарии в военный период и в период новых экономических отношений (23; 25; 26).

На современном этапе появились исследования о развитии региональной ветеринарной службы. В их числе можно выделить следующие работы: История ветеринарии в Якутии (21), Государственная ветеринарная служба Московской области (11), История ветеринарии Пермского края (22), прошлое ветеринарии Башкортостана (18) и др. Л.В. Алексеевой изучила становление советской системы ветеринарной службы на Обь-Иртышском

Севере (1917—1941 гг.). Опубликовано несколько научных статей и монография (3). Ею же представлены сведения и по истории ветеринарии Ханты-Мансийского округа периода Великой Отечественной войны в специальном труде, посвященном развитию сельского хозяйства края (2). В 2015 г. вышла в свет книга об истории становления ветеринарной службы Ставрополя. Она приурочена к 120-летию со дня образования ветеринарной службы Ставропольского края. Книга является продолжением изданного ранее первого тома и описывает события, охватывающие период советской власти с 1920-х по 1970-е годы. Книга посвящена ветеринарным специалистам, самоотверженный труд которых обеспечивал ветеринарное благополучие Ставрополя (4). Отрадно заметить, что появились работы обобщающего характера, рассматривающие историю ветеринарии с глубокой древности (17), а также труды, описывающие историю ветеринарного образования в стране (10), работы, посвященные этике ветеринарного врача (32). Нельзя не подчеркнуть, что особенностью современного этапа является появление исторических очерков, выполненных в управлениях ветеринарии субъектов Российской Федерации, которые стали доступны с появлением Интернет. В числе таких очерков и текст по истории ветеринарии Курганской области (5), в сжатой форме повествующий о ее становлении и развитии, в том числе и в советский период.

Таким образом, выявление степени изученности проблемы показало, что специальных исторических работ по заявленной автором исследовательской теме в отечественной науке не создано. Об истории ветеринарии исследуемого периода отсутствуют, к сожалению, сведения и в пятитомной истории Курганской области (19). Все это делает заявленную тему актуальной для исследования.

Литература:

1. Алексеев В.В. Уральская историография на рубеже третьего тысячелетия // Урал в прошлом и настоящем. Материалы науч. конф. Екатеринбург, 1998. Ч. 1.
2. Алексеева Л.В. Крестьянская страда в 1418 дней: сельское хозяйство Югры в годы Великой Отечественной войны. Нижневартовск, 2012.

3. Алексеева Л.В. Становление советской системы ветеринарной службы на Обь-Иртышском Севере (1917—1941 гг.). Нижневартковск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2009.
4. Башкатов Г.А. Ветеринарная медицина и ветеринарно-медицинские специалисты Ставрополя. 2015 // <http://www.vet-center.ru/component/k2/item/786-news>. Дата обращения – 15 апреля 2015 г.
5. Бобров А.И. Из истории Управления ветеринарии Курганской области и развития ветеринарной службы на территории Курганской области // <http://kurganobl.ru/upravlenie-veterinariii-kurganskoy-oblasti-1>. Дата обращения – 20.05.2015 г.
6. Ветеринария. 1952. № 4.
7. Ветеринарная энциклопедия / Гл. ред. К.И.Скрябин. М., 1968-1975. В 6-ти тт.
8. Винниченко О.Ю. Крестьянство Зауралья в 1933-1941 гг. // Крестьянство Зауралья в 1929-1941 гг. Курган, 1992.
9. Внутренние незаразные болезни сельскохозяйственных животных / Под ред. И.Г. Шарабрина. М., 1964.
10. Воронин Е.С., Коробов А.В., Чекан В.А. Развитие ветеринарного образования в России. М., 2000.
11. Государственная ветеринарная служба Московской области // old.guv.mosreg.ru/vedomstvo_head/ Дата обращения – 15 апреля 2015 г.
12. Гутира Ф., Марек Й. Частная патология и терапия домашних животных. Перевод с 6-го переработанного немецкого издания / Под ред. С.Н. Павлушкина. Т. 3. Болезни мочевых органов, крови и кроветворения, селезенки, обмена веществ, нервной системы, органов движения и кожи. М. - Л., 1934.
13. Джамбулатов М.М. К истории ветеринарии в Дагестане. Махачкала, 1971.
14. Евграфов А.Р. Внутренние незаразные болезни сельскохозяйственных животных. М: Сельхозгиз, 1956.
15. Ибрагимов Б.Г. История ветеринарии в Азербайджане. Баку, 1971.
16. Инфекционные и инвазионные болезни лошадей / Под ред. Я.Е. Колякова. М., 1948.
17. История ветеринарной медицины: Древний мир - начало XX в. Учебное пособие / Под ред. И.П. Шабарина. М., 2012.
18. История и современность ветеринарии Башкортостана: 1887-2012 / Под общ. ред. Буранбаева В.С., Галимова Б.А. Уфа, 2012. Ч. 1.
19. История Курганской области в 5-ти тт. / Отв. ред. Н.Ф. Емельянов. Курган, 1995-1999.

20. Кадыков И.И. Общая хирургия. М., 1939.
21. Карпов В.С. История ветеринарии в Якутии. Якутск: ИД СВФУ, 2012.
22. Киприянов Ю. Н. История ветеринарии Пермского края. Книга 3. Книга продолжает серию книг о истории ветеринарной службе Пермского края. Она состоит из двух частей. Ч. 1. Ветеринарная служба Пермского края. 1951 – 2008. Ч. 2. Судьба солдата. Третья книга завершает Летопись ветеринарной службы Прикамья.
23. Минеева Т.И. История ветеринарии. СПб., 2005.
24. Мозгов И.Е. Фармакология. М., 1960.
25. Никитин И.Н. История ветеринарии: Учебник. М., 1996.
26. Никитин И.Н. История ветеринарии. Учебник. М., 2006.
27. Никитин И.Н., Калугин В.И. История ветеринарии. М., 1988.
28. Плотников И.Е. Сельское хозяйство Зауралья в годы первой пятилетки (1929-1932 гг.) // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Курган, 1994.
29. Плотников И.Е. Советы и крестьянство Урала в 1921-1932 гг.: дисс. ... д-ра ист. наук. Курган, 1985.
30. Плотников И.Е. Сплошная коллективизация в Зауралье // Крестьянство Зауралья в 1929-1941 гг. Курган, 1992.
31. Пономарева Р.Н. Некоторые вопросы организационно-хозяйственного колхозов Зауралья в 1930 г. // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1966.
32. Профессиональная этика врача ветеринарной медицины / Под ред. И.С. Панько. СПб., 2004.
33. Студенцов А.П. Ветеринарное акушерство и гинекология. М., 1961.
34. Умов А.А., Малокотин С.П. Очерки истории ветеринарии Курганской области. Пособие для ветеринарных работников, студентов, преподавателей сельскохозяйственных вузов и техникумов. Челябинск: Южно-уральское книжное издательство, 1967.
35. Умов А.А., Малокотин С.П. Очерки истории ветеринарии Курганской области. Курган, 1966. Рукопись. 300 с. / Ведомственный архив Далматовской ветстанции.

УДК 930.2:314.1 ГРНТИ 03.01.07;03.23.55;05.31.15
Код ВАК 07.00.09

Е.Ю. Баранов
Екатеринбург

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В РОССИИ В XX В.: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИСТОРИЧЕСКОМУ ИССЛЕДОВАНИЮ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: историческая демография, теория демографического развития, историография, демографическая история, демографический переход, демографическая модернизация.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется методологический инструментарий современной отечественной исторической демографии. Показано, что методологическую альтернативу достаточно распространенной теории демографического перехода составляют регионаловедческий и институциональный подходы.

E.Yu. Baranov
Yekaterinburg

DEMOGRAPHIC TRANSFORMATION IN RUSSIA IN THE XX CENTURY: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO HISTORICAL RESEARCH

KEY WORDS: historical demography, demographic development theory, historiography, demographic history, demographic transition, demographic modernization.

ABSTRACT. The article analyzes the methodological instruments of modern national historical demography. It was demonstrated that the regional studies and institutional approaches constitute methodological alternative to the quite common demographic transition theory.

В населении России в XX в. произошли серьезные количественные и качественные изменения, обусловленные процессами урбанизации и модернизации, а также воздействием таких экзогенных факторов социальной среды, как войны, эпидемии, голод. Для осмысления демографической трансформации исследователи используют различные методологические подходы и инструментарий, которые разработаны

профессиональными демографами. В современной науке в качестве методологического инструмента исследований демографической динамики широко используется теория демографического перехода, появившаяся в зарубежной литературе в 1930–1940-е гг. В рамках этой теории фундаментальные перемены в демографическом поведении объясняются сменой исторических типов воспроизводства населения. Традиционному типу воспроизводства населения, получившему распространение в аграрных обществах, свойственен неустойчивый баланс между высокой смертностью и высокой рождаемостью населения в условиях сильной зависимости демографической динамики от экзогенных факторов природного и социального происхождения (климат, голод, эпидемии и т.д.). Для современного типа воспроизводства, порожденного переходом от аграрной экономики к индустриальной, характерны низкие уровни смертности и рождаемости, демографическое равновесие достигается при развитии гибких и активных демографических отношений, подразумевающих автономность демографического поведения семьи и индивида.

Существенный вклад в распространение теории демографического перехода в нашей стране внес известный демограф А.Г. Вишневский. В 1976 г. была издана его монография «Демографическая революция», в которой выделено несколько качественных изменений, возникающих в демографической системе и процессе ее регулирования вследствие демографической революции: демографическое старение; повышение управляемости и устойчивости демографического процесса; рост экономичности воспроизводства населения; «рационализация индивидуального жизненного цикла», позволяющая сократить период человеческой жизни, предназначенный для производства потомства. «Традиционная» модель демографической революции (демографического переворота) предполагает асинхронность наступления ее фаз – снижение смертности обгоняет снижение рождаемости, что обуславливает демографический взрыв, «мощность» которого зависит от внешних социально-исторических условий. Демограф выявил несколько исторических сценариев демографической революции, согласно одному из них вследствие практически одновременного начала двух фаз переворота и почти параллельного снижения смертности

и рождаемости население фактически минует демографический взрыв. В качестве примера действия этой схемы он привел демографические перевероты во Франции и СССР. Ученый указал на то, что в СССР переход к новому типу смертности происходил быстрее, чем во Франции, переход к новому типу рождаемости был также «не менее быстрым», а демографический взрыв при этом был зафиксирован лишь «у некоторой части населения страны, в частности в республиках Средней Азии» (3. С. 162, 164–165, 198–199). Сегодня исторический пример отсутствия демографического взрыва во Франции А.Г. Вишневский рассматривает как отдельное исключение в ходе процесса демографической модернизации (4. С. 399). В современной историко-демографической литературе, в том числе и в работах, выполненных под руководством А.Г.Вишневского, доказывается, что население России избежало демографического взрыва, и ему не удалось накопить демографический ресурс вследствие негативного влияния социально-демографических катаклизмов в первой половине XX века.

Теория демографического перехода долгое время почти не выступала в роли методологического конструкта исторических интерпретаций. Историографическая ситуация изменилась после издания в 2006 г. коллективной монографии «Демографическая модернизация России, 1900–2000», подготовленной под руководством А.Г.Вишневского. В этой книге коренные перемены в демографическом поведении, обусловленные демографическим переходом, рассматриваются в качестве демографической модернизации. Причем, российско-советская «догоняющая» модернизация, в том числе и ее демографическая составляющая, обозначена как «консервативная». Она обеспечивала быстрые и достаточно эффективные «инструментальные», прежде всего, технико-технологические, достижения за счет сохранения многих ключевых элементов «традиционалистского социального устройства» (4. С. 11).

В монографии показано, что в XX в. население России отходило от традиционных форм демографического и семейного поведения. Вековым трендом демографического развития стало падение рождаемости. В середине последнего десятилетия XX в. эволюция рождаемости в России, по мнению авторов, перешла в новую фазу, в ходе которой происходят перестройка ее возрастной

модели и отказ от раннего начала прокреации. Поколения, родившиеся в 1970-е гг. первыми, в России продемонстрировали брачное и репродуктивное поведение, которое свидетельствует о начале так называемого «второго демографического перехода» (4. С.249). В рамках этой концепции объясняются демографические изменения, стадийно соотносящиеся со становлением постиндустриального общества и связанные с сильным расширением свободы выбора в демографическом поведении индивида. Эти изменения включают откладывание вступления в брак и рождения детей на более поздний возраст, в особенности первого ребенка, интенсивный рост числа незарегистрированных браков, рост внебрачной рождаемости.

Сокращение смертности, прежде всего, младенческой, детской, сдвиг смертности в сторону старших возрастов, и как следствие рост продолжительности жизни, – это, по мнению авторов монографии, «достижения» демографической модернизации в стране. Хотя на динамике ожидаемой продолжительности жизни в первой половине столетия отразилась серия демографических катастроф, к концу 1950-х гг. она выросла по официальным данным до 69 лет (68,9 г.). После 1965 г. начался этап стагнации или даже снижения (у мужчин) продолжительности жизни, отставание от большинства развитых стран по этому показателю до конца столетия преодолеть так и не удалось. До конца XX в. демографическая модернизация в стране, по мнению демографов, оставалась незавершенной (4. С. 257, 270, 272, 382–383, 393).

Концепция, предлагаемая А.Г.Вишневым и его коллегами, предполагает объективную заданность демографического развития всех стран и регионов мира, движение населения по одному вектору, через одни и те же стадии, к общему результирующему состоянию. Различные социальные обстоятельства в рамках этой модели демографического перехода могут обеспечить только временное внешнее воздействие на ход демографической модернизации, обусловив специфику конкретно-исторических деталей, тайминговый сдвиг какой-либо фазы, но никак не отклонение от генеральной стратегии этой трансформации. Такой конструкт имеет своих сторонников, но также подвергается серьезной критике в научном сообществе. Оппонентами универсальной схемы демографического развития в качестве ведущих аргументов используются, прежде всего, доводы о

наличии значительной региональной демографической дифференциации, а также о существовании более глубокой зависимости демографической динамики от факторов социальной среды.

В современном российском обществоведении оппонентом парадигмы демографического перехода выступает М.А. Клупт, методологическую основу исследований которого составляют регионоведческий и институциональный подходы. Он указывает на то, что теория демографического перехода базируется на принципах «стадиального детерминизма» и «стадиального редукционизма». Региональное демографическое разнообразие, связанное с влиянием факторов природной и социальной среды, обуславливает, по мнению М.А. Клупта, постоянные сбои в интерпретационной и прогностической работе теорий демографической конвергенции. Он предлагает разрабатывать «теории среднего уровня», занимающие промежуточное положение между эмпирическими исследованиями и концептуальными обобщениями, претендующими на глобальный масштаб, и предназначенные для описания и объяснения закономерностей демографического развития регионов мира. Этот подход позволяет говорить о существовании комплекса национальных и региональных моделей демографического развития.

Теории среднего уровня создаются на основе институционального подхода. Под институтами М.А. Клупт понимает, во-первых, комплексы формальных (законы) и неформальных (обычаи, традиции) правил, принятых в обществе, во-вторых, субъекты социальных отношений (государство, семья, институты здравоохранения, правопорядка и т.д.), наделенные правами и ресурсами для поддержания правил жизни общества, и, в-третьих, устоявшиеся в обществе способы социального поведения и стереотипы мышления. В ходе общественного развития из взаимосвязанной совокупности социальных институтов формируется институциональная структура, которая выступает инструментом адаптации человеческого общества к экзогенной (природной, техногенной, экономической и т.д.) среде и соответственно зависит от предшествующего социально-исторического опыта, по сущности, она является институциональной матрицей («геномом») общества, позволяющей сохранить его целостность. Институциональные структуры

общества, сформировавшиеся в различных регионах Земли, обладают своей спецификой, они являются, как полагает М.А. Клупт, источником региональных демографических различий. В научном мире говорят о «западной» и «восточной» институциональных матрицах, геноме восточных обществ, институциональной матрице российского общества (8. С. 7, 10, 267–268, 271–278).

Ученый указал на игнорирование теорией демографического перехода эмпирической информации, фиксирующей региональные «демографические феномены», являющиеся, как он считает, необъяснимыми в рамках этой теории. В качестве примера такого «демографического феномена» для России М.А. Клупт привел ситуацию с отсутствием снижения смертности взрослых мужчин в ходе процесса модернизации, а также со стагнацией или снижением ожидаемой продолжительности жизни населения, продолжавшуюся с середины 1960-х гг. Последнее обстоятельство, по мнению А.Г. Вишневого, свидетельствовало о незавершенности процесса демографической модернизации в стране. М.А. Клупт в свою очередь обращает внимание на то, что кризис продолжительности жизни в стране охватил период, который включает часть советской эпохи, этапы экономического спада 1990-х гг. и «подъема» начала XXI в. Наблюдение кризисных явлений в различных социально-экономических и политических условиях позволило ему говорить о роли факторов культуры. Демограф делает вывод о значительной роли специфического «социокультурного синдрома», который заключался в ослаблении влияния культуры и идеологии, ранее направленного на формирование образа здоровой и конструктивной жизни, а также в уменьшении государственного контроля над жизнью общества.

Полемизуя с А.Г. Вишневым в отношении российской рождаемости, М.А. Клупт указывает, что ее траектория на протяжении периода 1980–2005 гг. менее всего походила на повторение с учетом запаздывания линий движения этого процесса в США и странах Северной и Западной Европы. Одной из причин снижения суммарного коэффициента рождаемости в 1990-е гг. стало увеличение возраста рождения первого ребенка. М.А. Клупт пишет, что некоторые демографы считают подобный процесс признаком начала второго демографического перехода в стране, при этом он ссылается на указанную выше работу, выполненную

под руководством А.Г. Вишневого. По его же мнению, тезис о приближении репродуктивного поведения россиян к европейской модели справедлив применительно к «социально продвинутым» молодым поколениям в мегаполисах. М.А. Клупт заключает, что феномен сверхнизкой рождаемости в России в конце прошлого века выражается в падении значений этого показателя до более низкого, чем в большинстве развитых стран мира, уровня (1,2–1,3 рождения в среднем на одну женщину). И эта негативная тенденция во многом была следствием «трансформационного кризиса», поразившего страну в 1990-е гг. (8. С. 11, 263, 302–304, 312–314, 318–323).

Рассмотренный исследовательский подход обладает серьезными междисциплинарными инструментально-методологическими возможностями и предполагает проведение всестороннего анализа цивилизационных особенностей регионов, реализацию глубокого исследования роли природных, социально-экономических, политических и социокультурных факторов демографического развития.

Несмотря на критику теории демографического перехода, этот концепт получил достаточно широкое распространение в российской профессионально-исторической среде (1; 2; 5; 6; 7; 9; 10). В.Б. Жиромская считает, что одна из особенностей демографического перехода в России заключалась в дискретном характере этого процесса, его признаки были очень неустойчивыми и даже периодически исчезали, что было связано с неоднократным воздействием негативных социальных факторов на общий ход демографической модернизации. Значительная роль экзогенных факторов, сохранявших свое влияние на демографические процессы в течение долгого времени, также рассматривается историком в качестве специфической черты демографического перехода в стране. Третья особенность демографического перехода в России, по мнению В.Б. Жиромской, состоит в том, что он развивался в условиях глубокой деформации половозрастной пирамиды. Дисбаланс полов в пользу женщин, который наблюдался в советский период, начал сглаживаться только в конце 1960-х – начале 1970-х гг., хотя и не был преодолен. В возрастной структуре населения страны в XX в. можно зафиксировать несколько «демографических ям», обусловленных последствиями Гражданской и Великой Отечественной войн и социального

бедствия в начале 1930-х гг. Отсутствие «демографического выигрыша» (существенного прироста населения) вследствие воздействия социальных потрясений первой половины века на длительность и соотношение фаз переходного процесса также выделяется историком в качестве специфической характеристики отечественного варианта демографического перехода.

В.Б. Жиромская пишет, что демографический переход в России был, в основных чертах, завершен к середине 1970-х гг., однако застойные явления в экономике, отставание страны по ряду ведущих показателей технологической революции, в том числе в сфере фармакологии и медицины, отделили завершение модернизационного процесса. В 1990-е гг. демографический кризис сопровождался депопуляцией «отдельных этносов, особенно русского», и длительная демографическая стабилизация вновь была прервана. В.Б. Жиромская указывает на то, что кризисная демографическая ситуация не являлась закономерным результатом демографического перехода, а, наоборот, была связана с нарушением процесса демографической модернизации (5. С. 11–12, 19–26, 248).

В последнее время появились историко-демографические исследования городской и сельской семьи в России, реализованные на основе парадигмы демографического перехода, в отношении института семьи предполагающей осуществление перехода от патриархальной многодетной семьи к семье нуклеарной малодетной. По мнению О.М. Вербицкой, на рубеже 1920–1930-х гг. наступил новый этап трансформации российской сельской семьи, начавшийся с политики коллективизации и раскулачивания, и условно датируемый 1929–1959 гг. На этом этапе процесс обновления семейно-брачных отношений у жителей села заметно ускорился, и сельская семья вступила на путь постепенного перехода «от патриархальности к современности». Важнейшим фактором перемен стало «углубление урбанизационных процессов», вследствие чего усилилась миграционная активность жителей села, покидавших деревню (2. С. 14, 270). Н.А. Араловец считает, что для брачно-семейных отношений горожан в конце 1920-х – 1930-е гг. было характерно и ранее наблюдавшееся явление увеличения экономической и морально-психологической самостоятельности женщин, в мотивации вступления в брак и создания семьи значительно возросло «значение взаимных чувств»,

а урбанизация и атеистические настроения в обществе способствовали трансформации «традиционного сознания населения». Величина городской семьи сокращалась в значительной степени в связи с понижением в ней числа детей, что было обусловлено изменениями в репродуктивном поведении населения, последствием которых было дальнейшее распространение внутрисемейного регулирования рождаемости (1. С. 241–244). Эти исследования свидетельствуют о трансформации брачно-семейного поведения.

Таким образом, существенный вклад в адаптацию и разработку теории демографического перехода применительно к демографическому развитию России внес А.Г. Вишневский, ключевым элементом его концепции, которая представляет одну из моделей перехода, является положение об объективном и универсальном характере этого процесса. Критика теории перехода основывается на тезисах о наличии значительной региональной демографической дифференциации и существовании глубокой зависимости демографической динамики от природных и социальных факторов. В научном сообществе неоднозначно относятся к интерпретационным возможностям теории демографического перехода. Современная ситуация с региональным демографическим разнообразием обуславливает дискуссии по вопросу прогностических способностей этой теории. Но, несмотря на серьезную критику, теория демографического перехода обладает описательными, аналитическими и объяснительными ресурсами, позволяющими использовать ее в качестве теоретико-методологического конструкта для исследований истории населения России и ее регионов. Методологическую альтернативу этой демографической теории составляют регионаловедческий и институциональный подходы.

Литература:

1. Араловец Н.А. Городская семья в России, 1927–1959 гг. Тула: Гриф и К, 2009. 304 с.
2. Вербицкая О.М. Российская сельская семья в 1897–1959 гг. (историко-демографический аспект). М. –Тула: Гриф и К, 2009. 296 с.
3. Вишневский А.Г. Избранные демографические труды: в 2 т. Т. 1: Демографическая теория и демографическая история. М.: Наука, 2005. 368 с.

4. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А.Г.Вишневого. М.: Новое издательство, 2006. 608 с.

5. Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М.: Кучково поле; Союз семей военнослужащих России, 2012. 320 с.

6. Исупов В.А. Западная Сибирь в контексте демографической модернизации: первая половина XX столетия // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 2. С. 36–42.

7. Исупов В.А. К вопросу о начале процесса демографического перехода в Западной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 1. С. 12–16.

8. Клупт М.А. Демография регионов Земли. СПб.: Питер, 2008. 347 с.

9. Кузьмин А.И., Оруджиева А.Г., Корнилов Г.Е. и др. Население Урала. XX век. История демографического развития. Екатеринбург: Издательство «Екатеринбург», 1996. 212 с.

10. Корнилов Г.Г., Корнилов Г.Е., Михалев Н.А., А.Г. Оруджиева А.Г. Население Ямала в XX веке: историко-демографический анализ. Екатеринбург: Издательство АМБ, 2013. 360 с.

УДК 94(47)

ББК ТЗ(2)р

ГСНТИ 03.23.55

Код ВАК 07.00.02

Р.С. Бахтияров

Оренбург

КОНЬ ДЛЯ АРМИИ: ОЦЕНКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ВОЕННЫХ ЦЕЛЯХ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: кавалерия, лошади, Первая мировая война, Великая Отечественная война, СССР, Российская империя.

АННОТАЦИЯ. В работе рассматривается проблема использования лошадей в войнах России в первой половине XX века. Приводятся данные о количестве использованного для этих целей животных, а также сведения о мероприятиях по повышению эффективности применения кавалерии.

R. S. Bakhtiar

Orenburg

THE HORSE TO THE ARMY: ASSESSING THE MILITARY USE IN THE FIRST HALF OF THE TWENTIETH CENTURY

KEY WORDS: Cavalry, horse, First world war, Great Patriotic war, USSR, Russian Empire.

ABSTRACT. This paper considers the problem of using horses in wars of Russia in the first half of the twentieth century. Shows the number of used animals for these purposes, as well as information about measures to improve the effectiveness of cavalry.

События новейшего времени показали, что внедрение новых технологий не всегда ведет к быстрому прогрессу. Зачастую устаревшие способы решения возникающих проблем оказываются на долгое время эффективнее нововведений, а в ряде случаев, постепенно обновляясь, выигрывают конкуренцию у инноваций.

Поэтому при проведении преобразований в различных отраслях государственного устройства или социальных взаимоотношений необходимо помимо смелости и решительности в проведении реформ проявлять критичность и здравый смысл.

Одной из интересных тем, актуальных для изучения отечественной истории, является проблема использования животных в военное время для различных нужд армии и тыла в XX – начале XXI в. На этот период приходится беспрецедентные в истории России процессы технического переоснащения, когда на протяжении столетия общество фактически дважды совершало переход из одной социально-экономической модели развития к другой. В этой связи хотелось бы обратиться к теме использования в военных целях лошадей – животных, нашедших наибольшее применение в условиях военного времени в Российской империи, СССР. Прочие виды животных, актуальные для иных климатических районов и исторических условий, не имели такой важной роли для российского государства в рассматриваемый период.

Хотя к началу XX в. Российская империя переживала достаточно бурный технический подъем, лошади в военной сфере продолжали доминировать и как средство передвижения в бою, и как транспортное средство. При этом военные специалисты разных

стран уже к началу Первой мировой войны высказывали серьезные сомнения в эффективности кавалерии как равноправной триады (пехоты, кавалерии, артиллерии) сухопутных войск.

К началу войны российская кавалерия считалась одной из сильнейших в мире. К 1914 г. она насчитывала 140000 человек, сведенных в 24 дивизии, 8 бригад и несколько отдельных полков. На момент Октябрьской революции 1917 г. это число возросло примерно в 2 раза, до 52 дивизий (14. С. 43, 46). Общий ход Первой мировой войны подтвердил в целом опасения военных теоретиков в отношении роли кавалерии. Несмотря на отдельные успехи, данный род войск постепенно потерял свою ведущую роль и уступал более современным средствам ведения войны.

Некоторый подъем роли кавалерии в годы гражданского конфликта на территории бывшей Российской империи в 1918–1920 гг. можно отнести к особенностям этого вооруженного противостояния. Тем не менее, численность теперь уже советской кавалерии неуклонно росла: на 1919 г. РККА насчитывала 40 тыс. кавалеристов, то к концу 1920-х гг., несмотря на демобилизацию и сокращение армии после окончания гражданской войны, в Красной Армии было 77 тыс. кавалеристов (3; 10. С. 48).

Общее количество лошадей, использовавшееся в военных целях в 1914 – 1917 гг. согласно опубликованным данным выглядит следующим образом: на 1 октября 1914 г. – 670775 голов, на 1 июня 1916 г. – 1672430 голов, к сентябрю 1917 г. это число возросло до 2760000 голов в армии и 404000 голов в организациях, обслуживавших вооруженные силы. Для сравнения: Германская армия к маю 1918 г. имела на фронтах 956850 лошадей (14. С. 137, 140). Точность приведенных цифр по русской армии самими авторами исследования оговаривается как сомнительно достоверная, особенно после февраля 1917 г., так как из-за возраставшего беспорядка снижался и уровень делопроизводства, имел место двойной подсчет.

После окончания Первой мировой войны в военном деле всех развитых стран мира наступает резкий подъем технической оснащенности. Если в 1929 г. на одного красноармейца приходилось в среднем по всей РККА 2,6 механических лошадиных сил и в 1930 г. — 3,07, то в 1933 г. — уже 7,74 (15.С.70). Массовое внедрение в промышленность и сельское хозяйство машин и механизмов привело к тому, что лошади

постепенно вытеснялись из всех сфер народного хозяйства и силовых структур. В 1916 г. численность лошадей в Российской империи оценивалась по разным источникам до 35 млн голов, или 40% мирового поголовья. К началу 1922 г. это число сократилось до 18,9 млн, а к 1929 г. уже в СССР оно достигло опять 34,6 млн голов. Массовое внедрение техники в годы первых пятилеток наряду с не продуманной политикой коллективизации привело к тому, что к 1934 г. в СССР осталось всего 15,4 млн голов лошадей (12. С.63,86,89). Поэтому, начиная с середины 1930-х гг. в СССР проводилась широкая компания по восстановлению конепоголовья, и в результате этого к 1941 г. количество лошадей в стране выросло до 21 млн голов.

К сожалению, начиная с развенчания «культы личности», в отечественную историографию проникла идея о малограмотности военного руководства СССР 1930-х гг., которое чрезмерно отстаивало сохранение в Красной Армии кавалерии в ущерб насыщения армии техникой, что привело к поражению в начальный период Великой Отечественной войны. Это мнение широко тиражировалось с началом эпохи распада СССР, и в рамках статьи представляется нецелесообразным приводить его основные положения. Но начиная с 2000-х гг. исследования беспристрастных историков и публицистов достаточно убедительно отвергают сложившийся на протяжении второй половины XX века стереотип. Это работы исследователей А.Н. Голиков, И. Пыхалов, А.В. Исаев (9; 11; 15). Они опираются на показатели численности кавалерии РККА в предвоенный период. Если в 1937 г. насчитывалось 32 кавалерийские дивизии, а общая численность личного состава достигала 195690 человек, то к 22 июня 1941 г. советская кавалерия насчитывала 13 дивизий и 116907 человек личного состава (15. С. 77). Таким образом, за предвоенный период количество соединений сократилось в 2,5 раза, а личного состава – на 40 %. При этом в личный состав кавалерийских дивизий входили ещё представители других воинских специальностей (артиллеристы, танкисты). Можно также заметить, что численность кавалерии Красной Армии накануне Великой Отечественной войны только на 19,6 % уступала кавалерии царской армии (140000 человек) перед Первой мировой войной, о чем говорилось выше.

Как показывают проведенные исследования, в начавшейся Великой Отечественной войне использование лошадей как

средства передвижения на войне и тягловой силы сыграло огромную положительную роль. Хотя значимость собственно кавалерии, конечно же, было значительно ниже, чем в войнах предыдущих эпох, но при этом наличие в СССР большого поголовья лошадей позволило в самых неблагоприятных условиях обеспечить армию необходимыми средствами транспорта и тяги, особенно в условиях нехватки техники. Об этом говорят некоторые показатели. К началу войны численность лошадей в армии составляла 526400 голов. Уже к сентябрю 1941 г. она выросла до 1324676 голов, а в отдельные периоды численность лошадей на фронте достигала 2 млн (2). Всего за годы Великой Отечественной войны только для нужд вооруженных сил по опубликованным данным направлено около 3 млн лошадей (по некоторым данным 2579997) (12. С. 126; 13. С. 215).

Необходимо отметить, что лошади направлялись на фронт из разных сфер экономики страны, но основная нагрузка легла на сельскохозяйственные предприятия, колхозы и совхозы. В отчете Управления коневодства Народного комиссариата земледелия СССР за 1945 г. указано, что в годы войны только из колхозов для нужд армии направили около 2 млн лошадей (4).

Роль лошадей в начавшейся войне вопреки прогнозам оказалась исключительно велика. Транспорт каждой стрелковой дивизии в годы войны на 75 % общей грузоподъемности оставался гужевым. Конная тяга стала особенно незаменимой в условиях бездорожья (2). 11 августа 1941 г. ГКО СССР своим постановлением № 459 утвердил штатное количество лошадей в воинских частях. Согласно постановлению, кавалерийская дивизия должна была иметь 3553 лошади, а стрелковая 2698 голов (5). Надо заметить, что пехотная дивизия российской императорской армии к 1914 г. имела по штату 4704 лошади на 21 тыс. человек (14. С. 94). Численность советской стрелковой дивизии по штату августа 1941 г. – 11447 человек (6). Таким образом, если стрелковая дивизия Красной Армии в 1941 г. имела в абсолютных цифрах и меньше лошадей, но в пропорции к численности личного состава в соединении штатная оснащенность конским составом осталась фактически такой же, как и в 1914 г.

Неблагоприятный характер первого периода Великой Отечественной войны, недостаток мобильности армии вынудил высшее руководство вооруженных сил обратиться к формированию

новых кавалерийских дивизий. Как известно, в 1941 г. было сформировано более 80 легких кавалерийских дивизий, которые впоследствии будут переформированы в полноценные соединения, оснащенные самым передовым вооружением. К лету 1943 г. в составе советских вооруженных сил на фронте имелось 26 дивизий общей численностью 239 тыс. человек при 227 тыс. лошадях (12. С. 136). Если сравнить с данными, приведенными выше, то можно заметить, что количество кавалерии РККА в годы Великой Отечественной войны и российской армии к 1917 г. практически адекватно, хотя в 1941–1945 гг. в число личного состава кавалерии входили специалисты других воинских специальностей. Таким образом, данный род войск хотя и не имел такого значения в рассматриваемый период как ранее, но применение модернизированной конницы способствовало серьезному увеличению эффективности советских вооруженных сил в годы Великой Отечественной войны. Особенно данное положение справедливо, если принять во внимание и указанную выше роль лошадей в транспортном и тягловом обеспечении Красной Армии. Достаточно сказать, что даже в апреле 1945 г., когда обеспеченность армии техникой значительно улучшилась на трех фронтах берлинского направления (Первом и Втором Белорусском, Первом Украинском) было задействовано 500000 лошадей (1).

Большое значение имело место и использование лошадей в тылу во всех отраслях народного хозяйства 1941–1945 гг. Так, к 1943 г. в колхозах тыловых районов СССР рабочий скот выполнял 47 % пахотных, 70 % посевных, 80 % уборочных работ (16. С. 57). Разведение лошадей в военных условиях рассматривалось как важнейшая отрасль экономики, которая была под контролем высших органов власти.

Таким образом, приведенные факты говорят о том, что применение лошадей в военных условиях первой половины XX века как российской императорской армией, так и РККА имело важнейшее значение. Несмотря на преобладающую роль техники в победе в Великой Отечественной войне наличие такого мощного фактора как развитое коневодство, способное обеспечить армию средствами транспорта и тяги, способствовало увеличению в целом эффективности вооруженных сил и устойчивости народного хозяйства к неблагоприятным последствиям войны. Для подтверждения этих слов можно привести также и данные о наших

противниках, которые, вопреки стереотипам, активно использовали лошадей в военных целях в 1939 – 1945 гг.

К 22 июня 1941 г. в войсках вторжения (не считая союзников) имелось 625 тыс. голов, в пехотной дивизии вермахта по штату насчитывалось 5375 лошадей, что было больше, чем в РККА на начало войны (7; 8). Всего по данным немецкого историка В. Цигера, германская армия в годы войны задействовала 2,75 млн голов лошадей, из которых 75 % использовались на Восточном фронте (12. С. 142).

Источники:

1. Ветеринарное обеспечение в годы Великой Отечественной войны. URL: <http://www.oboznik.ru/?p=11531> (дата обращения: 1.02.2016)

2. Военно-Ветеринарная служба в годы Великой Отечественной войны. URL: <http://tasyan1.narod.ru/vov.html> (дата обращения: 1.02.2016)

3. Кавалерия Красной Армии в 1921–30гг. URL: <http://samsv.narod.ru/Div/Kd/kd2130.html> (дата обращения: 3.02.2016)

4. Российский государственный архив экономики. Ф. 9481. Оп. 2. Д. 1237. Л. 2.

5. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 644. Оп. 1. Д. 6. Л. 152.

6. Стрелковая дивизия РККА. URL: http://ru.rfwiki.org/wiki/Стрелковая_дивизия_РККА (дата обращения: 2.02.2016)

7. URL: <http://www.protown.ru/information/hide/5015.html> (дата обращения: 1.02.2016)

8. URL: <http://feldgrau.info/index.php/other/34-2010-09-01-06-28-34/3497-vooruzhennye-sily-tretego-rejha-k-nachalu-vojny-s-sssr> (дата обращения: 2.02.2016)

Литература:

9. Голиков А.Н. Роль кавалерийских частей Красной Армии в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.: на материалах II-го гвардейского кавалерийского корпуса: дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 216 с.

10. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М.: Изд-во АПН, 1969. 752 с.

11. Исаев А.В. Антисуворов. Десять мифов Второй мировой. М.: Эксмо, Яуза, 2004. 416 с.

12. Кожевников Е.В., Гуревич Д.Я. Отечественное коневодство: история современность, проблемы. М.: Агропромиздат, 1990. 221 с.

13. Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь / Г.Ф. Кривошеев, В.М. Андроников, П.Д. Буриков и др. М.: Вече, 2010. 624 с.

14. Оськин М.В. Крах конного блицкрига. Кавалерия в Первой мировой войне. М.: Яуза, Эксмо, 2009. 448с.

15. Пыхалов И. В. Великая Оболганная война. М.: Яуза, Эксмо, 2005. 480 с.

16. Хисамутдинова Р.Р. Сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Малоизвестные страницы. Оренбург: Изд-во Оренб. гос. пед. ун-та, 2002. 300 с.

УДК 61(470.54-25)

ББК Рг (235.55)6 ГСНТИ 03.23.25

Код ВАК 07.00.02

С.А. Бердникова

Екатеринбург

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА 1930-Х ГГ. В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Сталинизм, историография, образование, культура, образ нового человека

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются различные точки зрения зарубежных историков на культурный и образовательный аспекты сталинского периода. Дан сравнительный анализ точек зрения разных авторов на сталинскую политику в образовании. Автор анализирует публикации зарубежных историков, вышедшие в серии «История сталинизма» издательства РОССПЭН.

S.A. Berdnikova
Yekaterinburg

THE FORMATION OF THE NEW SOVIET CITIZEN OF THE 1930S IN MODERN HISTORIOGRAPHY

KEY WORDS: Stalinism, historiography, education, culture, new people

ABSTRACT. The article analyzes different points of view of foreign historians on the cultural and educational aspects of the Stalin period. A comparative analysis of the viewpoints of different authors on the Stalinist policy in education. The author analyzes the publications of foreign historians, published in the series "History of Stalinism" of the publishing house ROSSPEN.

Советская история 1930-х-50-х годов вызывает большой интерес отечественных и зарубежных исследователей, в первую очередь в связи с тем, что многие аспекты данного периода долгое время не могли быть подвергнуты тщательному изучению, так как до 1990-х годов архивы, содержащие важные документы сталинской эпохи, были закрыты.

В связи с открытием архивов по советскому периоду у исследователей появилась возможность для более тщательного анализа источников, касающихся процессов сталинского периода. Именно в связи с этим в историографии сталинизма появилось большое количество новых исследований, что определило особенность постсоветской историографии темы.

Одним из известных на сегодняшний день проектов, в исследованиях сталинизма является серия книг, подготовленная издательством РОССПЭН и фондом Первого Президента России Б.Н. Ельцина, в которую входят исследования отечественных и зарубежных историков, касающиеся разных аспектов сталинского периода: экономического, социального, культурного, политического, демографического и других.

В данной статье остановимся на анализе исторических работ, касающиеся формирования «нового человека» сталинской эпохи, роли образования в этом процессе.

Хотелось бы обратить внимание на характеристику понятия культуры советского человека, которая дана в монографии американского профессора Шейлы Фицпатрик. В своей

монографии она говорит о том, советские лидеры определяли понятие культуры как комплекс привычек поведения, отношения к окружающему миру и знаний, которые есть у «культурных» людей и отсутствуют у «отсталых». Позитивная ценность культуры, как и ее природа, представлялись самоочевидными (1. С. 99). «На практике же, - замечает Ш. Фицпатрик,- можно выделить несколько уровней культуры, которые предстояло освоить людям в СССР. На первом уровне находилась культура личной гигиены – привычка мыться с мылом, чистить зубы и не плевать на пол и элементарная грамотность все еще отсутствующая у большей части населения Советского Союза. Второй уровень культуры, требовавший знания таких вещей, как правила поведения за столом, в общественных местах, обращении с женщиной и основы коммунистической идеологии считался обязательным для каждого городского жителя. Третий, содержавший элементы явления, получившего когда-то название «буржуазной» или «мещанской» культуры представлял собой культуру этикета: хорошие манеры, правильная речь, опрятная, соответствующая случаю одежда, некоторая способность разбираться в таких высококультурных предметах как литература, музыка, балет. Предполагалось, что таков должен быть уровень культуры правящего класса, представителей новой советской элиты (1. С. 99). Однако Ш. Фицпатрик отмечает, что приобщение советских людей к культуре часто вызывало сопротивление, так «дети, приезжавшие с Крайнего Севера, бойкотировали некоторые продукты и отказывались решать математические задачи, а их родители обвиняли советскую власть в том, что, навязывая всеобщее образование, она отвергает у них этнические ценности» (1). Безусловно, нельзя не согласиться с мнением Ш. Фицпатрик. В советской историографической традиции это относилось и определялось как «бытовая культура», или «культура быта». Кроме того, необходимо понимать, что модернизация традиционной культуры проходила медленно.

Статья К. Кур–Королева, посвященная культурному аспекту становления «нового человека», характеризует идеологию партии в отношении молодого поколения. Вот как он характеризует данное явление: «Именно на молодежь возлагались особые надежды в послереволюционный период. Исходили из того, что «старый мир» в меньшей степени, чем на старшее поколение, оказал свое негативное влияние и содействовал формированию молодежи, что

давало возможность повлиять на процесс ее трансформации в «новое общество». Поэтому идеальный образ молодого советского человека во многих аспектах совпадает с образом нового человека» (2. С. 372). Автор считает, что в формировании нового общества основная роль отводилась молодежи: «В «солнечном сиянии» сталинизма молодежь снова представала как авангард авангарда. Более того, сама молодость была осмыслена как принципиально иное, отличное от пожилого, состояние тела и духа. Быть молодым значило творить вместе, в коллективе, во имя общих великих целей». Однако, по мнению К. Кур-Королева, партийное руководство СССР использовало мечту о новом человеке для того, чтобы создать продуктивного стандартного советского человека. Он выделяет два периода, в каждом из которых по-разному решалась эта задача. Вот как он характеризует ситуацию: «... В 1920-е гг. зачастую исходили из ориентированного на просвещение представления о человеке. ... Каждый взятый в отдельности гражданин должен был понять, как он должен вести себя во имя достижения высшей цели, во имя создания нового общества. В этот период особые надежды возлагались на то, чтобы каждый в силу необходимости совершенствовал себя сам, регулировал собственное поведение, постепенно изменяясь в лучшую сторону. В 1930-е гг. на словах продолжали придерживаться убеждения, согласно которому человек должен сотворить себя сам. Однако в 1930-е, система государственного воспитания, очевидно, руководствовалась установкой на принуждение извне. Речь шла уже не о свободном волеизъявлении отдельной личности, о том, воспримет ли она ожидаемые от нее формы поведения и ценностные представления, будет ли следовать им или нет. Личность отныне снова находилась в отношениях подчиненности и могла выбирать лишь, каким образом и в какой мере она должна стремиться соответствовать навязываемым ей нормам» (2. С. 377).

Другой немецкий историк Катарина Кухер обращает внимание на не менее важный аспект жизни советского «нового человека» - на культуру досуга: «Культура досуга, как и большинство направлений культуры после 1917 г., и в конце 1920-х гг. все еще находилась на стадии обсуждения и неопределенности. Претензии на обеспечение наиболее эффективной программы по созданию нового советского человека временами приводили к гротескным ситуациям. Культура досуга не была антимиром, а лишь местом

компенсаторного развлечения. В сталинское время это было, скорее, частью политической системы и системы власти. Отчуждение и выставление на показ людей, не отвечающих государственному стандарту идеального гражданина, было характерной чертой сталинской системы». Для доказательства своей точки зрения она приводит различные факты притеснений через культурную программу известного тогда нового парка отдыха. Цены, по мнению К. Кухер, были настолько высокими, что аттракционы были доступны только представителям высшей элиты. Стахановцам предоставлялись привилегии, а простым рабочим нет. В конце своей статьи она приходит к выводу о том, что: «В Советском Союзе официальные места отдыха и формы подхода властей к их посетителям менялись вместе с политическим развитием. Первоначальные концептуальные и педагогические притязания, направленные на «культурность», уступили дорогу представлению власти и успеха, воплощенному во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Как следствие, области культуры досуга и передачи знаний (в самом широком смысле) все сильнее отдалялись друг от друга. Одержимость государства в контроле и структурировании официальной сферы досуга стала менее заметной. Было признано, что люди могут использовать свое свободное время, а также места проведения досуга для такого отдыха, который они сами предпочитают, и для того, чтобы отвлечься от изнурительной повседневной жизни. Воспитательная миссия культуры досуга оказалась не очень успешной, так как сигнал «культурности» так и не достиг большинства адресатов» (3. С. 327).

Йорг Баберовски в своей монографии также говорит о формировании «нового человека» сталинской эпохи, его точка зрения схожа с точкой зрения предыдущего автора. Вот как он характеризует это явление: «Сад человечества при социализме должен был состоять из европейцев современного типа, новых людей, освободившихся от духовного и культурного уклада, унаследованного ими из прошлого. Эти люди отмечали бы большевистские праздники, носили соответствующую одежду и говорили на языке большевиков. Небесный рай на земле был задуман только для людей одного типа, говорящих на одном языке. Русские коммунисты были искушенными учениками разума и просвещения: то, что упустила природа, должно быть восполнено

человеческими руками. А всему, что не отвечало требованиям разума, как полагали большевики, следовало исчезнуть с лица земли» (4. С. 12). Главным средством формирования «нового человека», по мнению Й. Баберовски, у большевиков был террор. С подобным выводом трудно согласиться, поскольку с помощью террора вряд ли возможно формировать новую культуру.

Вызывает интерес монография Е. Томаса Юинга, которая посвящена учителям эпохи сталинизма. В ней он описывает повседневную жизнь учителей начальной и средней школы, основываясь на архивных материалах, письмах, воспоминаниях. По его мнению, главной целью школы сталинского периода было воспитание «нового советского человека»: «Этой цели служила и школа: ее обустроивали, введение строгой дисциплины способствовало наведению порядка и росту авторитета педагогов, а местные власти тесно взаимодействовали с родителями учеников» (5. С. 10). Сталинизм, по мнению Юинга, определял в 1930-е гг. и подтекст, и контекст учительского бытия, однако в своей работе он пытается доказать, что «хотя профессия педагога в стране советов претерпела в эпоху Сталина сильные изменения, сами учителя противостояли сталинизму как в школах, так и в обыденной жизни» (5. С. 12). Вот как характеризует Томас Юинг саму ситуацию в образовании в 30-е годы: «В эпоху сталинизма претерпело изменение и образование. Число учащихся в начальной и средней школе выросло с 12 млн до 21 млн человек. Такой рост объяснялся общей стратегией – для экономического развития требовались квалифицированные рабочие, образование давало возможность подняться на ступеньку-другую по социальной лестнице, а разбухавшие день ото дня властные структуры получали пополнение. Учителей требовалось все больше, курс на всеобщее обучение изменил их статус и характер работы. Их число в начальной и средней школе увеличилось с 400 тыс. в 1928 г. до более чем миллиона в 1938. Они составляли только один процент населения, но представляли десять процентов «интеллигенции» - писателей, ученых, врачей, управленцев, инженеров и чиновников партийно-государственного аппарата. Примерно три четверти учителей работали в сельской местности, где другой интеллигенции почти не было. Приоритетами школы стали высокий уровень преподавания, дисциплина и стабильность во всем» (5. С. 15). Однако, как указывает Томас Юинг, всеобщее

обучение вызывало сопротивление со стороны населения. Это выражалось в разных формах, в некоторых деревнях родители считали, что школа - это «засилие бесов» и их дети умрут, если будут посещать учебные заведения. На Крайнем Севере сопротивление образованию было связано с тем, что родители считали, что в их регионе детям грамота не нужна, так как получив образование их дети могут забросить охоту и свои дома. В центральной России, многие считали, что грамотность приведет к отсутствию работников на предприятиях. В целом, как замечает Томас Юинг, «борьба со школой была частью противодействия государственной власти» (5. С. 71). На наш взгляд, такая трактовка не совсем верна, скорее сопротивление было вызвано тем, что введение всеобщего начального обучения разрушало традиционный уклад жизни, дети отрывались от выполнения работ в домашнем хозяйстве. Проблемой реализации компании по всеобщему обучению, как указано в исследовании Т. Юинга, была еще и нехватка педагогических кадров: «Сильнее всего укреплению средней школы препятствовал дефицит кадров. Их не хватало для новых учеников, и работающие учителя нуждались в усиленной и даже специальной подготовке» (5. С. 78).

В конце своей монографии автор приходит к выводу о том, что значение учителя и образования для молодой советской власти было достаточно велико: «Во-первых, Советский Союз значительно отличался от дореволюционной России или современного ему капиталистического мира и во многом превосходил. Во-вторых, учителя играли важную роль в преобразованиях советского общества, которые вели к прогрессу. И, наконец, быть учителем означало не только заниматься определенным занятием и иметь статус в обществе, но подразумевало искреннюю преданность своей профессии, трудолюбие и творческий подход к преподаванию. В этом свете понимание учителями эпохи сталинизма своего предназначения незримыми нитями было связано с прошлым и будущим, через школу и учащихся влияло на общество и культуру, глубоко проникало в характер и даже душу каждого отдельного педагога» (5. С. 257). С этим выводом нельзя не согласиться, тем более, что он был сделан советской историографией и являлся основным её концептом.

Ш. Фицпатрик также обращала внимание на роль учителей в

советском обществе 1930-х годов. Она заметила, что учителя были единственными, кто пытался бороться с невежеством и злоупотреблениями чиновников на местах (1. С. 48), что харизматичная личность учителя играла немалую роль в перевоспитании советской молодежи (1. С. 96).

Немецкий историк Й. Баберовски подтвердил точку зрения о том, что в советской школе, особенно в сельской, не хватало кадров для обучения детей, в то же время он голословно утверждал, что многие учителя были не на много умнее своих учеников (4. С. 60). Однако, по его мнению, несмотря на распространение всеобщего образования, крестьяне с трудом усваивали гегемониальную культуру большевиков (4. С. 61). Вот как он характеризует политику большевиков в сфере образования: «Большевики принадлежали к своего рода секте грамотеев, чьи экспансионистские утопии разбивались о стену отчуждения, отделявшую от масс часть советской элиты. Безграмотность населения и существующий культурный дуализм обусловили ту языковую беспомощность большевистской идеологии, которая в конечном счете побудила большевиков прибегнуть к языку террора» (4. С. 62).

Краткий обзор исторической литературы показывает самые различные мнения о политике и её реализации по формированию нового советского человека в первые годы Советской власти. Историки выделили основные сферы для решения поставленной задачи: образовательную и культурно-досуговую. Оценка этих культурных преобразований в СССР очень различна. Остановливаясь на трудностях, а они присущи любым начинаниям, они, за исключением Ш. Фицпатрик, дают им иронически негативный характер. Эта оценка никак не согласуется с последующими историческими событиями: победой СССР в Великой Отечественной войне, созданием ядерного щита и освоением космоса, формированием одной из лучших в мире системы всеобщего и бесплатного среднего образования.

Литература:

1. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2008. 336 с.

2. Кур-Королев К. Новый человек, или социальная инженерия при сталинизме: Некролог по мечтам о новом человеке // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной

научной конференции. М., 2011. С. 372 – 377.

3. Кухер К. Овладение досугом: отдых как составная часть сталинизма // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. М., 2011. С. 378 – 386.

4. Баберовски Й. Красный террор. М., 2011. 278 с.

5. Юинг Е.Т. Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы 1930 -х годов. М., 2011. 359 с.

УДК 94 (47) : 930.85

ББК 4402(235.55)61

ГСНТИ 03.01.45

Код ВАК 13.00.02

А.А. Богданова

Стерлитамак

О НЕКОТОРЫХ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОДХОДАХ К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: история, российская цивилизация, концептуальные подходы

АННОТАЦИЯ. В статье освещаются концептуальные направления в современном руссиеведении, определяющие роль и место России в общецивилизационном контексте развития. Разнообразные методологические подходы способствуют осознанному изучению истории России, воспитанию у молодежи гражданственности и патриотизма.

A. A. Bogdanova

Sterlitamak

ON SOME CONCEPTUAL APPROACHES TO THE STUDY OF THE HISTORY OF THE RUSSIAN CIVILLIZATION

KEY WORDS: History, Russian civilization, conceptual approaches

ABSTRACT. The article studies the conceptual approaches in modern Russian studies determining the role and place of Russia in the context of civilizational development. A variety of methodological approaches contribute to the conscious study of the Russia history, to the education of youth citizenship and patriotism.

Современный этап развития общественных отношений предполагает признание ценности человека как личности, его самоопределение, творческое самовыражение, его развитие. С этой позиции систему образования следует рассматривать как последовательную ориентацию на личность обучаемого, формирование его индивидуальности, творческих возможностей, с одной стороны, и создание соответствующей интеллектуальной и эмоциональной обстановки, атмосферы психологической поддержки, при которой осуществляется процесс самоопределения, самовыражения, саморазвития, с другой стороны.

Не вызывает сомнений, что в этом сложном многогранном процессе определяющая роль должна принадлежать продуманному социально-гуманитарному образованию. Социально-гуманитарные науки во все времена играли в жизни человека и общества менталитетобразующую, мировоззренческую роль, вырабатывали у молодого поколения гражданственность, необходимые моральные ориентиры, умение объективно оценивать современные общественные явления.

Менталитет является совокупностью символов, формирующихся в данной культурно-исторической эпохе и закрепляющихся в сознании людей. Эти символы и смыслы, мироощущение и мировосприятие людей данного общества, их верования, идеалы, значимые для них ценности в каждую эпоху взаимосвязаны, образуют некоторую целостность. При этом ментальность отражается, прежде всего, в культуре, языке, психологии. Таким образом, ментальность как квинтэссенция культуры, выступает в качестве необходимой составляющей, фундамента духовного единения, общения и одновременного бытия людей прошлого, настоящего и будущего.

Именно культура кумулирует весь исторический путь, пройденный человечеством, является своеобразным паролем входа в другие измерения. При этом национальная культура вступает в диалог с другими национальными культурами, выявляя такие пласты, на которых в родной культуре внимания не обращалось. М.М. Бахтин по этому поводу замечал: «Мы ставим чужой культуре новые вопросы, которые она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами ... новые смысловые глубины» (1. С. 335).

Выше мы говорили, что культура человека формирует его ментальность, которая связана с национальными представлениями в мифологии, фольклоре, обычаях, формах религиозного культа, в философии, литературе, искусстве, общественно-политическом и правовом развитии нации. Поэтому вполне обоснованным является доминирующее освещение в дисциплинах социально-гуманитарного блока проблем отечественной истории и культуры. При этом важно учитывать взаимосвязь исторического и культурологического подходов к изучению общественных явлений. Ведь особенности нашей страны, географически и исторически, расположенной на стыке Европы и Азии, и определяют национально-культурную самобытность России.

Определение закономерностей мирового исторического процесса, выявление своеобразия различных культурно-исторических типов в формировании единой человеческой цивилизации ставят нас перед необходимостью осмысления отечественной истории, места России в общецивилизационном контексте. В современной научной и публицистической литературе представлено множество мнений по поводу роли и места нашей страны в общецивилизационном процессе. Остановимся на основных концепциях, определяющих роль и место России в цивилизационном контексте развития.

Одними из первых эту проблему подняли в середине XIX века западники и славянофилы. С точки зрения западников, Россия со времен Владимира Святого развивается как христианская, европейская цивилизация, поддерживающая достоинство человека и частную жизнь. Особую роль в «вестернизации» страны сыграл XVIII век. От Петра I идет движение за освобождение личности и за создание государства и общества, обеспечивающих эту свободу. При этом Россия, хронически отстающая от стран Запада, периодически предпринимает попытки сократить это отставание. Как видим, Запад выступает определенным цивилизационным индикатором, именно по нему «сверяет свои часы» Россия.

В свою очередь славянофилы утверждали, что в основе России лежат мир и согласие, так как государство на Руси явилось результатом мирного призвания правителей. Передав государству власть, народ полностью отказался от политических прав, сохранив духовную свободу и это ярче всего отразилось в деятельности Земских Соборов. Но уже Смутное время, а затем и церковный

раскол подорвали гармонию русской жизни. Петровские реформы были восприняты лишь высшим сословием, народ же сохранил верность своим началам и не принял западных новшеств, далеких от реальной жизни. Государство, вмешиваясь во внутреннюю жизнь народа, довело его до положения рабов. Для того, чтобы вернуть нормальное положение вещей, высшему сословию надлежит восстановить духовную связь с народом. Таким образом, славянофилы мечтали об идеальной допетровской Руси, западникам грезился идеальный Запад. И те, и другие любили Родину, но, по меткому замечанию Н.Бердяева, «для одних Россия была, прежде всего мать, для других – дитя» (2. С. 26).

В начале XX века формируется новое течение в руссиеведении – евразийство. Согласно евразийской доктрине, Россия – не этнос, не государство в обычном смысле слова, а целый континент – Евразия. Этот материк, как находили его евразийцы, – особый исторический и этнографический мир, и его обособленность, специфичность являются решающими факторами во всех областях жизни. Русские люди не европейцы, не азиаты, а евразийцы. Русская национальность не может быть сведена к славянскому этносу, в её образовании немалую роль сыграли тюркские племена. Россия даже в условиях существования различных конфессий характеризуется такими чертами, как суперэтничность, межкультурный обмен, наднациональный характер государства. Запад исчерпал себя, роль политического лидера должна перейти России-Евразии.

Ряд исследователей отечественной истории движущей силой развития России считают внутренний конфликт или раскол. Наиболее красноречиво эту идею выразил В.О. Ключевский, рассматривавший исторический путь России как столкновение «почвы» и «цивилизации». Определяя противоречивость российской сущности, Н. Бердяев говорил о расколе как о «характерном для русской жизни явлении» (2. С. 11). Расколотость российской цивилизации, наличие в ней двух противоречивых начал прослеживается на протяжении большей части её истории, начиная с Киевской Руси. Важнейшим проявлением раскола выступает стремление отвечать на активизацию власти активизацией общества, причем ответная реакция может значительно превышать первоначальный импульс. Превращение многих реформ в контрреформы красноречиво свидетельствует о

неустойчивости и противоречивости российской цивилизации. Смешение, переплетение и наложение не только противоречивых, но и взаимоисключающих ориентаций пронизывало всю культурную жизнь России, раздирая её не только по сословиям и классам, но и субкультурам по крайним ориентациям – между нигилизмом и апокалипсисом, западниками и славянофилами, «консерваторами» и «революционерами», «красными» и «белыми», «демократами» и «патриотами» и т.д.

Цивилизационный подход к определению места России в общемировом контексте развития обуславливает наличие еще одной концепции в россиеведении: Россия – «сегментарное общество» (З. С. 108), не является самостоятельной цивилизацией и не относится ни к одному из типов цивилизаций в чистом виде. Россия представляет собой цивилизационно неоднородное общество. Это особый исторически сложившийся конгломерат народов, относящихся к разным типам развития, объединенных мощным централизованным государством с великорусским ядром. Россия геополитически расположена между двумя мощными центрами цивилизационного влияния – Западом и Востоком, включает в свой состав народы, развивающиеся как по-западному, так и по восточному вариантам. В условиях цивилизационно неоднородного общества важную роль играет межцивилизационный диалог посредством языка-транслятора или языка межнационального общения. Русский язык и культура превращаются в транслятор на территории огромного многонационального сообщества, входящего в состав России. Произведения культуры, достижения разных народов через русскую культуру становились достоянием всей страны, а затем и транслировались на весь мир.

Ряд исследователей определяют историю русского общества как движение многомерное, противоречивое, обладающее множеством альтернатив развития. При этом движение истории идет по принципу «вызов – ответ» общества, возглавляемых «творческой элитой» (А. Тойнби), стремящейся к духовному обновлению. Рассмотрение альтернатив в развитии России означает попытку нового цивилизационного осмысления русского исторического пути, так называемой «теневого» русской истории, которая на всех этапах сопутствовала её состоявшейся линии. В X в. выбор веры как духовной основы общества,

особенностей его политики и экономики выступил как выбор цивилизационной альтернативы Руси, что нашло отражение и в летописи. В XIII в. вызов Востока в лице нашествия монголо-татар и вызов Запада в качестве крестового похода европейских рыцарей на Русь вновь поставили страну перед цивилизационным выбором. В период образования единого государства альтернативой авторитарной государственной власти могло стать республиканское устройство по примеру Новгорода. В XVI-XX в. Россия не единожды имела возможность выбора конституционного пути развития.

И, наконец, среди подходов по определению места России в общемировом цивилизационном контексте существует и концепция, согласно которой Россия является пограничной цивилизацией. По мнению Г.Я. Шемякина (4) к пограничным цивилизациям относятся Россия и страны Латинской Америки. Отличительными особенностями данных цивилизаций являются: преобладание многообразия над единством, особая значимость природного фактора, особая роль пространства, которое доминирует над временем, постоянное пребывание в «пограничье» между варварством и цивилизацией.

Таким образом, роль российской истории в общецивилизационном контексте неоднозначна. Знакомство с различными концепциями россиеведения поможет студентам сформировать собственную гражданскую позицию.

Литература:

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 445 с.
2. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
3. Семенникова Л.И. Цивилизационные парадигмы в истории России // Общественные науки и современность. 1996. № 5. С.107-119.
4. Шемякин Г.Я. Отличительные особенности «пограничных» цивилизаций // Общественные науки и современность. 2000. № 3. С. 96-114.

УДК 94(47).084.9

ББК ТЗ(2)р

ГСНТИ 03.23.55

код ВАК 07.00.02

С.В. Воробьев

Екатеринбург

**РЕГИОНАЛЬНАЯ ПАРТИЙНАЯ НОМЕНКЛАТУРА:
ОТ СТАБИЛЬНОСТИ К СТАГНАЦИИ (1965 – 1980 ГГ.)
(НА ПРИМЕРЕ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ)**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: партийные секретари, номенклатура, горком, райком, кадровая мобильность, стабильность, стагнация.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются карьерные пути партийных секретарей различных уровней региональной власти в период брежневского правления. На основании анализа материалов партийной статистики демонстрируется неоспоримость тезиса о кадровой стабилизации советской номенклатуры, которая к концу правления Л.И. Брежнева привела к стагнации партийных кадров не только на высшем уровне, но и на региональном.

S. V. Vorobjev

Yekaterinburg

**REGIONAL PARTY NOMENCLATURE:
FROM STABILITY TO STAGNATION (1965 – 1980 GG.) (ON
THE EXAMPLE OF CHELYABINSK REGION)**

KEY WORDS: party secretaries, the nomenclature, the city Committee, district Committee, staff mobility, stability, stagnation

ABSTRACT. The paper discusses the career path of party secretaries at various levels of regional government in the period of Brezhnev's rule. Based on the analysis of materials of party statistics demonstrating the correctness of the thesis about staffing stabilization of the Soviet nomenclature, which by the end of the reign of Leonid Brezhnev led to the stagnation of party cadres, not only at the highest level, but also at regional.

Характер функционирования советского политического режима в период брежневского правления в определенной степени был обусловлен социальными характеристиками номенклатурного слоя, в том числе и регионального уровня.

Существенную часть советской партийной номенклатуры составляла региональная номенклатура. Она играла важную роль в советской политической системе. В то время как центральное руководство Советского Союза занималось выработкой стратегических решений, общегосударственных планов развития экономики и направлений социальной политики, региональные партийно-государственные органы должны были претворять эти директивы в жизнь, реализовывать их в практических действиях и результатах на местном уровне. Таким образом, в рамках советской вертикали власти «региональная номенклатура была теми «руками» власти, с помощью которых власть могла превращать свои политические директивы в реальные действия» (4. С. 4).

В политологических терминах партийно-государственную номенклатуру можно определить как «элиты» советского общества. По определению О. Крыштановской, элита – это правящая группа общества, являющаяся верхней стратой политического класса (1. С. 73.). На региональном уровне ключевыми властными группами в структуре областного партийного аппарата, помимо секретарей обкома, являлись первые, вторые секретари, а также секретари горкомов, городских и сельских райкомов КПСС. Эти руководители обладали реальными властными полномочиями, принимали обязывающие решения на своем уровне в масштабах области, в связи с чем они составляли основную часть региональной номенклатуры («элиты»).

Правящая партийная верхушка Челябинской области в 1965 г. включала 135 чел., в 1970 г. 143 чел., а в 1975 и 1980 гг. по 153 человека.

Существенной характеристикой кадровой политики в отношении партийной номенклатуры является сменяемость ее членов, то есть интенсивность обновления ее кадрового состава в целом, перемещения и ротации внутри и между структурными группами.

В партийной статистике показатель «сменяемость работников» – это по сути комплексный амбивалентный показатель, показывающий, с одной стороны, степень стабильности кадрового состава партийно-государственной номенклатуры, а с другой – характеризующий содержание кадровой политики и степень ее активности. Данный показатель является многокомпонентным и включает в себя ряд позиций важных для характеристики причин

карьерных перемещений региональной партийной номенклатуры, в том числе такие как: «выдвинуто на большую работу», «направлено на аналогичную по должности работу» «направлено на укрепление отстающих участков работы», «направлено на учебу», «освобождено как не справившихся с работой», «освобождено как скомпрометировавших себя», освобождено по семейным обстоятельствам, в связи с болезнью или переходом на пенсию». В совокупности они позволяют проследить дальнейшую карьерную судьбу партийного руководителя, оставившего тот или иной пост.

Например, позиция «выдвинуто на большую работу» позволяет оценить перспективность той или иной партийной должности в карьерном плане (восходящая вертикальная мобильность); то, какая из групп (группы) руководящих работников в большей степени являлась кадровым резервом партийной номенклатуры (служили «карьерным лифтом», стартовой карьерной площадкой). При этом под карьерным ростом понимается не только выдвижение на вышестоящую должность по партийной линии, но и в государственные органы власти.

Позиция «направлено на аналогичную по должности работу» отражает горизонтальную мобильность номенклатурных кадров, территориальное перемещение партийных руководителей (в другой город, район, область). Хотя такое перемещение могло восприниматься партийными функционерами по-разному: нейтрально (как явление текущей кадровой политики), позитивно – как фактическое повышение (при переводе в более «престижное», статусное место), негативно – как понижение в статусе (перевод в слабый, проблемный или незначимый район, город и т.п.).

С приходом к политическому руководству в стране Л.И. Брежнева предпринимаются попытки реформирования существовавшей командно-административной системы за счет преобразований в экономической сфере. В условиях руководящей роли КПСС в советской политической системе это способствует привлечению в партийный аппарат, особенно на местах, энергичных, активных людей, что соответственно привело на первом этапе к определенному омоложению руководящего состава региональной партийной номенклатуры.

В последующие периоды под влиянием внешних и внутренних факторов ситуация начинает заметно меняться и становится

отражением брежневского курса на стабилизацию номенклатурных кадров в противоположность хрущевской концепции регулярного обновления партийно-государственной номенклатуры. Происходит постепенный отказ от курса реформ и усиливается «охранительная» тенденция начинается кадровая политика, направленная на стабилизацию кадров (3. С. 91–92). В результате такой политики «бережного отношения к старым кадрам» со стороны центрального руководства в 1970–1980-е гг. наблюдается стабилизация кадрового состава областной партийной номенклатуры. Эту позицию высшего советского руководства в отношении кадровой политики генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев официально озвучил в 1976 г. на XXV съезде КПСС: «В партии прочно утвердилось бережное, заботливое отношение к кадрам. Покончено с неоправданными перестановками и частой сменяемостью работников, *о чем ставился вопрос еще на XXIII съезде* (выделено автором – С.В.). Перемещение кадров производится тогда, когда это высказывается интересами дела, необходимостью укрепления тех или иных участков работы» (2. С. 70).

В какой степени эволюция кадровой политики высшего руководства СССР в годы нахождения у руля партии и государства Л.И. Брежнева нашла свое отражение на региональном уровне?

Для первых лиц городских комитетов партии Челябинской области на протяжении всего брежневского правления была характерна незначительная сменяемость кадрового состава. В 1965 г. из 22 первых секретарей горкомов покинули свою должность 5 человек (22,7%). В последующем этот показатель был еще ниже: в 1970 г. 18,2%, 1975 г. – 9,1%, 1980 г. – 19%.

В 1965 г. из пяти сменившихся партийных руководителей этого уровня один был выдвинут на большую работу, один направлен на учебу, еще один покинул должность в связи с невозможностью исполнять обязанности по естественным причинам (семейные обстоятельства, болезнь, выход на пенсию). Остальные два первых секретаря горкома (40%) были освобождены от должности с формулировкой «по другим причинам».

В 1970 и 1975 гг. смена должностного статуса у первых секретарей горкомов была связана с восходящее вертикальной мобильностью – все они ушли на повышение. В 1980 г. на вышестоящую должность перешел 1 из 4 сменившихся секретарей

горкома, один был направлен на учебу, а 2 человека (50%) были освобождены с должности с формулировкой «по другим причинам». Следует отметить, что никто из первых секретарей горкомов области в рассматриваемые периоды не был снят с должности с формулировкой «как не справившийся с работой» или «как скомпрометировавший себя».

Анализ сменяемости у первых секретарей городских райкомов партии свидетельствует о том, что для данной категории партийных функционеров была характерна кадровая стабильность. Больше всего первых секретарей горрайкомов сменилось в 1965 г. – 2 человека из 7 (28,6%). В дальнейшем этот показатель имел тенденцию к снижению: в 1970 г. сменился 1 человек из 8 (12,5%), а в 1975 и 1980 гг. – по 1 человеку из 11 (9,1%).

В 1965 г. из двух сменившихся первых секретарей горрайкома один ушел на повышение, а для другого эта должность оказалась карьерным потолком – он завершил карьеру руководящего партийного работника. В 1970 г. единственный сменившийся первый секретарь был выдвинут на большую работу. В 1975 г. покинувший пост первого секретаря районного партийного органа функционер был направлен на укрепление отстающих участков работы. Скорее всего, переход на новое место работы с такой формулировкой можно расценивать как карьерное понижение. В 1980 г. оставивший должность первого секретаря горрайкома руководитель был направлен на повышение квалификации в партийную школу.

Для первых секретарей сельских райкомов, как и для их коллег из горкомов и городских райкомов Челябинской области на протяжении всего периода была характерна высокая стабильность кадрового состава и соответственно незначительная сменяемость руководителей. В 1965 и 1980 гг. сменилось только по одному из 18 секретарей (5,5%), а в 1970 и 1975 гг. – по 3 из 18 секретарей сельских райкомов (16,7%). В 1965 г. смена партийного руководителя была связана с назначением последнего на более высокую должностную позицию, причем он занимал должность первого секретаря менее года. В 1970 г. перемещения первых секретарей сельских райкомов на новые должности носили характер горизонтальной мобильности: двое из них были направлены на «укрепление отстающих участков работы», а еще один на «аналогичную по должности работу». В 1975 г. для двух

руководителей этого уровня смена должности была связана с восходящей карьерой (переход на более высокую должность), а для одного – с нисходящей карьерой, так как он был освобожден от должности как скомпрометировавший себя. И, наконец, в 1980 г. единственный сменившийся первый секретарь сельского райкома пошел на повышение, но не по партийной линии.

Корпус вторых секретарей горкомов в течение рассматриваемого периода оставался в значительной степени стабильным. В 1965 г. состава партийных руководителей этого уровня обновился на 18,2% от общей численности (4 человека из 22), в 1970 г. сменилось 6 человек (27,3), 1975 г. – 4 человека (18,2%). Заметное отклонение от этой тенденции наблюдается только в 1980 г. когда состав вторых секретарей горкомов поменялся наполовину. Для большинства вторых секретарей горкомов смена должности была связана с восходящей карьерой. В 1965 г. «на большую работу» было выдвинуто 3 человека (75%) из числа сменившихся партийных руководителей, в 1970 г. таких было 2/3 (66,7%), 1975 г. – 75%. В 1980 г. на повышение опять ушло около 2/3 (63,6%) оставивших свои посты вторых секретарей горкомов, причем двое из них заняли должности первых секретарей горкомов или райкомов². Еще два вторых секретаря горкомов партии в 1980 г. оставили свои должности в связи с их направлением на учебу (33,3% от общего числа смененных).

Остальные перемещения вторых секретарей горкомов были связаны с нисходящей партийной карьерой. С формулировкой «по другим причинам» от занимаемой должности в 1965 и 1975 гг. было освобождено по одному руководителю (25% от общего числа смененных), а в 1980 г. – трое из 11 человек (27,3%). В связи с естественными причинами (пенсионный возраст, болезнь, смерть) в 1980 г. из состава партийной номенклатуры выбыл один секретарь горкома.

Наиболее высокими показателями кадровой мобильности среди всех категорий руководителей партийных структур области выделяются вторые секретари городских райкомов. Эти показатели значительных кадровых перемещений относятся к 1965 г., когда

² Скорее всего, они заняли должности первых секретарей горкомов, так как в 1980 г. появилось 4 таких вакантных места.

сменилось 4 из 6 вторых секретарей (66,7%), и к 1970 г., когда сменилось 6 из 8 руководителей (75%). Затем в связи с кадровой стабилизацией состава сменяемость вторых секретарей горрайкомов существенно снижается: в 1975 г. из 11 руководителей сменилось 2 (18,2%), в 1980 г. из 11 сменилось 4 человека (36,4%).

В 1965 и 1970 гг. для половины вторых секретарей горрайкомов уход с должности был связан с переходом на более высокую кадровую позицию. Один партийный руководитель этого ранга в 1965 г. был направлен на учебу и еще один освобожден от должности с формулировкой «по другим причинам». С такой же формулировкой в 1970 г. оставили свои должности 2 вторых секретаря (1/3 всех сменившихся), а один руководитель был направлен «на укрепление отстающих участков». В 1975 г. оба сменившихся вторых секретарей горрайкомов были выдвинуты на более высокие должностные позиции, а в 1980 г. из 4 сменившихся партийных руководителей трое повысили свой статус, а один второй секретарь был направлен на укрепление отстающих участков.

Корпус секретарей региональных партийных комитетов (третьих лиц в партийной иерархии) различного уровня в 1965 г. не испытал серьезных кадровых потрясений – сменилось всего 7 из 40 руководителей (17,5% общего числа секретарей). Однако только для одного из них уход с должности был связан с карьерным ростом. Для остальных расставание с должностью означало нисходящее движение по карьерной лестнице: один руководитель был снят как «не справившийся с работой», один – как «скомпрометировавший себя», два секретаря покинули должность по естественной причине (семейные обстоятельства, болезнь, пенсионный возраст) и еще два оставили свою должность с формулировкой «по другим причинам».

У секретарей горкомов в 1970 и 1975 гг. наблюдалась невысокая сменяемость кадров – 23,8 % и 18,2% от общего состава соответственно. И только в 1980 г. у партийных руководителей этой категории, как и у вторых секретарей горкомов области, наблюдается значительная ротация состава – сменилось 10 из 23 руководителей (43,5%).

В 1970 г. два секретаря горкома (40% от числа сменившихся) были выдвинуты на «большую работу», один направлен на учебу. Две отставки с должности секретаря горкома произошли в связи с

естественной ротацией кадров (семейные обстоятельства, болезнь, пенсионный возраст). В 1975 г. только один из сменившихся секретарей горкома сразу пошел на повышение, еще два секретаря оставили свой партийный пост в связи с направлением на учебу, один руководитель оставил должность секретаря горкома с формулировкой «по другим причинам».

Как уже отмечалось, в 1980 г. сменилась существенная часть секретарей горкомов. Для половины из них уход с должности был связан с карьерным ростом. Причем для трех секретарей горкома это было связано с переходом на более высокую ступень в партийной иерархии – назначением на должность второго секретаря горкома или райкома. Для другой половины сменившихся секретарей горкома уход с должности был связан с горизонтальной мобильностью или нисходящей карьерой: один руководитель был направлен на укрепление отстающих участков работы, один – на аналогичную по должности работу, двое покинули должность по естественным причинам (семейные обстоятельства, болезнь, пенсионный возраст) и еще один секретарь горкома был освобожден от должности «по другим причинам».

В отличие от секретарей горкомов области у секретарей городских горкомов существенное обновление состава наблюдалось не в 1980 г., а в 1970 г., когда сменилась половина этих руководителей (4 человека из 8). При этом для всех из них изменение должностного статуса было связано с восходящей вертикальной мобильностью (т.е. карьерным ростом). В дальнейшем кадровая ротация у этой категории руководителей снижается и составляет в 1975 и 1980 гг. всего 18,2% от их общей численности (2 человека из 11). В 1975 г. один секретарь горрайкома был направлен на учебу, а второй расстался с должностью с формулировкой «по другим причинам». В 1980 г. оба секретаря горрайкомов были выдвинуты на большую работу, но не в партийных структурах.

Секретари сельских райкомов на протяжении всего исследуемого периода не испытывали всплеска кадровой сменяемости своего состава, тем самым демонстрируя неоспоримость тезиса о кадровой стабилизации советской номенклатуры в период брежневского правления. На примере секретарей сельских райкомов эта тенденция достаточно четко

прослеживается: в 1970 г. сменилось 5 из 18 человек (27,8% от общей численности), в 1975 г. – 4 из 18 человек (22,2%), 1980 г. – 11,1%.

В 1970 г. смена должностного статуса не стала для секретарей сельских райкомов явным шагом в развитии карьеры руководителя – никто из покинувших свой пост не был переведен на более высокую должностную позицию. Один секретарь сельского райкома был направлен на укрепление отстающих участков работы, один – на «аналогичную по должности работу». Еще один партийный руководитель этого ранга выбыл из состава партийной номенклатуры по причинам естественного характера.

В 1975 г. два секретаря сельских райкомов (50%) сменили работу в сторону повышения руководящего статуса, один партийный руководитель был отправлен для повышения профессионального уровня на учебу и еще один был направлен на укрепление отстающих участков работы. В 1980 г. один из сменившихся секретарей сельских райкомов пошел на повышение, получив должность второго секретаря райкома или горкома, а другой был направлен на укрепление отстающих участков работы.

Таким образом, анализ кадровой мобильности региональной партийной номенклатуры в брежневскую эпоху показывает существование зависимости между уровнем должностного статуса и степенью кадровой динамики. В рассматриваемый период наметилась общая тенденция в сторону кадровой стабилизации руководящих кадров. Она стала отражением официальной кадровой политики советского руководства, цель которой состояла в обеспечении преемственности поколений в рамках номенклатурной системы. Однако проводить сбалансированную кадровую политику, сочетающую использование опыта и знаний старых кадров со своевременным выдвижением молодых руководителей, на практике удавалось далеко не всегда. На местах ее реализация осуществлялась выборочно, непоследовательно. Кадровое обновление различных властных групп региональной партийной номенклатуры проводилась неравномерно, появлялись свои «неприкасаемые» (например, первые секретари горкомов)

Следствием этой политика стало закрепление партийных функционеров на своих должностях, что обеспечивало им надежность, предсказуемость номенклатурного будущего. Возникает комфортная ситуация, когда восходящая карьера

возможна, а опасность нисходящей сведена к минимуму. В то же время застой руководящих кадров региональной номенклатуры ведет к снижению вертикальной мобильности, «карьерные лифты» замедляют свое движение вверх. Недостаточное и несвоевременное омоложение руководящих партийных кадров вело к снижению эффективности функционирования советской политической системы, ее резистентности к воздействию внутренних и внешних факторов. Сужалась возможность принятия, новых, нестандартных, недогматических решений на «вызовы» политического, экономического и социального характера.

Литература:

1. Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2004. 384 с.
2. Материалы XXV съезда КПСС. М.: Политиздат, 1976. 255 с.
3. Мохов В.П. Региональная политическая элита России (1945–1991 гг.). Пермь: Перм. кн. изд-во, 2003. 238 с.
4. Социальные сдвиги в правящих группах региональной номенклатуры 1921–1991 гг. (на материалах Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа). Пермь: ПГТУ, 2008. 115 с.

УДК 372.893:371.671.1:94(100) «1939/45
ББК Ч426.630.6-268.2+ГЗ(0)63-62 ГСНТИ 03.09.31 Код ВАК
07.00.0.3

И.В. Грибан
Екатеринбург

**КАНУН ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА
СТРАНИЦАХ РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКОГО
УЧЕБНИКА ИСТОРИИ: «ПРИМИРЕНИЯ
ПРОШЛОГО»³**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: российско-германский учебник истории, «места памяти», происхождение Второй мировой войны, советско-германские отношения 1939–1941 гг., пакт Молотова-Риббентропа.

АННОТАЦИЯ. Весной 2015 г. сначала в Берлине, а затем в Москве состоялась презентация совместного российско-германского учебника истории. Статья посвящена сравнению подходов российских и немецких авторов книги к интерпретации одного из самых сложных и дискуссионных периодов в истории двух стран – кануна Второй мировой войны.

I.V. Griban
Yekaterinburg

**THE EVE OF THE SECOND WORLD WAR ON THE PAGES
OF RUSSIAN-GERMAN HISTORY TEXTBOOK: «THE
CONCILIATION OF THE PAST»**

KEY WORDS: Russian-German history book, sites of commemoration, the Origin of the World War II, the Russian-German relations 1939-1941, Molotov-Ribbentrop Pact.

ABSTRACT. In spring 2015, the new Russian-German history book was presented first in Berlin, then in Moscow. The article aims at comparing the approaches of the Russian and German authors of the book to interpretation of one of the most complicated and controversial periods in the history of the two countries – the threshold of the World War II.

³Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 15-01-00339.

10 марта 2015 г. в Берлине, а два месяца спустя, 20 мая 2015 г., в Москве состоялась презентация совместного российско-германского учебного пособия по истории с символическим названием «Россия – Германия: вехи совместной истории в коллективной памяти. XX век⁴». Идея создания такого учебника возникла еще в 2010 г. на форуме «Петербургский диалог», проходившем в Екатеринбурге и посвященном теме «Российское и германское общества в следующем десятилетии». Планировалось подготовить учебник к 2012 г., однако процесс работы затянулся (3. С. 260).

Необходимо отметить, что создание так называемых «бинациональных» пособий по истории в последнее время стало одним из важных направлений сотрудничества историков из разных стран: в первые десятилетия XXI в. предпринимались попытки примирить национальные версии прошлого путем написания российско-польского (2), российско-украинского (6; 9), российско-белорусского (8), франко-германского (4. С. 72–79), польско-германского⁵ совместных учебников. Тот факт, что в настоящее время успешно завершён лишь один из этих проектов (выпущен уникальный трехтомный франко-германский учебник для старших классов гимназий «Европа и мир»), свидетельствует о том, что поиск консенсуса в осмыслении и интерпретации прошлого – задача непростая, а в ряде случаев – пока недостижимая.

Подготовка российско-германского учебника велась в рамках работы российско-германской совместной комиссии историков, созданной еще в 1997 г. по инициативе канцлера ФРГ Г. Коля и президента РФ Б.Н. Ельцина. Как отмечает сопредседатель комиссии с российской стороны, директор Института всеобщей

⁴ Немецкоязычная версия называется «Deutschland – Russland. Stationen gemeinsamer Geschichte – Orte der Erinnerung» (Германия – Россия. Вехи совместной истории – места памяти).

⁵ В рамках реализации этого проекта еще в 2008 г. было выпущено пробное пособие для школ «Понять историю – сформировать будущее. Польско-немецкие отношения в 1933–1949 гг.». Однако о дальнейшей судьбе польско-германского учебника истории информации при подготовке данной статьи найти не удалось.

истории РАН в 1988–2015 гг., академик А.О. Чубарьян, это была «самая успешная интернациональная комиссия в российской практике, работавшая без перерыва 18 лет... У исследователей не было запретных тем, и они не обходили спорных вопросов, однако историки не делали из этого „особой драмы“» (7).

В результате многолетней работы комиссии к 2015 г. был подготовлен первый из трех запланированных томов пособия (опубликованный на русском и немецком языках), посвященный отношениям России и Германии, в насыщенном событиями и противоречивом XX столетии, «связанном как с конфликтными ситуациями, так и с примирением» (10). Ученые посчитали, что именно опыт осмысления советско-германских отношений в XX в. особенно актуален в современных условиях: презентация пособия состоялась, несмотря на продолжающийся украинский кризис, на фоне отказа лидеров многих стран принять участие в традиционном Параде Победы на Красной площади в Москве, вопреки международной ситуации и ухудшению отношений России с Европой в целом и ФРГ – в частности.

XX век оказался сложным для изучения и освещения историками двух стран: в пособии, посвященном советско-германским отношениям с 1917–1918 гг. до падения Берлинской стены и состоящем из 20 глав, только 14 написаны совместно российским и немецким авторами. По некоторым вопросам историкам так и не удалось выработать единого мнения, поэтому в пособии представлены сразу две точки зрения – 6 глав учебника состоят из двух статей, освещающих взгляды историков из Германии и России на одну и ту же тему. Тот факт, что в рамках одного пособия стала возможной публикация разных мнений, – безусловное достижение коллектива авторов, признание права на существование альтернативного мнения и демонстрация готовности к диалогу по спорным и болезненным вопросам прошлого.

По признанию авторов, одним из самых дискуссионных в процессе подготовки пособия был период 1939–1941 гг. – кануна и начального этапа Второй мировой войны. К спорным вехам совместной истории, ставшим своеобразным «местом памяти» в истории России и Германии, в первую очередь относится советско-германский договор о ненападении от 23 августа 1939 г., которому посвящена отдельная глава пособия. В оценках пакта Молотова-

Риббентропа, как его зачастую называют в отечественной литературе, или пакта Гитлера-Сталина (такое название закрепилось в зарубежной историографии), российским и германским историкам не удалось прийти к единому мнению, поэтому в книге представлены 2 статьи, посвященные причинам подписания этого документа, его оценкам и историческим последствиям⁶. Версия германских историков изложена профессором истории Констанцкого университета Б. Пиетров-Эннкер (12), российская интерпретация событий 1939–1941 гг. представлена статьей А.О. Чубарьяна (13).

В ряде моментов авторы солидарны. Так, и немецкий, и российский историки считают, что советско-германский договор о ненападении стал одним из самых значимых документов в предыстории Второй мировой войны. Оба автора подчеркивают, что со стороны А. Гитлера сближение было временным шагом, что он никогда не отказывался от своей внешнеполитической программы, целью которой было завоевание жизненного пространства на Востоке, и что уже летом 1940 г. Гитлер изменил свое отношение к союзнику, начав активную подготовку к войне с СССР.

Вместе с тем, существенно различаются акценты, которые расставляют историки при характеристике событий 1939 г. В-первых, авторы по-разному объясняют *мотивы*, побудившие два идеологически разных режима, на протяжении долгого времени противостоявших друг другу на уровне пропаганды, пойти на сближение. По мнению Пиетров-Эннкер, решение Гитлера о советско-германском сотрудничестве было обусловлено двумя факторами: внешнеполитической программой, от которой он не отказывался никогда, и политикой умиротворения, проводимой Великобританией и Францией и создававшей условия для реализации внешнеполитических задач нацистской Германии. Для Гитлера заключение советско-германского договора о ненападении было прагматическим шагом, который в ходе будущей войны с

⁶ Помимо советско-германского договора о ненападении, авторы не смогли выработать единого подхода по следующим вопросам: Сталинградская битва, Берлинский кризис 1948 г., Всемирная выставка в Париже в 1937 г., июньский кризис в ГДР и период Перестройки в СССР.

Великобританией должен был прикрыть Германию с тыла (12. С. 123–124).

Мотивы И. Сталина при подписании пакта, по мнению германского историка, были обусловлены, с одной стороны, провалом попыток создания системы коллективной безопасности (который стал очевиден после подписания Мюнхенского соглашения 1938 г.) и необходимостью избежать изоляции в условиях неизбежной войны, а с другой – «традиционным русским имперским мышлением», которое в советском варианте было представлено стремлением расширить зону влияния социализма за счет расширения границ государства. Автор отмечает, что, начиная с апреля 1939 г., у Сталина было 2 варианта развития событий, из которых он выбрал самый ошибочный (12. С. 125–127).

А.О. Чубарьян, анализируя мотивы советско-германского сближения, отмечает, что «положение в мире, прежде всего, в Европе, которое сложилось в конце 1930-х гг., требует от современных историков при анализе событий тех лет применять метод интерпретации, побуждающий принимать во внимание различные, иногда очень противоречивые, обстоятельства» (13. С. 131). Российский историк большой акцент делает на роль Мюнхенского сговора и политики умиротворения в происхождении Второй мировой войны, а также критикует позицию Польши по вопросу ее согласия на пропуск Красной Армии через ее территорию в случае начала вооруженного конфликта, ставшем камнем преткновения в период ведения англо-франко-советских военных переговоров летом 1939 г. В этих условиях Сталин склонился к союзу с нацистской Германией, настойчиво предлагавшей не только экономическое, но и военно-политическое сотрудничество.

Во-вторых, отличается подход историков к оценке *последствий пакта для СССР*. Пиетров-Эннкер отмечает, что СССР выигрывал нейтралитет в начинающейся войне, новые сферы влияния на западе СССР (что в целом соответствовало восходящим ко временам царизма великодержавным амбициям), политическое и экономическое сотрудничество с Третьим Рейхом. Немецкий историк подчеркивает, что СССР выполнял свои обязательства перед Германией в полной мере вплоть до 22 июня 1941 г.: «Чем более напряженными были отношения между СССР и Германией, тем старательнее Сталин старался соблюдать договоренности» (12.

С. 129). По мнению Пиетров-Эннкер, Сталин оказался в плену ложного убеждения, что Гитлер не начнет войну на два фронта, и недооценил идеологическую составляющую нацистской внешнеполитической концепции в отношении России.

Чубарьян не дает непосредственной оценки территориальным приобретениям СССР, ставшим следствием советско-германских договоренностей. Он подчеркивает, что территории Восточной Польши были включены в состав СССР, поэтому не соглашается с мнением Пиетров-Эннкер, которая говорит, что СССР и Германия, разделив Польшу, установили на ее территории оккупационные режимы. Кроме того, обращает внимание Чубарьян и на тот факт, что ни Великобритания, ни Франция не предпринимали никаких активных действий после объявления войны Германии 3 сентября 1939 г. и не оказали Польше помощи, чем во многом содействовали реализации агрессивных устремлений Гитлера и способствовали экономическому и военно-политическому усилению Третьего Рейха (13. С. 136). Как и немецкий автор, Чубарьян пишет о том, что Сталин пытался избежать войны, несмотря на рост напряженности в советско-германских отношениях (13. С. 136).

В-третьих, германский и российский историки расходятся в оценке роли пакта о ненападении в последующих событиях. Если Б. Пиетров-Эннкер подчеркивает, что «договор дал нацистской Германии необходимую политическую и военную свободу действий, для того, чтобы 1 сентября 1939 г. напасть на Польшу и развязать мировую войну» (12. С. 121), то А.О. Чубарьян обращает внимание на тот факт, что «решение о нападении на Польшу было принято задолго до подписания пакта, и в Берлине лишь шли дискуссии о сроках начала операции» (13). По мнению российского автора, ключевым событием в происхождении Второй мировой войны стал не пакт Молотова-Риббентропа, а Мюнхенское соглашение.

Таким образом, и по прошествии десятилетий события кануна Второй мировой войны по-разному оцениваются историками ФРГ и России. Несмотря на близость позиций и стремление найти общий подход к интерпретации прошлого, существуют вопросы, по которым у ученых сохраняются принципиальные разногласия.

На страницах учебника авторы позволили себе и взаимную критику: Пиетров-Эннкер упрекает российскую сторону в том, что далеко не все исторические источники по периоду 1939–1941 гг.

доступны историкам, а Чубарьян отмечает, что для германского историка характерно стремление уравнивать вину СССР и нацистской Германии за развязывание Второй мировой войны (в целом подход Пиетров-Эннкер отражает современные тенденции развития германской историографии советско-германских отношений 1939–1941 гг.).

Анализ российско-германского труда «Россия – Германия. Вехи совместной истории в коллективной памяти. XX век» приводит к следующим выводам. Во-первых, результаты работы комиссии историков в очередной раз доказали, что, несмотря на стремление к сотрудничеству, объективности и поиску компромисса, в истории есть такие сюжеты, которые невозможно интерпретировать и оценивать однозначно, вне национального контекста.

Во-вторых, коллективный труд российских и германских историков вряд ли сыграет существенную роль в процессе преподавания истории в обеих странах. Несмотря на то, что пособие поддержано Министерством образования и науки РФ, оно издано небольшим тиражом (1000 экземпляров). На данный момент обещанной Интернет-версии учебника в свободном доступе нет. Вероятнее всего, большинство российских и германских учителей истории даже не узнают о существовании этой работы. Кроме того, в отличие от франко-германского совместного учебника истории, российско-германский труд – это скорее монография, содержащая тексты документов и иллюстрации, но не оснащенная методическим аппаратом для работы с ними. Таким образом, публикация этого труда имеет скорее общественное и политическое значение, чем образовательное.

В-третьих, издание совместного пособия в условиях непростых отношений России и ФРГ свидетельствует о том, что диалог национальных историографий в современных условиях не только возможен, но и необходим: в российско-германской истории столько пересечений и коллективных «мест памяти», что игнорировать, забывать, разрывать эти связи нельзя. Кроме того, эта книга – напоминание современным политикам о том, как в XX веке ведущие акторы международных отношений, находясь на грани войны, не смогли консолидировать усилия и сохранить мир, – хороший повод задуматься о том, как избежать повторения ошибок прошлого.

Литература:

1. Анохина М. У Польши и Германии одна история // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gazeta.ru/social/2008/03/04/2657324.shtml> (дата обращения: 10.02.2015).
2. Волос М. Начало пути к нормализации? Российско-польские отношения в 2010 г. // Перспективы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/rus/desk/nachalo_puti_k_normalizacii_rossijsk_o-polskije_otnoshenija_v_2010_g_2011-09-02.htm (дата обращения: 10.02.2015).
3. Грибан И.В. Дискуссия с прошлым: как изучают историю Второй мировой войны в школах ФРГ // Педагогическое образование в России. 2011. №3. С.260–265.
4. Грибан И.В. Франко-германский учебник по истории как попытка примирения национальных историографий // Современный учебник по истории: теоретико-методологические, содержательные и методические аспекты. XVIII всероссийские историко-педагогические чтения: сб. науч. ст. Екатеринбург, 2014. Часть 1. С. 72–79.
5. Новоселова Е. В Германии допечатывают тираж российско-германского учебника истории // Российская газета. № 107. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2015/05/21/uchebnik.html> (дата обращения: 10.02.2015).
6. Процесс создания украино-российского учебника непросто. Россия желает создать еще и совместные комиссии историков// [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://net.abimperio.net/node/2073> (дата обращения: 10.02.2015).
7. Розэ А. Издан российско-немецкий исторический сборник // Российская газета. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/printable/2015/03/11/sbornik-site.html> (дата обращения: 13.06.2015).
8. Россия и Белоруссия напишут совместную историю Отечества // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.notum.info/news/socziwm/rossiya-i-belorussiya-napishut-sovmestnuyu-istoriyu-otechestva> (дата обращения: 13.06.2015).
9. Украина и Россия завершили создание совместного учебника по истории // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.odnako.org/blogs/ukraina-i-rossiya-zavershili-sozdanie-sovmestnogo-uchebnika-po-istorii/> (дата обращения: 13.06.2015).

10. Die Sprache der Diplomatie: Deutschland und die Sowjetunion im 20. Jahrhundert // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hsozkult.de/review/id/rezbuecher-23037?title=test-url-titel> (дата обращения: 13.06.2015).

11. In Berlin wurde der 3. Band des gemeinsamen russisch-deutschen Geschichtsbuches präsentiert // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russische-botschaft.ru/de/2015/03/10/in-berlin-wurde-der-1-band-des-gemeinsamen-russisch-deutschen-geschichtslehrbuches-prasentiert/> (дата обращения: 13.06.2015).

12. Pietrow-Ennker В. Der deutsch-sowjetische Nichtangriffsvertrag 1939 // Deutschland – Russland. Stationen gemeinsamer Geschichte, Orte der Erinnerung. В. 3. Das 20. Jahrhundert. München, Oldenbourg Verlag. 2014. S. 121–131.

13. Tschubarjan A. Der deutsch-sowjetische Nichtangriffsvertrag 1939 // Deutschland – Russland. Stationen gemeinsamer Geschichte, Orte der Erinnerung. В. 3. Das 20. Jahrhundert. München, Oldenbourg Verlag. 2014. S. 131–141.

УДК 94(470.5)"18"

ББК 63.3(235.55)522-06

ГСНТИ 03.23.31

Код ВАК 07.00.02

Л.А. Дашкевич
Екатеринбург

ЖИЗНЕННЫЙ МИР УРАЛЬСКОГО УЧИТЕЛЬСТВА В ЭПОХУ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ XIX ВЕКА⁷

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: авторы модернизации, история России XIX века, образование, педагоги, повседневность, образ жизни.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется повседневная жизнь преподавателей учебных заведений Урала в период реформ Александра II. Уральское учительство того времени воспринимало и транслировало в своем образе жизни современные черты повседневности. Важное место в жизненном мире учителей имело чтение книг и ведение бесед на темы культуры и политики. Среди интеллигенции

⁷ Работа выполнена при поддержке гранта РНФ «Актеры российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение» (проект № 14-18-01625)

формировалась культура общественного действия. В свободное от работы время учителя принимали активное участие в организации публичных библиотек, литературных чтений и музыкальных концертов. «Мыслящее меньшинство» понимало значение культуры для организации жизни и стремилось реализовывать себя в культурном действии.

L.A. Dashkevich

Yekaterinburg

LIFESTYLE OF THE URAL TEACHERS IN THE ERA OF THE GREAT REFORMS OF THE XIXth CENTURY

KEY WORDS: actors of modernization, Russian history of the XIXth century, education, teachers, daily life, lifestyle.

ABSTRACT. This article analyzes daily life of the teachers of educational institutions of the Urals during the reforms of Alexander II. Through their lifestyle, teachers were perceiving and transmitting features of contemporary life. An important part in the everyday life of the teachers was dedicated to reading and leading conversations on culture and politics. Among the intelligentsia the culture of public activity was formed. During their spare time, teachers were actively involved in the organization of public libraries, literary readings and musical concerts. "Thinking minority" was aware of the meaning of culture for the organization of everyday life and strived to realize themselves in cultural activities.

В пространстве взаимодействия различных акторов модернизации на Урале существенное место занимала интеллигенция. К середине XIX в. довольно значимым отрядом местной интеллигенции стали учителя. В 1863 г. в штатах Пермской, Екатеринбургской, Вятской и Оренбургской дирекций училищ числились 274 преподавателя (51 – в гимназиях, 149 – в уездных училищах, 74 – в городских приходских училищах) (6. С. 351). Для сравнения: численность горных инженеров на заводах Урала в это время не превышала 150 человек (7. С. 102). Реформы Александра II уральские учителя встретили с надеждой. Воспитанники гимназий вспоминали, что в преподавании и внутренней жизни учебных заведений предреформенного времени утверждались принципы демократизма, гимназии избавлялись от царившей в них прежде атмосферы «страха и трепета».

Учащаяся молодежь и преподаватели активно включились в общественную жизнь края. Одним из основных очагов общественного подъема на Урале в конце 1850-х – начале 1860-х гг. стала Пермь. Советские историки выявили множество фактов проникновения радикальных взглядов в школьную среду Перми. Молодым людям губернского города в предреформенный период были вполне доступны статьи В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, Н.В. Шелгунова, Д.И. Писарева, которые печатались в «Современнике» и «Отечественных записках», они попадали на Урал в результате подписки (9. С. 57). Достаточно широко были известны в городе и нелегальные издания Вольной русской типографии А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Труды революционеров-демократов пользовались большой популярностью в Перми. Один из современников писал по этому поводу: «Со времени окончания Севастопольской войны Герцен в Перми был в полном ходу. Считаться его почитателем было модою. На всякого, кто не читал его, молодежь [...] смотрела как на глубокого рутиниста» (13. С. 12).

Влияние революционно-демократических взглядов на преподавателей и учащуюся молодежь Перми, однако, не стоит преувеличивать. В современных исследованиях подчеркивается, что в общественной жизни уральских городов того времени участвовали не только радикалы-нигилисты, но и «все сознательные элементы общества, заинтересованные в общественном преобразовании» (14. С. 42). Отличительной чертой «просветительской эпохи» в провинции стал вкус к публичной деятельности. В конце 1850-х гг. пермские просветители объединились вокруг Дмитрия Дмитриевича Смышляева, человека энергичного, отличавшегося в то время, по донесениям жандармов, «ультралиберальным образом мыслей» (12. С. 213). Купеческий сын, наследовавший от отца достаточно большое состояние, Смышляев с 1857 г. ликвидировал торговые дела и отдал все свои силы общественной деятельности. Судя по воспоминаниям сестры Смышляева Ф.Д. Солодовниковой, Дмитрий Дмитриевич встретил эпоху освободительных реформ «с невыразимо радостным чувством. Он был горячим и убежденным истолкователем ее значения. Глубоко сочувствуя новым веяниям, Смышляев принимал активное участие в устройстве публичных библиотек, литературно-музыкальных чтений, в организации воскресных

школ, в деле основания в Перми женской гимназии и т.п.» (14. С. 30). В 1859-1860 гг. в Москве на средства Д.Д. Смышляева были изданы два тома «Пермского сборника».

Ближайшим сподвижником Д.Д. Смышляева в подготовке сборника был старший учитель Пермской гимназии Николай Алексеевич Фирсов. Товарищ и однокашник Н.А. Добролюбова по Главному педагогическому институту, Н.А. Фирсов был поборником кардинальных демократических преобразований в системе народного образования. В своей большой статье, опубликованной в «Пермском сборнике», он прямо высказался против пороков сословной школы и крепостнической системы. «Осуществите идеал школы среди народа, который задавлен деспотизмом, у которого одна забота, как сохранить жизнь свою, но не умереть с голода, - писал он, - и не скоро влияние ее отразится на жизни этого народа» (8. С. 2). Помимо Н.А. Фирсова, в состав смышляевского кружка вошли и другие преподаватели Пермской гимназии (Г.И. Балбашевский, Я.И. Предтеченский, С.С. Пенн), а также учитель духовной семинарии А.Г. Воскресенский. Изданный смышляевским кружком «Пермский сборник» вызвал большой интерес не только местной, но и столичной публики. Весьма одобрительно отозвались о нем крупные российские журналы - «Современник», «Русское слово», «Отечественные записки». Н.А. Добролюбов оценил сборник как серьезное, очень дельное издание, в котором «высказывается такое обилие знаний, серьезность взгляда и мастерство изложения, какое не всегда встречается в столичных журналах» (14. С. 30). Высокая оценка одного из ведущих литературных критиков той поры делает честь учителям Пермской гимназии, ведь именно они составляли наибольшую группу среди авторов сборника.

Большое значение в общественной жизни уральских городов имели литературно-музыкальные вечера. Преподаватели и учащаяся молодежь принимали в них самое активное участие. Первый литературный вечер в Вятке, посвященный памяти поэта А.С. Пушкина, состоялся 27 февраля 1861 г. С докладом на вечере «О Пушкине как о человеке и его влиянии на развитие отечественной литературы» выступил преподаватель гимназии Я.Г. Рождественский. Присутствовали здесь и другие учителя. В начале 1860-х гг. литературно-музыкальные вечера стали излюбленной формой общественных собраний вятчан. По

подсчетах одного из корреспондентов Вятских губернских ведомостей, в 1862 г. в городе было проведено двадцать таких вечеров, в 1863 г. – двенадцать (15. С. 43).

Общественное оживление охватило в предреформенные годы и Оренбургский край. Центром активной жизни края стал Оренбург. Один из корреспондентов местных губернских ведомостей сообщал редактору в 1860 г., что в Оренбурге того времени горожане жили «гораздо веселее», чем в Уфе. «Главный предмет, которым занимается в настоящее время Оренбург, - писал он, - литература. Оренбург превратился в кабинет для чтения: оренбуржцы читают с увлечением, рассуждают, спорят, осуждают или одобряют прочитанное. Львом Оренбурга – Плещеев, его «Пашинцев» наделал много шума. «Русский вестник» переходит из рук в руки, его читают с жадностью, поля Плещеевской повести носят заметки и объяснительные подписи для непосвященных в тайны общественной жизни Оренбурга» (11. С. 31).

Важным фактором культурной жизни Оренбургского края были местные губернские ведомости. «Заметка кое о чем» писателя-петрашевца А.Н. Плещеева, вернувшегося из восьмилетней оренбургской ссылки, называет ее в числе лучших провинциальных газет, от которых, по его словам, в то время начинало «везть новой жизнью». В числе корреспондентов газеты преобладали гимназические учителя. В 1850-е гг. редакторами неофициальной части губернских ведомостей были: штатный смотритель Уфимских уездных училищ И.П. Сосфенов, старшие учителя уфимской гимназии В.В. Завьялов и П.Н. Чоглоков. Исследователь истории губернских ведомостей Поволжья и Урала Л.П. Бурмистрова особо отмечает статьи редактора П.Н. Чоглокова, которые не раз вызывали нарекания цензуры (2. С. 120). В своей учебной деятельности П.Н. Чоглоков стремился к воспитанию в детях «истинного сознания», желания к дальнейшему самообразованию в жизни. «Такие дети, - писал он в отчете педагогического совета гимназии, - прекрасная тучная почва, на которой все можно сеять и все посеянное взойдет не вкривь и не коряво, а обратится прямо к свету вечной истины». Вопросы методики воспитания и образования в те годы всерьез занимали многих педагогов уфимской гимназии. «На долю каждого из них, - продолжал отчет П.Н. Чоглоков, - досталось решить немало разных вопросов, сомнений, недоумений». Для обсуждения этих проблем,

в Уфе были организованы педагогические беседы. В 1857 г. состоялось 8 таких бесед. «Результатом их было взаимное усвоение начал образования вообще и по каждому предмету в особенности», - писал П.Н. Чоголков.

В культурной среде небольших уральских городов заметную роль играли уездные училища. Новацией провинциального культурного процесса в предреформенное время стала организация в городах публичных библиотек. Уездные учителя принимали в них самое активное участие. Оренбургские губернские ведомости, например, сообщают о создании в 1859 г. публичной библиотеки при Бирском уездном училище. Эта библиотека, составленная из книг фундаментальной училищной библиотеки (239 названий в 1048 томах) и литературы, подаренной училищу бирскими купцами 3 гильдии братьями Кондюриными (433 названия в 833 томах), пользовалась большим успехом у местной публики. Михаил, Павел и Александр Кондюрины пожертвовали училищу не только книги (в память их отца), но и средства на пополнение библиотеки. «Кондюринское отделение библиотеки» (так оно называлось в училище), согласно воле жертвователей, имело собственный каталог и не смешивалось с прочими книгами фундаментальной библиотеки. За внутренним порядком в библиотеке следило училищное начальство и педагогический совет училища (10. С. 253).

Существовали публичные библиотеки и при уездных училищах других губерний. Вятский директор гимназии И.М. Глебов, объезжая подчиненную ему территорию в 1859 г., с удивлением обнаружил в библиотеке Котельнического уездного училища семь наименований современных периодических изданий. Зная ограниченность средств училища, директор поспешил разобраться, откуда взялись столь дорогие издания. Оказалось, что штатный смотритель училища Коробицын и один из учителей пригласили обывателей города к подписке на получение современных журналов. Взносы, собиравшиеся с горожан, не были строго определены, каждый отдавал деньги по мере своих сил и средств - от одного до десяти рублей. Общая сумма, получаемая таким образом, составляла около 100 рублей серебром, что было достаточно для выписки семи журналов. На собранные деньги были выписаны журналы «Современник», «Отечественные записки», «Северный цветок», «Московские ведомости» и

некоторые другие издания. Каждый подписавшийся имел право, в порядке очереди, познакомиться с приходящей в библиотеку училища литературой. После прочтения журналы становились собственностью училищной библиотеки. В подписке на журналы участвовали многие малообеспеченные горожане. По мнению директора, это доказывало, «что и недостаточный по состоянию своему класс общества не лишен желания и охоты следить за современною литературою, следовательно, и развитием всех жизненных интересов, когда только благоприятный случай позволяет ему воспользоваться чтением без большого ущерба его средств» (5. С. 11). К чтению книг и журналов в публичной библиотеке допускались не только подписчики, но и другие горожане. Корреспондент Вятских губернских ведомостей отмечал, что в 1861 г. число читателей составляло примерно одну пятидесятую часть жителей города.

Горячих сторонников среди учителей нашла идея создания воскресных школ для простого народа. По духу преподавания они разительно отличались от традиционных школ Министерства народного просвещения. Обучение в воскресных школах было основано на принципах гуманизма и уважения к личности. Демократизм, открытость, беззаветность служения идее народного просвещения большинства преподавателей быстро сделали воскресную школу любимой и популярной. На Урале наиболее активной в деле создания народных школ оказалась общественность Пермской губернии. В 1861 г., судя по отчету Пермской дирекции училищ попечителю Казанского учебного округа, здесь работали 10 воскресных школ: три школы для мальчиков и две школы для девочек в губернском городе Перми, три школы в уездных городах (Кунгуре, Шадринске и Камышлове) и две школы в горнозаводских имениях (1. Л. 62).

Первая воскресная школа в Перми была основана по инициативе воспитанников местной гимназии. Пермские губернские ведомости опубликовали Проект воскресной школы, разработанный учениками седьмого класса гимназии. В одном из первых абзацев этого документа гимназисты заявили, что преподавание в учреждаемом учебном заведении будет построено по образцу Киевской воскресной школы. Авторы проекта были уверены в том, что образование и грамотность являются правом, «неотъемлемо принадлежащим русскому простолюдину».

Предполагалось, что Пермская школа будет работать по воскресным и праздничным дням с одиннадцати часов утра до двух часов дня. Право ее посещения имели лица всех сословий и возрастов. Перед началом занятий состоялся педагогический совет гимназии, который обсудил средства наиболее эффективной работы школы. Решено было проэкзаменовать учащихся и, в соответствии с уровнем их подготовки, разбить на четыре разряда. К первому были отнесены умеющие хорошо читать и рассказывать прочитанное. Таких учеников Совет рекомендовал знакомить с русской и естественной историей. Ученики, читающие, но не умеющие пересказать прочитанное, составили второй разряд, начинающие читать – третий. Тех и других положено было усовершенствовать в чтении. Наконец, к четвертому разряду отнесли учеников, не умеющих читать. С ними предстояло проводить усиленные занятия по обучению чтению. Совет рекомендовал применять при этом метод Золотова. 6 ноября 1860 г., с разрешения Попечителя Казанского учебного округа, в помещении уездного училища начались занятия воскресной школы. Руководство ею взял на себя Совет учащихся, который собирался для обсуждения всех нововведений в организации школы и порядке преподавания. Решения совета принимались только большинством голосов. Наблюдение за ходом преподавания брали на себя учителя Пермской гимназии, «нисколько, впрочем, не стесняя свободы этих совещаний, а напротив, поощряя всякое дельно высказанное мнение». Организационные дела (ведение приходо-расходных книг, составление отчетов о состоянии школы, созыв советов и пр.) поручался распорядителю, который выбирался советом из среды учителей.

Инициатором создания второй мужской воскресной школы в губернском городе стал известный пермский общественный деятель А.И. Иконников. Делопроизводитель Пермского губернского статистического комитета коллежский ассессор Иконников содержал в Перми публичную библиотеку, в которой каждый из горожан мог «за самую умеренную цену» взять для чтения книги и журналы. Библиотека Иконникова выписывала лучшие периодические издания того времени – журналы «Современник», «Русское слово», «Отечественные записки». Не случайно именно вокруг А.И. Иконникова и его библиотеки собралась наиболее радикальная часть пермской интеллигенции.

Как отмечалось позднее в жандармском донесении, здесь сформировался «домашний кружок людей со свободным образом мыслей» (13. С. 18). Деятельность библиотеки Иконникова достаточно полно отражена в литературе (3; 4). Некоторые исследователи считали ее «оболочкой» Пермской революционной организации, которая была одной из предшественниц «Земли и воли». Р.Г. Эймонтова не столь поспешна в выводах. Она приводит свидетельства того, что политическое направление деятельности Пермского кружка приобрела только после приезда сюда летом 1860 г. ссыльного участника Харьковско-Киевского тайного общества П. Ефименко. До этого она носила чисто просветительский характер (16. С. 283).

Просветительскими были, очевидно, и задачи организованной А.И. Иконниковым воскресной школы, которая начала свои занятия в декабре 1860 г. в читальном зале библиотеки. Сведений о политическом направлении работы этой школы в литературе и источниках нам не встретилось. Известно, что средства на организацию школы (около 90 рублей) были получены во время литературно-музыкального вечера, устроенного в Перми 27 ноября 1860 г. Организаторами этого вечера были: Д. Смышляев, А. Воскресенский, В. Ежов, М. Тиммерман, Е. Толмачева, Н. Фирсов.

Подводя итоги, можно сказать, что уральское учительство середины XIX в. воспринимало и транслировало в своем образе жизни современные черты повседневности. Важное место в жизненном мире учителей имело чтение книг и ведение бесед на темы культуры и политики. Среди интеллигенции формировалась культура общественного действия. В свободное от работы время учителя принимали активное участие в организации публичных библиотек, литературных чтений и музыкальных концертов. «Мыслящее меньшинство» понимало значение культуры для организации жизни и стремилось реализовывать себя в культурном действии.

Источники:

1. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7909.

Литература:

2. Бурмистрова Л. П. Провинциальная газета в эпоху русских просветителей: губернские ведомости Поволжья и Урала 1840-1850 гг. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1985. 138 с.

3. Вульфсон Г.Н. Разночинно-демократическое движение в Поволжье и на Урале в годы первой революционной ситуации. Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 1974. 352 с.

4. Горовой Ф.С. Революционно-демократическое движение в Пермской губернии в 60-х годах XIX века. Пермь: Кн. изд-во, 1952. 100 с.

5. Глебов И. М. Несколько слов в пользу библиотек в уездных городах при училищах» // Вятские губернские ведомости. 1859. № 2.

6. Дашкевич Л. А. Городская школа в общественной и культурной жизни Урала (конец XVIII – первая половина XIX века). Екатеринбург: УрО РАН, 2006. 411 с.

7. Дашкевич Л.А., Корсунова С.Я. Техническая интеллигенция горнозаводского Урала. XIX век. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997. 201 с.

8. Дмитриев А. Памяти Н. А. Фирсова // Пермские губернские ведомости. 1896. № 95.

9. Лапин Н.А. Революционно-демократическое движение 60-х годов XIX века в Западной Сибири. Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1967. 186 с.

10. Об открытии в городе Бирске публичной библиотеки при уездном училище // Вятские губернские ведомости. 1859. № 44. С.253.

11. Оренбург. Из письма редактору // Оренбургские губернские ведомости. 1860. № 7.

12. Павлов В.А. Очерки истории журналистики Урала. Т.1. 1760-1860. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1992. 271 с.

13. Рабинович Я.Б. Ревнителю прав народных. Очерки по истории революционно-демократического движения на Урале в 60-х – начале 80-х гг. XIX века. Пермь: Кн. изд-во, 1989. 187 с.

14. Семенов В.Л. Мировоззрение Д. Д. Смышляева. Идеиное наследие и судьба пермского либерала. Пермь: Реал, 2001. 139 с.

15. Сергеев В.Д. Вятские нигилисты. Из истории разночинной интеллигенции Вятки. Петропавловск-Камчатский: Изд-во Камчатского гос. пед. ин-та, 1994. 111 с.

16. Эймонтова Р.Г. Русские университеты на грани двух эпох. От России крепостной к России капиталистической. М.: Наука, 1985. 350 с.

УДК 37(09).09(470.5)

ББК 4403(235.55)61 ГСНТИ 14.35.19 Код ВАК 13.00.08

Ю.В. Дёмина

Екатеринбург

ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ГОЛОДА 1932-1933 ГГ.: СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: историография, голод, геноцид.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются основные проблемы современной зарубежной историографии голода 1932-1933 гг. Исследование показало, что тема голода активно изучается зарубежными историками и события 1930-х гг. становятся инструментом политической борьбы.

Y.V. Demina

Yekaterinburg

INTERNATIONAL HISTORIOGRAPHY 1932-1933 FAMINE .: MODERN STAGE

KEY WORDS: historiography, famine, genocide.

ABSTRACT. In the article reflects the main problems of modern foreign historiography hunger 1932. Study showed that hunger topic has been studied extensively by historians and foreign events of the 1930s have become a tool of political struggle.

Голод 1932-1933 гг. является достаточно болезненной темой, как для России, так и для всех бывших республик СССР. События 1930-х гг. повлекли за собой огромный общественный и научный резонанс во всем мире. Политическая ситуация сегодня складывается таким образом, что ряд исследователей активно продвигают концепцию «геноцида», другая часть исследователей, придерживается более взвешенной оценки и считает причинами голода совокупность социально-экономических и природных

факторов.

Зарубежные исследователи уделяют пристальное внимание данной проблеме. Вышедшая в 2011 году монография С. Уиткрофта и Р. Девиса (1) даёт подробное представление об урожаях зерновых и хлебозаготовительных планах в 1932-1933 гг. Исследователи полагают, что голод был вызван рядом социально-экономических и природно-климатических факторов. Два неурожая 1932-1933 гг., привели к дефициту хлеба к весне 1932 г., а проводимая Советским государством индустриализация и политика коллективизации, включавшая неподъемные хлебозаготовительные планы, нанесла деревне сокрушительный удар (1. С. 15). Описывая масштабы трагедии, авторы приходят к выводу, что голод имел место быть не только в Украине и Казахстане, а также застиг ЦЧО, Северный Кавказ, Татарскую и Башкирскую АССР, Поволжье, Уральскую область, Сибирь и Дальний Восток (1. С. 417). Имеющийся в исследовательском арсенале материал показал, что сверхсмертность в 1932-1933 гг. составляла около 4,6 млн человек (1. С. 119).

С. Уиткрофт проделал тщательную работу по изучению демографических последствий голода 1932-1933 гг. Им был осуществлён детальный анализ всех имеющихся статистических данных. Региональные потери населения на Украине были чрезвычайно высокими, но не за счет тех областей, где в избытке производились зерновые, а за счет Киевской обл., переживавшей последствия резкого сокращения снабжения Киева из республиканских источников. Для того, чтобы компенсировать недостаток снабжения, киевский областной комитет партии самовольно инициировал беспредельную экспроприацию зерна в хозяйствах Киевской обл., когда центральная программа продразверстки уже закончилась. С. Уиткрофт и Р. Девис не согласны с концепцией голода-геноцида, получившей стремительное развитие в многочисленных трудах европейских историков.

Французский историк Николя Верт подходит к проблеме голода с позиции «геноцида». Ссылаясь на новые опубликованные источники, исследователь показывает весь ужас репрессивной политики на Украине, акцентируя внимание на распространявшиеся антисоветские настроения. Раскрывая вопрос продовольственной помощи регионам, автор утверждает, что

данная мера была «смехотворной» и Украина получала минимальную помощь. В период с января по июнь 1933 года, когда голод достиг наибольших масштабов, центральные власти приняли не менее 35 постановлений о помощи регионам, испытывающим «продовольственные трудности». Реально оказанная помощь составляла приблизительно 320 000 тонн, что в пересчете на 30 миллионов голодающих составляло лишь 10 килограммов зерна на человека, или едва 3 % общего среднегодового потребления крестьянина! Касаясь хронологии голода, Н. Верт отмечает, что до лета 1932 года украинский голод имеет те же причины, что и общесоюзный, но с лета 1932 года ситуация меняется, как только Сталин решает наказать украинских крестьян, сопротивлявшихся «новому крепостному праву». Крестьян наказали тяжелее всех — голодом и мучительной смертью миллионов человек. Оценивая жертвы от голода, автор приводит цифру равную более 4 миллионов человек на Украине и Северном Кавказе (7).

Зарубежный исследователь Норман Наймарк характеризует голод 1930-х гг. как геноцид (4. С. 4). Наймарк даёт свое определение «геноцида» как систематического массового уничтожения, сознательно совершаемого политической элитой государства против целенаправленно избранной группы внутри или за пределами этого государства. Именно это должно отличать геноцид от таких форм массового убийства, как погромы, резня или террористические взрывы.

Профессор Гарвардского университета Терри Мартин рассматривает голод в национальном ключе. Как показывает автор, разработанная политика коренизации в 1923 г. усилила национализм на Украине и Северном Кавказе, и впоследствии именно в этих регионах наблюдалось ожесточённое сопротивление политики коллективизации (2. С. 416). Кризис хлебозаготовок в 1932 г. возник в результате противодействия, которое оказывали хлебозаготовкам предатели в советском и партийном аппарате. Таким образом, причинами репрессий и голода в период кризиса хлебозаготовок отнюдь не были попытки решить таким образом национальный вопрос. Скорее наоборот, формирование «жёсткой линии» в национальной политике властей СССР стало следствием кризиса (1. С. 417). Терри Мартин не считает голод 1932-1933 гг. намеренным актом геноцида против украинского народа, хотя считает неправильным утверждать, что национальный фактор

вообще не играл никакой роли в возникновении голода (1. С. 420). По мнению исследователя, террор хлебозаготовительной компании 1932-1933 гг. распространялся и на русские, и на украинские территории, однако, наиболее жёстко был выражен на Кубани и Украине.

В поле зрения зарубежных исследователей попадают и вопросы изучения локальных масштабов голода. Итальянский исследователь Николло Панчиоли рассматривает процесс коллективизации и голод 1932 – 1933 гг. в Казахстане (5). Автор описывает компании по изъятию зерна у кочевого населения. Основной акцент делается на эмиграционные процессы среди населения в Казахстане. Произведённый подсчет показывает, что больше чем 1,5 миллиона сельских казахов сбежали с территории, охваченной голодом. Согласно некоторым оценкам 200000 сбежали в Китай, тогда как другой миллион людей сбежал в другие советские республики. Другая комиссия процитировала эти данные: 286000 семей (более чем миллион человек) покинули республику между 1930 и 1931; 78000 в 1932, и 31000 в 1933. За период 1931 – 1932 массовые бегства состояли в основном из беженцев, оставленные, не беря их животных с ними и в первый раз, когда большое количество людей умерли» (5. С. 108). Историк справедливо обвиняет советскую власть в политике «денационализации» казахов, которая разрушила культурные традиции казахского населения и привела к многочисленным жертвам.

Научный сотрудник Международного Института социальной истории Амстердама Хайс Кесслер уделит внимание Уральской области, в которой намечался кризис поставки зерна в 1932 – 1933 гг. В своём исследовании (3) историк показывает демографическую картину области. На 1933 г. смертность превышала рождаемость, причинами этого он считает плохой урожай 1931 года, вследствие чего возникла нехватка продовольствия. Автор отмечает, что ситуация была довольно критичной не только в деревне, но и в городе. Городские жители на Урале испытывали недостаток продовольствия. С апреля 1933 г. о случаях голодания сообщают многие районы. Голод был логическим завершением аграрной политики. Историк приходит к выводу, что голод – это результат неудачной аграрной политики государства, а не совокупность факторов, характерных лишь для территорий Украины, Казахстана, Северного Кавказа. Кесслер не поддерживает концепции

«геноцида».

Отклик концепции «геноцида» находит место и за океаном. В столице Соединенных Штатов 4 августа 2015 г. появился памятник, посвященный погибшим во время Голодомора 1932-1933 годов жителям Украины. Проект называется «Поле пшеницы» и представляет собой стену, на которой изображена пшеница и подписано Holodomor 1932-1933. На установке мемориала присутствовали посол Украины в США Валерий Чалый, автор проекта памятника Лариса Курилас, председатель Краевого комитета США по признанию Голодомора геноцидом Михаил Савкив, также представители компаний, которые занимались изготовлением и установкой бронзовой скульптуры. Торжественное открытие памятника состоялось 7 ноября 2015 года(6).

Заканчивая обзор сложившихся дискуссий вокруг голода 1932-1933 гг. следует сделать несколько выводов. Трагедия 1932 – 1933 гг. приобрела политический подтекст и стала использоваться некоторыми политиками Украины и явно антироссийскими силами ряда западных государств в конъюнктурных политических целях. Данная тема достаточно громко звучит в СМИ, афишируется в интернет-изданиях, однако выводы проведенных исследований лишены источниковой базы и трезвого подхода. Голод, как комплексное историческое явление изучено недостаточно глубоко. Историками вполне полно определены причины голода, процессы хлебозаготовительных компаний, однако, до сих пор ведутся дискуссии о демографических потерях, не до конца исследованы действия властей в преодолении голода. В историографии темы недостаточно изучен региональный масштаб трагедии, особенно слабо освещен вопрос о характере взаимоотношений деревни и города, деятельность местных властей по ликвидации голода. Несомненно, тема голода 1932-1933 гг. очень острая и болезненная, она требует ответственного и честного отношения исследователей. Поэтому, ещё не скоро утихнут споры касаясь причин и масштабов трагедии, поскольку данная тема погрязла в политике.

Литература:

1. Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода: сельское хозяйство СССР, 1932-1933. М.: РОССПЭН, 2011. 543 с.
2. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923-1939. М.: РОССПЭН, 2011. 855 с.

3. Kessler G. The 1932 – 1933 Crisis and Its aftermath beyond the Epicenters of Famine: The Urals Region // *Hunger by design: the great Ukrainian famine and its Soviet context*. Cambridge, 2008. P. 118-129.

4. Naimark N.M. *Stalin's Genocides*. Princeton, 2010. 163 p.

5. Pianciola N. The Collectivization Famine in Kazakhstan? 1931 – 1933 // *Hunger by design: the great Ukrainian famine and its Soviet context*. Cambridge, Massachusetts. 2008.

6. RYVI [Электронный ресурс] <http://www.rtvi.com/video/40834>

7. Werth N. The Great Ukrainian Famine of 1932-33. Online Encyclopedia of Mass Violence. 2008. [Электронный ресурс] http://www.massviolence.org/Article?id_article=166.

УДК37.016:94(47)

ББК ТЗ(2)р+Ч448.3(235.55)63

ГСНТИ

03.09.31

Код ВАК 07.00.03

В.В. Запарий

Екатеринбург

ОБ ОПЫТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ РОССИИ В УРАЛЬСКИХ ВУЗАХ В КОНЦЕ XX ВЕКА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: история, Россия, Урал, многоконцептуальность, высшее, среднее, образование, официальная история, факультативы, гражданственность, молодежь.

АННОТАЦИЯ. В статье дается характеристика работы преподавателей уральских вузов по созданию новых методик и учебниках по истории России, в условиях деполитизации после развала СССР. Проанализированы сильные и слабые стороны учебного процесса, сделаны выводы о необходимости официального учебника и многоконцептуального подхода в изучении истории в специальных факультетах вузов.

V. V. Zapariy
Yekaterinburg

ON THE EXPERIENCE OF TEACHING HISTORY OF RUSSIAN UNIVERSITIES IN THE URALS IN THE LATE TWENTIETH CENTURY

KEY WORDS: history, Russia, the Urals, mnogokontseptualnost, higher, secondary, education, official history, electives, citizenship and youth.

ABSTRACT. The article describes the work of the Ural university professors to develop new methods and textbooks on Russian history, in terms of depoliticization after the collapse of the Soviet Union. Analyze the strengths and weaknesses of the learning process, draw conclusions about the need for a formal textbook and mnogokontseptualnogo approach to the study of history in special departments of universities.

В конце прошлого века, когда Россия кардинально меняла свое государственное устройство, идеологические ориентиры, существенные изменения происходили и в системе образования, как среднего, так и высшего.

Именно тогда и возникли серьезные проблемы в области исторического образования. И главная причина этого заключалась не в том, что нельзя было уже трактовать историю по-старому, а в том, что никто не мог объяснить, как трактовать ее по-новому.

Дело в том, что в России традиционно трактовка истории оставалась прерогативой государства, властей. А в тот период власти были очень заняты собственно властью и не очень еще думали о том, как трактовать исторический процесс. Именно поэтому не было официальной истории, а необходимость в ее преподавании была очень острой.

Попытки сохранить прежнюю трактовку не вызывали сочувствия у общественности, поиски новых для нас трактовок привели к заимствованию на западе их видения нашей истории. А это приводило к очевидным несуразностям. Именно тогда и появилась группа преподавателей, которые объединились в одном из провинциальных вузов (Уральском политехническом институте), вокруг коллектива, созданного на базе бывшей кафедры истории КПСС.

Дело в том, что именно здесь появились люди, сделавшие из

оппозиционера Б.Н. Ельцина президента новой России. И, конечно, сохранение в новой России курса истории КПСС было бы странным для этих людей. Именно здесь еще в конце 1980-х гг. возникла идея замены курса истории КПСС на курс сначала «Исторический опыт КПСС», а затем вообще «История России». Именно к этому потом пришли и все остальные преподаватели вузов, именно такой курс и был введен потом по всей России.

Но для чтения курса по истории России нужны были пособия, текст курса лекций. Именно это и стало заботой коллектива единомышленников, объединившихся вокруг нового заведующего кафедрой истории России профессора, доктора исторических наук Бориса Васильевича Личмана.

В новых условиях нужен был новый учебник. И этот учебник должен был быть не просто новым переложением уже известных истин в том или ином объеме и сочетании. Все это уже было и потом неоднократно повторилось, многократно тиражировалось.

Вот здесь и родилась идея, которая как сейчас вспоминается, принадлежала Б.В. Личману, о том, что история должна преподаваться инвариантно. То есть было нарушено главное правило педагогики, что есть только одна правда, и что данная проблема имеет только одно правильное решение. Это было открытие, не осознанное до сих пор общественностью, равное в нашей науке открытию А. Эйнштейна.

Почему равное? Впервые заявлялось, что правда, в том числе историческая, может быть разной. Как же так? А дело в том, что оценка исторических событий всегда отличается многообразием, но в учебниках всегда есть единственно правильная версия, и все остальные неправильные. Именно так и строятся все учебные пособия, где излагается единственная правильная версия, отмечающая все остальные, неправильные.

Здесь же впервые в нашей российской исторической науке, предлагалась идея многоконцептуальности. То есть идея о том, что могут быть различные оценки тех или иных фактов и процессов, высказанные с точки зрения той или иной теории. И задача преподавателей дать студентам эти основные научные или политические точки зрения и показать их слабые и сильные стороны, чтобы студенты, собственно молодые исследователи выбрали ту или иную, как им показалась правильную. Ибо они в силу своей недостаточной исторической подготовки не могут сами

прийти к глубокому пониманию той или иной концепции, а знакомство с теориями с помощью преподавателя позволит им сделать тот или иной, близкий им вывод. Такой подход был отражением в реальной жизни толерантности и демократии в полном научном и практическом виде.

Такое пособие и было создано (8; 9). Оно сначала «обкатывалось» в лекциях и занятиях со студентами, а затем дорабатывалось и многократно переиздавалось. По нашим подсчетам вышло около десяти изданий, затем в двух томах, тиражом около 200 тыс. экземпляров. Интересно, что это учебное пособие – курс лекций вызвал большой интерес у общественности, в первую очередь вузовской, но и школьной, всех кто интересовался историей нашей страны. Он получил большую известность. Книги доходили не только до европейских стран, но и читались даже в Бразилии, откуда профессор Б.В.Личман получал благодарность за эту работу.

Вспоминается интересный эпизод, когда кафедра выдвинула ученик на всероссийский конкурс учебников по истории России для технических вузов, который проходил в городе Новочеркасске. Наше дорогое министерство потратило на его проведение 350 тыс. рублей. Кажется, это был год 1998 или 1999, т.е. деньги были не нынешние. Первое место занял какой-то, естественно, московский вуз, получивший 10 тыс. руб. в качестве поощрения, второе, конечно, новочеркасский вуз, получивший 7 тыс. руб. И, наконец, как не странно, третье место с рекомендацией с использованием в учебном процессе, то есть гриф министерства, получил наш учебник с денежной премией в 3 тыс. руб. Это вызвало у руководителя проекта профессора Б.В. Личмана проблемную ситуацию, как поделить почти на 30 членов авторского коллектива эту огромную сумму. Я посоветовал ему сходить в ресторан с ученым секретарем кафедры и бессменным помощником его во всех делах доцентом Карлом Жанновичем Ирбе и закрыть этот вопрос.

Однако это не было завершением истории. На следующий год в одном из Ростовских, что на Дону, учебников появился точная копия методологического введения нашего учебника, но с другим авторским коллективом. Можно было конечно, судиться, но как это вы себе представляете? Жить месяцами в Ростове-на-Дону или ездить туда бесконечно. У нас не было денег на этот увлекательный

процесс. Поэтому мы оставили это все на совести наших «коллег», которые не только положили себе в карман деньги от издания нашего учебника, но и включили наши работы в свои списки научных трудов.

Если бы мы были преподавателями московского или питерского вуза, я уверен, наш бы учебник прогремел бы на всю Россию. А так, ну написали что-то там в провинции. Ну и подумаешь. Обидно, что не мы додумались до такой простой вещи. Ну и что. А нет их и все. Так я проецирую ход мысли наших коллег.

Кстати я встречался с автором того московского учебника, который пошел в качестве первого учебника. Он был издан огромным тиражом. И его автор получил миллионы. Он устал от жизни, потому что тратил деньги на путешествия и побывал везде, где только мог придумать. Да был и в Бразилии. Молодец. Он писал учебник на пару с еще одним автором, а не большим коллективом. Ему можно по-хорошему позавидовать.

Так же не очень заметили наш учебник и коллеги из региональных профильных вузов. Оказалось, когда их приглашали в авторский коллектив поработать, им было некогда, а потом уже некуда. Правда потом наши идеи были растиражированы и изданы хорошие работы и учебные пособия в данном ключе.

Но коллектив не успокоился. Достаточно быстро была создана команда, которая задумала написать учебник по истории Урала, и такой учебник был также вскоре подготовлен. Возглавляли авторский коллектив тот же профессор Б.В.Личман и профессор В.Д. Камынин. Здесь объединились преподаватели вузов города и института Истории и археологии УрО РАН (2; 6).

Тогда остро ощущалась необходимость в публикации региональных историй для школы. Учебник вышел в двух томах, смассой иллюстраций, методических материалов. Затем он был издан в качестве методических изданий для каждого класса средней школы (5; 7). Он полностью соответствовал требованиям. Получил рецензии и одобрения общественности. Был рекомендован в качестве пособия для всех школ Уральского региона, за исключением Свердловской области. Почему, пусть это останется на совести руководства Облоно, хотя он тогда называлось уже не так.

Тем не менее коллектив молодой кафедры истории России

Уральского государственного педагогического университета под руководством профессора Г.Е. Корнилова подготовил методические пособия для учителей по истории Урала (3; 4), особенно ценным были поурочные разработки уроков. Этот же коллектив подготовил серию программ по истории Урала для средних школ.

Развитием направления на многообразии преподавания истории стало в нашем вузе то, что читались авторские курсы. Правда, это иногда доводило до улыбки. Одна студентка рассказывала о своем преподавателе истории, который так вжился в современность, что, рассказывая об опричнине Ивана Грозного, ругал Чубуйса за его неправильную политику.

Другим направлением стало преподавание истории науки и техники на всех факультетах УГТУ-УПИ и создание новой кафедры в 1999 году. В результате появился новый курс, были написаны учебные пособия, широко известные сейчас за пределами нашего региона, находящиеся на образовательных сайтах России, Казахстана, Белоруссии и Украины (1). Появилось целое научное направление, которое в связи с последними веяниями, как и все исторические дисциплины высшей школы переживает не лучшие времена.

В связи с некоторым опытом, накопленным в преподавании истории в вузах и по вузовским учебникам в школах и техникумах, хотелось бы высказать некоторые мнения.

Во-первых, требуется пересмотр курса преподавания истории России. Опыт показывает, что для школ, техникумов и вузов должен быть официальный учебник по истории, который бы давал однозначную трактовку исторического процесса, событий и деятелей с точки зрения государства и его интересов. Не обходя негативных сторон прошлого он должен быть заострен на позитиве, учить понимать ребят почему наши предки действовали так и не иначе. Наши предки были вынуждены так действовать, а не иначе, они всегда правы и мы гордимся ими. Многоконцептуальность и плюрализм разные понятия. Многоконцептуальность разъединяет теории- логики. Каждая концепция имеет свой предмет исследования, руководствуется своей высшей ценностью, имеет свой понятийный аппарат и свою периодизацию, в соответствии с высшей ценностью делает выводы и рекомендации. Плюрализм - это единство в многообразии. При

плюрализме надо все концепции объединить и доказать, что одна из них лучшая, правильная. В многообразии ведущей всегда будет либеральная концепция. Многообразие уничтожает логику, причинно – следственные связи вызывает ситуацию, когда отсутствуют у учащихся реперные точки, что сбивает их и не создает целостной картины мира и исторического процесса. Учебник должен формировать чувство гордости за державу, а не сожаление за то, что являешься ее гражданином.

Во-вторых, для желающих могут быть открыты факультативы или исторические кружки, где при участии профессиональных историков в разных оценочных логиках рассматривались «спорные» или не слишком красивые (а могли ли быть другие?) страницы истории и не только нашей страны.

В-третьих, вся специальных факультетов (исторические, философски и политологические), наряду с официальной (либеральной) историей должна читаться и многоконцептуальная история, где должны на диспутах и коллоквиумах широко обсуждаться все в том числе для одной теории неудобные, для другой теории удобные вопросы нашей истории.

В-четвертых, и это главное, должна быть создана официальная история России и ей уделяться существенно большее внимание, чем остальным дисциплинам учебного курса. Пример Украины должен нас чему-нибудь научить. Экономия на истории приводит к тому, что там произошло, а в денежном выражении это не поддается никакому сравнению с необходимыми и возможными затратами на историческое просвещение граждан.

Существующая сейчас политика на выдавливание гуманитарных наук из учебного процесса, позволяет формировать не гражданина России, а человека, лозунг которого как у древних римлян – где хорошо, там и родина. Если нам именно это надо, то мы должны продолжать в том же духе.

Это создает проблемы с воспитанием гражданственности и патриотизма у граждан современной России. Поэтому наше руководство давно должно решить кто мы: «красивые или умные». Попытка объединить это в одном лице как-то не увенчалась пока успехом.

Получается, что мы в системе образования пропагандируем либеральную модель, направленную на то, что Россия часть мира и Европы, а в жизни, Европа выталкивает нас из своих объятий, а

кое-кто называет прямо своим врагом. Возникает вопрос о национальном самосознании. Тем более, что впервые за многие столетия Россия стала в основном русским государством. За последние тридцать лет.

Отсюда вывод совершенно однозначен и понятен: если мы хотим сохранить Россию многонациональным и независимым государством, необходимо учить ребят исторически мыслить и сравнивать; если не хотим, тогда мы делаем правильно, сокращая и выхолащивая курс истории.

Литература:

1. История науки и техники. Учебное пособие/ В.В. Запарий, А.В. Бармин, В.А. Дорошенко, Вас. В. Запарий, А.И. Кузнецов, С.А. Нефедов / под ред. проф. В.В. Запария. 4-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: УрФУ, 2014. 336. с.

2. История Урала с древнейших времен до конца XIX века / под ред. Б.В. Личмана. Екатеринбург: Издательство "СВ-96", 1998.

3. История Урала с древнейших времен до XX века: методическое пособие для учителей / под ред. проф. Г.Е. Корнилова. Екатеринбург: УрГПУ, 1999. 188 с.

4. История Урала XX века: методическое пособие для учителей / под ред. проф. Г.Е. Корнилова. Екатеринбург: УрГПУ, 1999. 166 с.

5. История Урала. XIX век Учебное пособие для 8 класса / под ред. Б.В. Личмана. Екатеринбург: Изд-во СВ-96, 1999.

6. История Урала. XX век. Учебник / под ред. Б.В. Личмана, В.Д. Камынина. Екатеринбург: Издательство «СВ-96», 1998.

7. История Урала. XX век. Учебное пособие для 9 класса / под ред. Б.В. Личмана и В.Д. Камынина. Екатеринбург: Изд-во СВ-96, 1999. 128 с.

8. Многоконцептуальная история России. Книга 1. С древнейших времен до конца XIX века. Учебное пособие/под ред.Б.В. Личмана. Екатеринбург: Изд-во «СВ-96», 2000.

9. Многоконцептуальная история России. Книга 2. Двадцатый век. Учебное пособие / под ред. Б.В. Личмана. Екатеринбург: Изд-во «СВ-96», 2001.

УДК 94(985).084.3:913(985)

ББК Д890(211)+ТЗ(2)61-2 ГСНТИ 03.09.31 Код ВАК 07.00.02

К.И. Зубков

Екатеринбург

**ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИИ ОСВОЕНИЯ СОВЕТСКОЙ
АРКТИКИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА:
ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ⁸**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Россия, СССР, Арктика, экономика, безопасность, геостратегия.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется влияние геостратегических факторов на формирование советских подходов к освоению Арктики в период между двумя мировыми войнами. Доказывается, что пространственная организация хозяйства советской Арктики и формирование ее транспортных сетей тесно сопрягалось с решением задач обеспечения безопасности страны на арктическом фланге.

K. I. Zubkov

Yekaterinburg

**THE EVOLUTION OF THE CONCEPT OF DEVELOPMENT
OF THE SOVIET ARCTIC DURING THE FIRST HALF OF
THE TWENTIETH CENTURY:
GEOSTRATEGIC ASPECT**

KEY WORDS: Russia, the USSR, Arctic, economy, security, geo-strategy.

ABSTRACT. The article analyses the influence of geo-strategic factors on formation of the Soviet approaches to the Arctic development during a period between two world wars. It is argued that the spatial organization of the Soviet Arctic's economy and the formation of its transportation

⁸ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ «Развитие Российской Арктики: советский опыт в контексте современных стратегий» (№ 15-01-00300).

networks were closely tied with solving the problems of national security on the Arctic flank.

Повышенное внимание Российской Федерации к укреплению своих стратегических позиций в зоне Арктики и переход к новому этапу ее промышленного освоения делают в высшей степени актуальным обращение к изучению советского опыта развития арктических окраин, который, несмотря на следование определенной – и теперь уже вряд ли применимой – политико-экономической модели, был отмечен целым рядом позитивных подходов и решений. Особого внимания заслуживает отличавший советский опыт освоения Арктики целостный стратегический подход, в рамках которого обеспечивался комплексный учет хозяйственных, транспортных, оборонных, политических и социально-культурных задач. Благодаря этому, уже к 1930-м гг. в СССР были достигнуты беспрецедентные по мировым меркам масштабы и темпы освоения арктических окраин. Среди важнейших факторов, влиявших на формирование советской концепции освоения Арктики и ее принципиальные изменения, следует выделить геостратегический – связанный с общим пониманием значения присутствия СССР в зоне Арктики для обеспечения безопасности страны и укрепления ее мировых позиций.

Решающими вехами, определявшими сдвиги в стратегических приоритетах освоения Арктики в первой половине XX в., были две мировые войны, поскольку именно осмысление их уроков придавало видоизменению общих подходов к арктическим проблемам императивное значение. Первая мировая война 1914–1918 гг. существенно повысила стратегическое значение российской Арктики и, как следствие, ускорила осуществление целого ряда масштабных мер по усилению арктических рубежей России.

Высказанный в 1904 г. английским географом, основателем геополитики Х.Дж. Маккиндером тезис о том, что скованные льдами большую часть года побережья российской Арктики являются естественным защитным барьером России (13. Р. 423), устарел уже в тот момент, когда был высказан. После Цусимского поражения во время русско-японской войны русское правительство обратило пристальное внимание на трассу Северного морского пути как на резервную военно-транспортную артерию (2. С. 142). В

годы Первой мировой войны маршруты через Баренцево и Белое моря стали единственным каналом связи России с союзниками по Антанте. В связи с этим в годы войны была значительно расширена пропускная способность Архангельского морского порта, построен связанный железной дорогой с Петроградом новый порт на Мурманском побережье – Романов-на-Мурмане (с апреля 1917 г. – Мурманск), значительно усилен ледокольный флот России. Опыт Карских экспедиций, стартовавших в 1870-х гг., в свою очередь, позволил поставить в практическую плоскость вопрос о превращении плаваний в устья Оби и Енисея в резервный путь переброски грузов вглубь страны; в июле 1915 г. было введено право беспошлинного провоза товаров Сибирь Северным морским путем для частных перевозчиков, были развернуты портовые изыскания в устье Енисея, положено начало созданию радио- и телеграфной связи на Севере (4. С. 56–57, 60–61). В июле 1916 г. для охраны морских перевозок от пиратских действий германских ВМС была создана Флотилия Северного Ледовитого океана, подчиненная главноначальствующему Архангельска и водного района Белого моря; в составе флотилии был создан особый Отряд судов обороны Кольского залива (3. С. 142–144). Флотилия СЛО, фактически, стала прообразом возникшего позднее советского, а ныне российского Северного флота.

Советская стратегия освоения Арктики в значительной степени унаследовала и приоритетные проблемы, с которыми было связано укрепление позиций позднеимперской России в этой зоне, и подходы к их решению. После решения в 1920-х гг. в основном задачи создания общегражданской системы управления на Севере, которая приняла здесь форму советизации туземного населения, в число приоритетных выдвинулся вопрос об использовании природных ресурсов Арктики и ее транспортно-коммуникационных возможностей в интересах экономики страны. Актуальность этой задачи возрастала по мере того, как в 1920-х гг. СССР переходил к программе строительства «социализма в одной стране» – модели развития, опирающейся на автаркически замкнутую экономику. При наблюдавшейся тогда слабости связей арктических окраин с основными промышленными центрами страны (в основном сезонные пути по крупным речным артериям) решение этой задачи должно было принимать во внимание стратегические интересы поддержания экономического

суверенитета советской России в зоне арктических побережий. Это накладывало свой отпечаток на подходы к пространственной организации экономики Севера.

С одной стороны, дореволюционный опыт Карских плаваний и установившиеся за годы Первой мировой войны морские транспортные связи российского Севера с Западной Европой были в полной мере использованы в организации советских Карских товарообменных экспедиций, обеспечивавших вывоз экспортных ресурсов (лес, пушнина, графит, сельхозпродукты и т.п.) в страны Западной Европы и доставку промышленного (в том числе машинного) импорта в различные регионы СССР (1. С. 66–73). Практика Карских экспедиций, достигших своего расцвета в последние годы НЭПа и продолжавшихся до середины 1930-х гг., не только обеспечила дополнительное «окно» возможностей для поддержания постепенно угасавших связей СССР с мировой экономикой, но и внесла решающий вклад в освоение и техническое усовершенствование трассы Северного морского пути. Освоение Севморпути, а также организация Колымских и Ленских рейсов имели громадное значение и для развития внутренних транспортных связей страны – особенно тех, которые являлись единственным способом сообщения между «большой землей» и отдаленными северными окраинами. Без развития таких связей невозможным было бы не только поддержание государственной юрисдикции СССР в зоне Арктики, но и осуществление крупных индустриальных проектов на советском Севере в 1930-е гг., поскольку от них критически зависел завоз туда оборудования, продовольствия, рабочей силы (1. С. 73, 74–76). Критическая зависимость освоения советской Арктики от развития транспортной инфраструктуры, стратегической «осью» которой являлся Северный морской путь, ярче всего выразилась в том, что созданное в 1932 г. Главное управление Северного морского пути приобрело функции многопрофильной организации, отвечавшей в определенный период за все направления хозяйственной, политической и культурной работы на Севере.

С другой стороны, опорное значение трассы Северного морского пути в освоении Арктики и обеспечении ее контактов с внешним миром четко очерчивало те максимально допустимые – без утраты стратегического контроля – пределы «открытости» советского Севера воздействию внешних факторов.

Специализированная транспортно-экономическая организация, какой являлся Главсевморпуть, оказалась достаточно эффективным инструментом для того, чтобы, обеспечивая сквозную коммуникационную связность арктических побережий СССР, одновременно поддерживать монопольный контроль над всеми навигационными подступами к этим территориям. На этом фоне вполне понятны причины, по которым дважды – в 1919 и 1931 гг. – советское руководство отвергало предложения решить проблему транспортной доступности Севера через прокладку на концессионных условиях Великого Северного железнодорожного пути (ВСП). Данный проект, выдвинутый А.А. Борисовым и В.М. Воблым и рассчитанный на участие иностранного капитала (в частности, норвежского банкира Э. Ганновека), на первой стадии реализации должен был соединить железнодорожной связью Обский бассейн с аванпортом Мурманска по линии Обь – Котлас – Сороки (с ответвлением на Котлас – Петроград). Он был преемственно связан с дореволюционными проектами – в частности, с предложениями о прокладке Полярно-Уральской железной дороги (1906 г.), Обдорской железной дороги (до мыса Медынский Заворот в Хайпудырской губе) (1913 г.), Обь-Беломорской железной дороги (1913–1914 гг.), но в новых – советских – условиях был признан нецелесообразным (9. С. 94–95). Экономические аргументы, выдвигавшиеся против этого проекта, не были лишены оснований и сводились к тому, что прокладка любых широтных железных дорог на Севере теряла свою целесообразность в силу отсутствия каких-либо экономических связей между его отдельными региональными сегментами. В связи с этим считалось, что единственный вид сложившихся и перспективных связей, которые могли бы способствовать вовлечению северных ресурсов в народнохозяйственный оборот, – это меридиональные пути сообщения, ведущие из экономически развитых регионов России к местам разработки природных богатств Севера. Другой причиной отклонения проекта ВСП были опасения геополитического свойства. Проектируемая магистраль, дублирующая трассу Северного морского пути (тем более в виде концессионного проекта), как считалось, могла иметь своим результатом лишь усиление связей советского Севера с мировым капиталистическим рынком. Основаниями для таких опасений были, во-первых, слабость связей Севера с основной территорией

страны, во-вторых, наблюдавшаяся в период повышенной НЭПа активность иностранным предпринимателей на слабо поддающихся политическому контролю северных территориях.

Вследствие этого, советская концепция освоения Арктики, формировавшаяся в 1920-х – 1930-х гг., исходила из необходимости дополнения широтной транспортной функции Севморпути преимущественно меридиональными направлениями транспортных связей, соединявших Север с «большой землей», однако в условиях нехватки капиталовложений это предполагало самые «дешевые» варианты решений – усиление действующих путей сообщения (автомобильных, железнодорожных, водных) с отдельными промышленными площадками Севера или достройку таковых по мере разработки топливных и рудных месторождений в северных широтах. Фактически же, в условиях дефицита капиталовложений это означало продолжение опоры на использование для связи с Севером естественных водных магистралей (5. С. 26). Это неизбежно обуславливало «очаговый» характер реализуемых в северных широтах крупных индустриальных проектов (освоение Хибин, Воркутинский угольный бассейн, Норильский горнопромышленный узел, колымский Дальстрой и др.), при котором доставка на Север всего необходимого оставалась сложной проблемой, а стремление к минимизации связанных с этим повышенных затрат заставляло прибегать к широкой практике использования принудительного труда.

На пересмотр этой концепции освоения Арктики существенно повлиял опыт Великой Отечественной войны. В период войны военное, коммуникационное и экономическое значение Арктики многократно возросло. В рамках «большой стратегии» союзников по антигитлеровской коалиции Арктика стала важнейшим каналом доставки вооружения и военных материалов по ленд-лизу в борющийся Советский Союз из Великобритании и США. Критическими зонами обороны Арктики от противника стали участки входа в арктические воды из Атлантического и Тихого океанов – незамерзающий морской путь от Гренландии и Исландии до Мурманска и Архангельска на западе и маршрут сезонной навигации с Западного побережья США через Берингов пролив на Северо-Восток СССР – на восточной оконечности (15. Р. 46, 48). За годы войны в Мурманск и Архангельск был проведен 41 союзный

конвой в составе 738 транспортов, для охранения которых было задействовано 573 боевых корабля союзников, а в зоне действий Северного флота сделано 548 выходов боевых кораблей. Всего в Архангельск и Мурманск было доставлено 4,2 млн. т грузов. В обратном направлении отбыли 36 конвоев в составе 726 транспортов, на которых из СССР было отправлено около 1,5 млн. т экспортных грузов (8. С. 14–15). Через Берингов пролив в порты арктического побережья Восточной Сибири и Дальнего Востока (в основном в Бухту Провидения, Певек, Амбарчик, Тикси, устья Хатанги и Енисея) за годы войны было доставлено по Севморпути, по данным Т. Армстронга, 452 тыс. т грузов из США (11. Р. 123), по данным Р. Джонса, более 506 тыс. т (12. Р. 211).

Резко возросло значение Арктики для внутренней организации оборонных усилий СССР. Активно осваивавшаяся в 1930-х гг. трасса Северного морского пути, проходящего вдоль арктического побережья СССР, стала стратегической транспортной артерией, связывавшей Европейскую часть страны с Сибирью и Дальним Востоком. Для нужд оборонной промышленности и фронта по Севморпути двигались на запад суда с углем, никелем, медью, продовольствием, лесом. В обратном направлении – с запада на восток – по нему осуществлялось снабжение необходимыми ресурсами отдаленных северных территорий, расположенных в устьях великих сибирских рек. В связи с перегруженностью Транссиба, Северный морской путь зачастую был единственной «дорогой жизни», связывавшей районы Северной Сибири со страной. По Севморпути, начиная с 1936 г., в рамках Экспедиций особого назначения (ЭОН) осуществлялась также проводка боевых кораблей из Тихого океана в Баренцево море. В 1942 г. с Тихого океана на Северный флот была переведена группа кораблей (лидер «Баку» эсминцы «Разумный» и «Разъяренный») (10).

Однако опыт функционирования Севморпути в годы войны отчетливо показал и стратегическую уязвимость этой трассы, а вместе с тем и недостаточность ее инфраструктуры для удержания стратегического контроля над Севером. Предпринятая в августе 1942 г. германскими ВМС операция «Вундерланд», связанная с попыткой захвата Диксона командой «карманного» линкора «Адмирал Шеер» и с пиратскими действиями на трассе Севморпути группы германских подводных лодок, хотя и не достигла запланированных целей (6. С. 246–248), показала, что

арктическое побережье СССР не имело серьезной системы обороны и нуждалось в усилении своего не только военного, но и транспортно-экономического потенциала. Активность подводных лодок противника, постановка ими мин на самых оживленных участках трассы Севморпути продолжались до 1945 г. В условиях изолированности отдельных промышленных районов Севера и возросшего риска проводки судов по Севморпути резко осложнились проблемы доставки стратегически важной продукции северных предприятий на «большую землю». Например, в 1942 г. для вывоза никеля из Норильска пришлось даже неоднократно задействовать бомбардировочную авиацию (7. С. 328). Война наглядно показала возросшую необходимость усиления магистральных транспортных связей в районах Севера. Стремление усилить транспортный потенциал Арктики уже после войны дало толчок ряду крупных советских проектов, в том числе строительству железной дороги Чум – Салехард – Игарка (14. Р. 49–51).

Война также сообщила и совершенно новое измерение проблеме безопасности советской Арктики. В годы войны усилилось ее авиационное освоение и использование в качестве региона, через который пролегалла система кратчайших маршрутов, связывающих союзников по антигитлеровской коалиции. Американский теоретик «воздушной войны», бывший офицер-авиатор русской царской армии Александр де Северский (Прокофьев) в 1942 г. отмечал, что в условиях войны, когда США и СССР отделены друг от друга зонами стратегического контроля Германии и Японии, именно в Арктике должна была сложиться «круговая диспозиция силы», способная обеспечить прямое стратегическое взаимодействие союзников, особенно с использованием авиации. По мнению известного авиатора, это стало во многом возможным благодаря героическим перелетам советских летчиков из СССР в Америку через Северный полюс в конце 1930-х гг. (17. Р. 15, 304). Одним из примеров такого взаимодействия союзников стало открытие в августе 1942 г. перегонного авиамаршрута через Аляску, Чукотку и Сибирь (АЛСИБ), по которому в СССР из США по воздуху перегонялись поставляемые по ленд-лизу боевые самолеты. Наиболее трудным участком воздушной трассы был арктический, проходивший через Уайтхорс – Фэрбенкс – Ном – Сеймчан – Якутск. Снабжение его

аэродромов и других наземных служб потребовало сложной логистической операции – организации регулярной доставки военных материалов и авиационного горючего советскими судами (из них значительная часть – переданные в советский регистр американские грузовые пароходы и танкеры) из США через Берингов пролив в Амбарчик (в устье Колымы) и Тикси (в устье Лены). Через АЛСИБ с начала открытия до июля 1945 г. Советский Союз получил 7925 военных самолетов из 14203, доставленных всего за годы войны по ленд-лизу (12. Р. 211, 212–213).

Опыт полярных перелетов, приобретенный советскими и американскими летчиками в годы войны, имел долговременные стратегические последствия. В период «холодной войны», когда СССР и США из союзников превратились в глобальных противников, значение Арктической зоны было быстро переосмыслено в другой стратегической «системе координат»: из пространства сотрудничества она превратилась в еще один фронт прямого противостояния сверхдержав. Де Северский, как сторонник превращения дальней стратегической авиации в главную ударную силу военных конфликтов, в одной из позднейших своих работ доказывал, что Арктика, как кратчайший воздушный «мост» между Евразией и Америкой, где максимальные радиусы действия дальних бомбардировщиков СССР и США перекрывают друг друга, объективно превращается в зону напряженного военного соперничества СССР и США (16. Р. 81). Возникновение в советской Арктике нового фронта «холодной войны» послужило дополнительным аргументом в пользу необходимости нового – фронтального – подхода к усилению ее военной и транспортно-экономической инфраструктуры.

Литература:

1. Арикайнен А.И. Транспортная артерия Советской Арктики. – М.: Наука, 1984. 192 с
2. Боднарский М.С. Великий Северный морской путь: историко-географический очерк открытия Северо-восточного прохода. М.; Л.: Государственное издательство, 1926. – 251 с.
3. Залесский Н.А. Флот Русского Севера в годы первой мировой и гражданской войн // Летопись Севера. Т. VI. М.: Мысль, 1972. С. 130–161.
4. Зубков К.И. Влияние Первой мировой войны на освоение российской Арктики // К 100-летию Первой мировой войны: война,

социум, международные отношения: [материалы международной научной конференции (Екатеринбург, 24–26 апреля 2014 г.)]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 56–62.

5. Зубков К.И. Проблема связей «Север – Юг» в развитии Урала и Сибири на рубеже XIX – XX вв.: экономика и геополитика // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: материалы IX Всероссийской научной конференции, посвященной 85-летию д.и.н., проф. А.В. Бакунина, Екатеринбург, 8 – 9 октября 2009 г.: в 2 т. Т. 1. Екатеринбург: Издательский дом «Автограф», 2009. С. 22–27.

6. История Ямала: в 2-х томах. – Т. II. Ямал современный. Кн. 1. У истоков модернизации / Под ред. К.И. Зубкова и др. Екатеринбург: Изд-во «Баско», 2010. 368 с.

7. Новицкий-Михалев С.М. Норильские плавки // Кузница Победы. Подвиг тыла в годы Великой Отечественной войны. Очерки и воспоминания. – Изд. 2-е. И.: Политиздат, 1980. С. 328–337.

8. Пузырев В.П. Боевое содружество на Севере // Северные конвои: Исследования, воспоминания, документы. Вып. 2. М.: Наука, 1994. С. 4–16.

9. Славин С.В. Формирование концепции освоения Севера во втором пятилетнем плане // Летопись Севера. Т. IX. М.: Мысль, 1979. С. 92–107.

10. Шидловский М.И. Сквозь льды и шторма (переход ЭОН-18) / Альманах «Тайфун». 1999. № 2. [Электронный ресурс]: <http://www.polarpost.ru/forum/viewtopic.php?f=71&1=4124>

11. Armstrong, Terence E. Northern Sea Route: Soviet Exploitation of the North East Passage. – Cambridge: Cambridge University Press, 1952. – xiii, 162 pp. – (Scott Polar Research Institute, special publication No. 1).

12. Jones, Robert Huhn. The Roads to Russia. United States Lend-Lease to the Soviet Union. – Norman (Oklahoma): University of Oklahoma Press, 1969. xix, 326 pp.

13. Mackinder, Halford J. The Geographical Pivot of History // The Geographical Journal. 1904, April. Vol. XXIII, No. 4. P. 421–437.

14. Mildenerberger, Florian. Mertvaya Doroga – a railroad as the backbone of Soviet defence in the Arctic, 1943–54 // Polar Record. 2001. Vol. 37, No. 200. P. 49–54.

15. Mowrer, E.A. and Rajchman, M. Global War: An Atlas of World Strategy. L.: Faber & Faber, Ltd., 1942. 128 pp.

16. Seversky, Alexander P. de. Air Power: Key to Survival. With a Prologue on the Lesson of Korea. N.Y.: Simon and Schuster, 1950. 376 pp.

17. Seversky, Alexander P. de. Victory Through Air Power. N.Y.: Simon and Schuster, 1942. x, 354 pp.

М.И. Кондрашева, В.М. Пряхин

Екатеринбург

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ: ОТ ПОКОЛЕНИЯ К ПОКОЛЕНИЮ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: исторический опыт, историческая память, исследовательский проект студентов, предшествующие поколения, сохранение.

АННОТАЦИЯ. В статье речь идет о системе исторического образования в Уральском государственном юридическом университете. Исследовательские проекты студентов направлены на сохранение исторической памяти и исторического опыта предшествующих поколений.

M.I. Kondrasheva, V.M. Pryakhin

Yekaterinburg

HISTORICAL EXPERIENCE: FROM GENERATION TO GENERATION

KEY WORDS: historical experience, historical memory, students' research project, preceding generations, preservation.

ABSTRACT. The article deals with the system of history education in the Ural State Law University. Students' research projects are focused on preserving the historical memory and historical experience of the preceding generations.

Павел Петрович Бажов, описывая в своем знаменитом произведении «Малахитовая шкатулка» уникальный труд каслинских мастеров, так выразился: «Работа - она штука долговекая» (З. С. 92). История тоже штука долговекая и требует бережного, осторожного к себе отношения. Зыбок исторический опыт человека, как зыбок его быт в различные исторические эпохи, не исключая и бурного 20-го века. Необычайно сжат наш исторический опыт, этот беспристрастный отпечаток жизни многих поколений. К сожалению, сегодня приходится констатировать, в силу известных и часто перечисляемых причин, серьезный разрыв связей разных поколений.

Жизнь одного поколения – это уже история, разрыв связей между историческими поколениями противоестествен, антиисторичен. В подтверждение данного тезиса стоит провести параллель о пагубном, противоестественном характере разрушения связей между разными поколениями одной семьи, свидетелями которого были не единожды российские жители за последние сто лет. Авторский взгляд на проблему: семья является хранителем истории, исторического опыта. В связи с этим подчеркнем интересные мысли, высказанные в публикации одного зарубежного исследователя. Автор упомянутой публикации пишет об обобщенных эмпирическим путем подходах к изучению природы исторической зависимости поколений и подробно останавливается на связи исторических поколений со сменой поколений в рамках одной семьи (1. С. 5681). На основе наблюдений сделан вывод о том, что природные факторы развития определенных связей и зависимостей различаются от поколения к поколению. Мы не можем отталкиваться, так у этого исследователя, ни от какой-либо определенной фазы в жизни поколения, пусть даже его образующей, ни от определенного опыта или деструктивных процессов, ни от той роли, которую играют поколения отцов и дедов. Каждое поколение уникальное. И если для одного поколения характерны внутрисемейные отношения между поколениями, то для другого – не семейный, внешний опыт. Воспитатели и историки в процессе исторического образования могут воспользоваться предложенной концепцией оценки поколений.

На наш взгляд, только объединенные усилия социологов, историков и представителей других гуманитарных наук, и, в частности, литературоведческих и лингвистических дисциплин, смогут обеспечить культуроведческую составляющую исторического образования по вопросу взаимопонимания между разными поколениями и преодоления границ между информационным и культурным пространством этих поколений. В дидактический и содержательный арсенал вышеупомянутых представителей вузовского образования входят испытанные и проверенные временем литературные источники, “устные истории”, воспитательные проекты.

В центре научного интереса междисциплинарных исследовательских проектов – вопрос передачи исторического опыта от поколения к поколению со всеми достижениями и

“узкими местами”. Цель подобных проектов – не только усвоение культурного (исторического) наследия и развитие навыков благодарных пользователей культурным (историческим) опытом, но и умение работать в разновозрастном исследовательском коллективе.

Исследователи все чаще склонны толковать понятие “поколение” с процессной точки зрения как сжатие исторического опыта, по которому в конечном итоге мы узнаем это поколение и который множит его опыт как процесс (2. S.19).

Достойное место в презентациях междисциплинарных исследовательских проектов занимает тема патриотизма. Тем самым затрагивается один из существеннейших факторов самоидентификации старших поколений. Литературоведческие исследования обращаются к теме патриотический роман как любимый жанр предшествующих поколений (В. Катаев «Время, вперед!», 1932 г.; Н. Островский «Как закалялась сталь», 1935 г.; А. Фадеев «Молодая гвардия», 1947 г.).

В задачу вышеупомянутых исследовательских проектов по праву входит восполнение частичных, отрывочных сведений о предшествующих поколениях сверстников (к примеру, студентов родного высшего учебного заведения) с тем, чтобы оценить вклад старших поколений в историческое наследие Отчизны и подчеркнуть их роль в общественном развитии и конкретные заслуги каждого поколения в истории России. Это тем более важно, поскольку в современной России, в стремлении как можно скорее забыть недавнее тоталитарное прошлое, вымываются святыне для нас всех понятия и ценности: любовь к Родине, совесть, естественный стыд, уважение к старшим, семья. И не только забыты предшествующие поколения, подвергнута эрозии наша веками формируемая российская идентичность. Процесс, который имеет прямое отношение к теме сохранения внутреннего, духовного единения общества, исторической памяти и исторического опыта народа.

В фокусе времени - наша активная позиция по теме. В процессе исторического образования, процессном понимании термина *поколение* мы видим прежде всего замечательный повод для актуальной научной дискуссии, для оценки современного состояния воспитания и обучения истории и перспектив их развития.

О создании системы сохранения и передачи исторического опыта свидетельствует факт осуществления междисциплинарного исследовательского проекта в контексте современного отечественного образования в Уральском государственном юридическом университете.

Вершиной проекта послужил «круглый стол» 19 мая 2015 г., посвященный 70-летию Победы. Результат проекта, который стал одним из серии ему подобных, - «Книга памяти Свердловского юридического института-Уральской государственной юридической академии-Уральского государственного юридического университета». В его рамках студенты-исследователи Института юстиции представили научный отчет о работе в кружке СНО по истории государства и права России, с элементами музейного и архивного дела. В центре внимания оказалась сама Книга памяти СЮИ-УрГЮА-УрГЮУ.

Работа над проектом велась весь 2014/2015 учебный год как продолжение большого исследования, направленного на изучение документальной биографии вуза и составление его летописи. В первом выпуске Книги представлены биографические сведения о студентах СЮИ – участниках Великой Отечественной войны, завершивших свое обучение в 1949 году. Это первый послевоенный выпуск, выпуск Сергея Сергеевича Алексева, ставшего впоследствии выдающимся правоведом, ученым с мировым именем, самым известным ученым нашего вуза, членом-корреспондентом Российской академии наук. Исследователями было выявлено 98 фронтовиков, часть из которых в 1949 году была отчислена из института по разным причинам – учиться в послевоенные годы было отнюдь нелегко. Помимо С. С. Алексева в исследованном выпуске оказались известные впоследствии профессора СЮИ – А. Ф. Козлов и А. А. Забелышенский. В коротких биографических очерках отражалось участие героев Книги в войне; все сведения были почерпнуты из документов, хранящихся в архиве УрГЮУ. Его сотрудники – Н.С. Елисова и А. В. Попова были активными участниками создания Книги. Работа шла под их организационным и методическим руководством, но авторами очерков, разработчиками дизайна и макета, литературными редакторами Книги стали сами студенты-исследователи.

Работу «круглого стола» открыла директор музея вуза доцент

Н.Н. Зипунникова, идейный вдохновитель и душа исследовательского коллектива. От имени руководства университета и института юстиции его участников приветствовал директор института М. В. Гончаров, выпускник данного вуза, воспринявший его славные традиции. От имени Совета ветеранов университета выступила профессор М.И. Кондрашева, историк современной генерации, видный исследователь в области интеллигентоведения.

Отчет студентов-исследователей был построен по сюжетно-тематическим блокам. Вниманию участников и гостей форума на одном из экранов была представлена интерактивная карта фронтов Великой Отечественной войны, в боях на которых принимали участие герои Книги Памяти; малые группы исследователей сообщали краткие сведения о них. С помощью второго экрана были представлены сюжеты о студентах СЮИ, погибших на фронтах войны, о героях Книги – участниках памятных битв, о выпускниках СЮИ 1949 г., ставших преподавателями, учеными. Демонстрировались также данные о наградах (орденах и медалях) участников войны, завершивших свое обучение в институте в 1949 году. Научные блоки дополняли творческие выступления студентов-исследователей, что придало встрече, посвященной Памяти Подвига, незабываемую атмосферу. Разговор о ценности мира, человеческой жизни, возможности заниматься любимым делом, учиться в вузе, осваивая будущую профессию, получился особенно искренним, запоминающимся.

В своем заключительном выступлении студенты-исследователи поделились впечатлениями о музейно-архивной работе, обратили внимание всех присутствующих на значимость изучения вузовских традиций, сохранении исторической памяти, исторического опыта. В своем выступлении начинающая студентка-исследовательница поддержала профессор кафедры истории государства и права УрГЮУ Т.М. Баженова.

Украшением научного мероприятия стала тематическая выставка архивных документов и музейных экспонатов, часть из которых использовалась при подготовке Книги Памяти.

Заслуживают оглашения имена студентов-исследователей института юстиции УрГЮУ, принявших участие в работе над Книгой Памяти: Анна Алексеева, Ульяна Батуева, Елизавета Белова, Анастасия Бырина, Александр Ванжилов, Георгий

Выборов, Сергей Енгоян, Кристина Колтайс, Анастасия Коробицина, Кристина Кравчукова, Георгий Краснов (литературный редактор), Александр Осинский, Виктор Павлов, Дарья Полянская, Всеволод Прожерин, Анастасия Савина, Оганес Степанян, Маргарита Филиппова, Анастасия Флорина, Андрей Фролов, Владислав Харламов (дизайн и компьютерная верстка), Ксения Харченко, Зоригто Цыремпилов, Айсулу Чулунова, Константин Шакиров, Дмитрий Шевченко, Яна Южно (4. С. 5475).

Перед лицом угрожающего забвения предшествующих поколений, варварского отношения к их историческому опыту, снисходительного, а порой и пренебрежительного восприятия возраста проекты, подобные приведенному в данной статье, должны получить всеобщую поддержку, как историческое будущее отечественного образования. Культура исторического образования и воспитания должна рассматривать такие исследовательские проекты как основу для встречи и политических дискуссий поколений.

Литература:

1. URL: <http://www.ssoar.info/ssoar/handle/document/5681> Rosenthal, Gabriele. Historische und familiale Generationenabfolge (дата обращения 25 .02.2016).
2. Kraft, Andreas; Weißhaupt, Mark (Hg). Generationen: Erfahrung – Erzählung – Identität (Historische Kulturwissenschaft) [Text] / Andreas Kraft. - Verlag: UVK Verlagsgesellschaft mbH: 1. Auflage (9. Dezember 2009).
3. Халтурина, М.Л. ... Штука долговекая [Текст] / М.Л. Халтурина // Каслинский альманах. – 2006. - №2. – С. 92.
4. URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=3144&cid=3144&obid=5475> (дата обращения 25 .02.2016).

УДК 94(470.5).08

ББК Т3(235.55)53-2 ГСНТИ 03.09.31 Код ВАК 07.00.03

Г.Е. Корнилов

Екатеринбург

**КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ИСТОРИИ
ГОЛОДОВОК НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА В КОНЦЕ
XIX – СЕРЕДИНЕ XX В.: НАПРАВЛЕНИЯ
ИЗУЧЕНИЯ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: голод населения, голодовки, модернизация, трансформация, Урал.

АННОТАЦИЯ. История голод населения – наиболее сложно-структурированная тема. Голод населения возник в результате множества причин, он вбирал в себя итоги экономического, социально-политического, демографического, культурного развития и состояние общества в конкретный момент истории. Автор предлагает проведение компаративного анализа голодовок населения в конце XIX– первой половине XX в. на материалах одного из регионов – Урала, подвергшегося в это время мощным трансформациям.

G.E. Kornilov

Yekaterinburg

**COMPARATIVE ANALYSIS OF THE HISTORY OF HUNGER
STRIKES OF THE POPULATION OF THE URALS IN THE
LATE NINETEENTH CENTRY – THE MIDDLE OF THE
TWENTIETH CENTURY, AND THE DIRECTION OF TFE
STUDY**

KEY WORDS: hungry population, hunger, modernization, transformation, Ural.

ABSTRACT. The history of the population of the famine - the most difficult-strukturivannaya topic. Hunger population arose as a result of a variety of reasons, it incorporates the results of the economic, socio-political, demographic, cultural development and the state of society at a particular moment in history. The author offers a comparative analysis of the population holding hunger strikes in the late XIX - early XX century. on

materials of one of the regions - the Urals, exposed at this time of powerful transformations.

Исследования истории голодовок населения России имеют многолетнюю традицию. Особенно активизировалось изучение темы после публикации статьи В.П. Данилова, в которой он проанализировал зарубежную историографию о демографических потерях в СССР в результате голода 1932 – 1933 гг. (6) Оно проявилось в издании сборников документов по теме (1; 2; 3; 4; 5), выходе многочисленных научных исследований (7; 8; 9), обобщению и анализе процесса накопления знаний по теме (11). Исследования последней четверти века по истории голода в СССР/России начала 1930-х гг. были одной из наиболее активно изучаемых тем в отечественной и зарубежной историографии.

Однако, исследование других голодовок в истории страны остались в тени. Попытка активизации этой темы была предпринята на конференции «Голодовки в истории России XVIII – XX веков» (Оренбург, 2013). Материалы конференции свидетельствовали, что наиболее изученными оказались 1891 – 1892, 1921 – 1922, 1932 – 1933 голодные годы. Таким образом, исследования проводились наиболее масштабных голодовок населения с миллионными человеческими жертвами.

Анализ историографии темы показывает, что дальнейшие интенсивные исследования могут проводиться на материалах отдельных регионов страны, где могут быть учтены географо-экономические условия, социально-культурные, этнические отношения, демографическая ситуация. И второе, на материалах регионов возможно проведение наиболее эффективных компаративных исследований голодовок населения в первой половине XX века, поскольку большая часть исторических источников по теме отложилась в местных архивах. Эта идея была высказана на оренбургской конференции (10).

Методологической основой исследования, как наиболее точной для исследования истории голода населения, может выступать теория модернизации и ее конкретизация в авторской концепции «аграрного перехода». Все исследования голодовок в основном описывали страшные события в деревне, вызванные голодом. Историки пытались выяснить основные факторы и причины, которые приводили к голоду. Тем не менее интенсивность повторения голодовок населения приводит к выводу о том, что они

возникали независимо от существующего общественно-политического строя. Скорее всего причинами были процессы модернизации страны, которые охватывали все сферы жизни общества. Периоды наиболее интенсивных трансформаций в стране (экономических, политических и прочих) приводили к голодным катаклизмам.

Следующий методологический момент, который необходимо учитывать при компаративном анализе, это – продовольственное дело, или продовольственная безопасность, продовольственная ситуация в тот или иной период. Пороговые значения продовольственной безопасности (величины продовольствия необходимого для функционирования человеческого организма, несоблюдение значений которых препятствует нормальному ходу различных элементов воспроизводства населения). Приближение их к предельно допустимой величине всегда свидетельствовало о нарастании угроз социально-экономической стабильности общества, а превышение пороговых значений – о вступлении общества в зону нестабильности и социальных конфликтов. Изучение продовольственных кризисов позволило выявить уровни продовольственной безопасности: 1. Нормальная; 2. Предкризисная; 3. Кризисная (угрожающая стадия, чрезвычайная стадия).

Изучение отечественной и зарубежной историографии по теме проекта показало, что наиболее исследованной оказалась история голода населения Урала 1921-1922 гг., 1932-1933 гг., имеются фрагментарные исследования по истории голодовок конца XIX – начала XX вв. (1891-1892, 1911-1912 гг.), другие голодовки населения региона (1936-1937, 1946-1947, 1951-1953 гг.) практически не изучались и не нашли отражение в историографии.

Систематизация архивных и опубликованных документов, разработки отечественных и зарубежных историков позволяют выявить основные структурные элементы проблемы.

1. Основные показатели продовольственной стабильности общества:

- Величина запасов зерна, позволяющая нейтрализовать дестабилизирующие факторы (стихийные бедствия, неурожаи);

- Душевое производство зерна.

2. Причины и факторы голодовок населения:

- Уровень аграрного состояния региона;

- Уровень продовольственного обеспечения населения;
 - Субъективные факторы (аграрная политика и методы ее осуществления, объем заготовок и методы заготовительных кампаний);
 - Смена хозяйственного уклада деревни в процессе модернизации;
 - Неблагоприятные для сельского хозяйства природно-климатические условия;
3. Определитель голода:
- Количество недоедающих, доля населения, испытывающая недостаток питания;
 - Смертность детей, в том числе в возрасте до 1 года;
 - Сверхсмертность населения, или избыточное количество умерших;
4. Определение термина «голод»:
- Голод – это социальное бедствие, обусловленное недостатком питания;
 - Голодание – состояние организма, вызванное недостаточным поступлением веществ, необходимых для поддержания гомеостаза;
 - Массовый голод – социальное бедствие, вызванное длительной нехваткой продовольствия и приводящее к массовой гибели людей на определенной территории;
5. Стадии голодовок:
- Предкризисное состояние с продовольствием;
 - Переход ситуации с продовольствием в угрожающую стадию кризиса;
 - Переход угрожающей стадии кризиса в чрезвычайную;
 - Полномасштабная катастрофа (чрезвычайная стадия);
6. Периодичность голодовок населения на Урале: 1891-92; 1900-01; 1905-06; 1911-12; 1921-22; 1932-33; 1936-37; 1942-43; 1946-47; 1951-53 гг. Эти 10 голодовок на Урале были сконцентрированы в конце XIX – середине XX века, когда регион осуществлял модернизационный рывок (переход от традиционного к индустриальному обществу). Процессы модернизации в регионе носили неравномерный, многоступенчатый характер, они охватывали практически все сферы жизни регионального сообщества. Аграрная сфера крайне медленно трансформировалась, сельское хозяйство не успевало обеспечивать население необходимыми продуктами, а промышленность –

сырьем. Климатические катаклизмы (засухи, заморозки) приводили к недороду хлебов, а изъятие зерна у крестьян государством приводило к голоду сельского населения.

7. География голодовок. Пермская губерния до 1917 г. была третьей по территории в Российской империи, затем на протяжении исследуемого периода происходили административно-территориальные изменения на Урале (1923-1934 гг. – Уральская область, в 1934-1938 гг. – Свердловская область, из её состава в 1938 г. выделилась Пермская (Молотовская) область). Все территориальные изменения необходимо было учитывать для получения сопоставимых показателей сельского хозяйства, демографических данных. В ходе исследования выявлено, что территориально голод охватывал практически все население региона три раза: в 1891-92 гг., 1921-1922 гг. и 1932-1933 гг.; в остальные – чаще всего голод охватывал сельское население южных сельскохозяйственных районов Пермской и Свердловской областей.

8. Масштабы голодовок. По классификации форм голода, предложенной П.А. Сорокиным в 1922 г., выделяются две основные формы голодания – дефицитное и сравнительное. В современной историографии используется понятие «латентного голода», включающее хроническое недоедание, белковое и витаминное голодание. Использование методики П.А. Сорокина позволило реконструировать исторические голодовки, в частности, масштабы голода. Региональная специфика голода была обусловлена его проявлениями в абсолютной и латентной формах, временными и территориальными границами, последствиями для населения и экономики.

9. Последствия голодовки:

- Демографические;
- Экономические;
- Социальные;
- Политические.

Анализ исторических источников и научной литературы позволяет сделать вывод о том, что компаративные исследования голодовок в длительной исторической ретроспективе возможны на материалах одного региона. Хронологически исследование охватывает конец XIX – середину XX века, когда на фоне модернизации региона, аграрного перехода периодически

вспыхивали голодовки населения, большей частью затрагивавшие сельское население. Формировавшаяся система продовольственной безопасности не справлялась с задачей обеспечения населения продовольствием в чрезвычайных ситуациях. Завершение первого этапа модернизации связано с первой фазой аграрного перехода. На второй фазе аграрные кризисы, сокращение производства сельскохозяйственной продукции наблюдались неоднократно, однако они не приводили к голоду населения, сформировавшаяся система продовольственной безопасности микшировала кризисную ситуацию и не допускала развития кризиса до чрезвычайной фазы.

Практически неисследованной оказались голодовка сельского населения Урала во второй половине 1936 – первой половине 1937 г., 1946 – 1947 гг., 1951 – 1953 гг.

Изучение второго за 1930-е годы аграрного кризиса показало, голод получил распространение только в ряде сельских районов области, в городской местности Свердловской области он носил скрытый характер и не привел к массовым человеческим жертвам. Засуха лета 1936 г. не была единственным фактором неурожая. Несмотря на крайне низкий урожай хлебов, местные власти все силы направили на выполнение любой ценой планов хлебозаготовок (обязательных поставок, натуроплаты МТС, возврат семенных ссуд). Продовольственные затруднения, которые фиксировались уже в октябре-ноябре 1936 г., усиливались жестким нежеланием партийно-советских органов снижать безвозмездные хлебозаготовительные планы. Несмотря на мощное давление, планы хлебозаготовок выполнили только 6 из 67 районов Свердловской области. Ситуация осенью-зимой 1936 г. усугубилась эпизоотией колхозного животноводства, охватившей треть районов.

В этих условиях продовольственное обеспечение колхозников резко ухудшилось. Средняя выдача зерна на трудодни по итогам 1936 г. составила менее 1 кг на трудодень, что было на уровне 1932 г. Часть колхозов вообще не распределяли зерно по трудодням. В этих колхозах голод начался уже в ноябре-декабре 1936 г.

Исторические источники, выявленные в архивах, позволили выделить следующие фазы продовольственного кризиса, перешедшего в голодовку сельского населения: 1-я фаза (вхождение в кризис): август-сентябрь 1936 г. – предкризисное состояние с продовольствием. На этой фазе возможна была

корректировка налогово-заготовительной политики, прекращение изъятия зерна из колхозов; 2-я фаза (угрожающая стадия): октябрь-ноябрь 1936 г. – переход ситуации с продовольствием в угрожающую стадию кризиса. На этой стадии необходимо было осуществлять меры государственной продовольственной помощи колхозникам. 3-я фаза (чрезвычайная): 1) декабрь 1936 г. – апрель 1937 г. – переход угрожающей стадии кризиса в чрезвычайную. Населению требовалась уже не только продовольственная помощь государства, но и медикаментозная, поскольку фиксировались первые смерти от голода, увеличивалось количество больных безбелковыми отеками, распространялись заразные инфекционные болезни. 2) апрель-июнь 1937 г. – полномасштабная катастрофа, которая характеризовалась ростом эпидемических заболеваний, повышенной смертностью населения. Остановить её позволила не только государственная продовольственная помощь, но и активная деятельность учреждений здравоохранения. Эта помощь государства в виде продовольственных ссуд пришла с большим опозданием.

На фоне голода разразился демографический кризис. Данные статистики ЗАГСов позволили рассчитать избыточную смертность населения Свердловской области, которая составила за 1936–1937 гг. 48 тыс. человек. Полномасштабная катастрофа разразилась в Коми-Пермяцком национальном округе, где отрицательный прирост населения фиксировался весной – в начале лета 1937 г.

Поиск виноватых в развернувшейся трагедии начался только летом 1937 г., когда виды на новый урожай были хорошими. Результаты этого поиска вылились, с одной стороны, в открытые судебные процессы «над врагами колхозного строя» (их по области было организовано 11), а, с другой – в выполнении приказа НКВД СССР № 00447.

Власть не сделала вывода о том, что оформившаяся колхозная система не справляется с поставленными задачами, а в условиях изъятия значительной части произведенной продукции не может обеспечить минимума необходимых для колхозников продуктов питания. «Временные продовольственные затруднения», так назывались чиновниками трагические события с середины 1936 г. до середины 1937 г., не повторили своими масштабами голодную трагедию 1932-1933 гг. Этот голод носил в основном скрытый (латентный) характер. Государство оказало помощь селу, колхозы

получили зерновые ссуды из государственных резервов. В тех местах, где эта помощь оказалась недостаточной и несвоевременной, разразилась страшная трагедия. Только высокий урожай 1937 г. позволил выйти их голодной катастрофы.

Сравнение этой голодовки с другими голодовками конца XIX – первой трети XX в. показало, что аграрная политика сталинского режима сохраняла преемственность с досоветской практикой взаимоотношений государства и крестьянства – изъятие максимально возможного количества сельскохозяйственной продукции, что в условиях неурожая вело к голодовкам и повышенной смертности населения.

Источники:

1. Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала. 1928-1934. Документ и материалы / Составители Е.Ю. Баранов, Г.Е. Корнилов. Оренбург, 2005.

2. Голод в СССР. 1929-1934. Документы и материалы. В 3-х томах 4-х книгах под общей редакцией В.В. Кондрашина. Т.1. Кн. 1. М., 2011; Т.1. Кн. 2. М., 2011; Т.2. М., 2012; Т.3. М., 2013.

3. Колхозная жизнь на Урале. 1935-1936 / Составители Х. Кесслер, Г.Е. Корнилов. М., 2006.

4. Продовольственная безопасность Урала в XX веке. Документы и материалы / Под ред. Г.Е. Корнилова, В.В. Маслакова. Т. 1, 2. Екатеринбург, 2000.

5. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939; Документы и материалы. В 5-ти тт. / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. Т. 4. 1934-1936. М., 2002; Т. 5. Кн. 1. М., 2006.

Литература:

6. Данилов В.П. Дискуссия в западной прессе о голоде 1932 – 1933 гг. о демографической катастрофе 30 – 40-х гг. в СССР // Вопросы истории. 1988. № 3. С. 116 – 121.

7. Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода: Сельское хозяйство СССР, 1931 – 1933. М., 2011. 543 с.

8. Кондрашин В.В. Голод 1932 – 1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008. 519 с.

9. Кондрашин В.В. Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и её результаты (1929 – 1933 гг.). М., 2014. 350 с.

10. Корнилов Г.Е. Голодовки населения в конце XIX – первой половине XX века на Урале: компаративный анализ (к постановке

проблемы) // Голодовки в истории России XVII – XX веков: сб. статей VIII международной науч.-практ. конф. Оренбург, 2013. С. 116 – 119.

11. Современная российско-украинская историография голода 1932 – 1933 гг. в СССР / науч. ред. В.В. Кондрашин. М., 2011. 471 с.

УДК 94(47).084.3:008

ББК ТЗ(2)613-7 ГСНТИ 03.09.31 Код ВАК 07.00.03

Г.А. Кругликова

Екатеринбург

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ В 1920-Е ГГ.: ОПЫТ И УРОКИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: культурное наследие, охрана памятников, культурная политика советского государства.

АННОТАЦИЯ. Автор рассматривает основные аспекты формирования государственной политики в отношении историко-культурного наследия в 1920-е гг. в СССР. Анализируется положительный опыт руководства культурой, выявлены недостатки в практической реализации государственной культурной политики.

G.A. Kruglikova

Yekaterinburg

STATE POLICY IN THE FIELD OF CULTURE IN 1920: EXPERIENCE AND LESSONS

KEY WORDS: cultural heritage, protection of monuments, the cultural policy of the Soviet state.

ABSTRACT. The author examines the main aspects of the formation of state policy in respect of the historical and cultural heritage in 1920. in USSR. Analyzes the positive experience of management culture, shortcomings identified in the practical implementation of the state cultural policy

Современная социокультурная ситуация характеризуется изменением роли традиции в жизни человека и общества. В настоящее время идет процесс обновления всех сфер общественной жизни, в том числе и культурной. Это обусловлено

необходимостью формирования новых подходов к проведению государственной культурной политики, которая становится все более мощным фактором повышения и дальнейшего развития общества во всех сферах, в том числе в области национальной безопасности.

Усиливающаяся в начале XXI века глобализация вызвала глубокие трансформации общественной жизни: рост динамики инновационных процессов, расширяющийся диалог культур, всеобщее наступление массовой культуры с ее стремлением к унификации, упрощению и минимизации духовных потребностей индивидуума, невиданная доселе мобильность человека, который перестал быть привязанным к одной социальной и культурной среде. Все это поставило вопрос не только о выяснении роли и места традиций, в том числе и традиций сохранения культурного наследия, но и об ограниченности возможностей использования исторического опыта. В связи с этим актуальность изучения и сохранения культурного наследия возрастает, приобретает особую ценность и несет важную смысловую нагрузку.

Термин «государственная культурная политика» в отличие от категории «культурная политика» подразумевает рассмотрение особенностей регулирующей деятельности в сфере культуры именно государства, как основного субъекта культурной политики. Наряду с государством культурная политика осуществляется и другими субъектам.

В Законе РФ «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» под государственной культурной политикой понимается совокупность принципов и норм, которыми руководствуется государство в своей деятельности по сохранению, развитию и распространению культуры, а также сама деятельность государства в области культуры (10).

Государственная культурная политика строится в соответствии со стратегическими целями государства, тенденциями развития общества, ценностными характеристиками избранного идеала и модели общественного устройства. Иными словами, культурная политика - это разновидность социально-регулятивной деятельности в культурной сфере жизни общества (13. С.10).

Установившийся после октября 1917 г. монополизм государства в экономике и тоталитаризм в политике сочетались с социалистической идеологией, утверждавшей

общедемократические принципы в контексте классовой теории. Перечисленные факторы оказали определяющее влияние на формирование советской культурной политики. С одной стороны, общедемократические начала в идеологии, социалистический способ производства в экономике обусловили общедоступность культурных ценностей, вовлечение широких слоев советского общества в процесс интенсивного культурного развития. С другой стороны, тоталитарная форма организации государственной власти привела к ущемлению гражданских прав и демократических свобод, облекла общегуманистическую сущность культурных преобразований в форму классово ориентированных политических кампаний.

Организационные формы культурного наследия в первые годы Советской власти были зафиксированы в декретах и постановлениях ВЦИК и Совнаркома РСФСР об утверждении Государственной комиссии по просвещению (ноябрь 1917 г.), Наркомата имуществ республики (декабрь 1917 г.), а также образовании Коллегии по делам музеев при Отделе охраны памятников Наркомата имуществ (апрель 1918 г.). Государственная политика в сфере охраны памятников, складывавшаяся с октября 1917 г. до середины 1920-х гг., заключалась в интенсивном выявлении и постановке памятников на учет, создании специальных государственных органов и организаций, занимавшихся этими вопросами. Принятие двух основополагающих законодательных актов – декрета «О запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения» от 19 сентября 1918 г. (1. С.352-353) и декрета СНК РСФСР «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» от 5 октября 1918 г. (1. С.399) четко выразили суть политики Советской власти по отношению к культурно-историческому наследию.

К середине 1920-х гг. были в основном решены вопросы организации управления музейным делом, стабилизировалась сеть музеев, закончилось формирование системы музеев, закрепленной постановлением СНК. Работа строилась на основе программы, утвержденной I Всероссийской музейной конференцией 1919 г. Были изданы законы, обеспечивавшие развитие музейного дела на местах. Для большей централизации руководства музейным

строительством 20 апреля 1921 г. коллегия Наркомпроса утвердила положение о Главмузее, согласно которому все музеи на территории РСФСР, как художественные, так и естественнонаучные, были переданы в ведение Главного комитета по делам музеев и охраны памятников искусства, старины, народного быта и природы.

Наркомпрос, как ведущий орган управления музейным делом, опирался на опыт и знания теоретиков и практиков музейного дела, привлеченных к выработке программы и ее реализации, к управлению музейным делом. Местные органы власти активно поддерживал краеведческие организации региона, что отражало политику государства по приобщению интеллигенции к участию в культурном строительстве.

Декретом Советского правительства «Об охране библиотек и книгохранилищ» (17 июля 1918 г.), постановлением «О постановке библиотечного дела» были заложены основы библиотечного строительства в стране. Декрет Совнаркома РСФСР от 3 ноября 1920 г. «О централизации библиотечного дела в РСФСР» (4. С.16-17) намечал конкретные мероприятия по созданию оптимальной системы библиотечного обслуживания трудящихся. Предполагалось создать единую библиотечную систему, способную динамично развиваться, эффективно решать масштабные задачи политического, экономического, социального и культурного строительства советского общества.

Таким образом, именно в этот период можно говорить о формировании государственной политики в отношении культурного наследия. Принятие основополагающих актов в области библиотечного, музейного строительства, охраны памятников истории и культуры после революции повлекло за собой становление и развитие на местах сети культпросветучреждений в соответствии с провозглашенными принципами строительства новой культуры.

Постановление ЦК ВКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» (18 июня 1925 г.) положило начало всеобъемлющему руководству партии в области культуры, явилось началом идеологизации и бюрократизации культуры (7). XV съезд ВКП(б) (декабрь 1927 г.) признал необходимым «всемерную мобилизацию пролетарских масс и особенно усиление борьбы на идеологическом и культурном фронте» (6. С.309-310). Наука,

культура, искусство превращались в инструмент государства по «обслуживанию текущих задач» - индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства и т.д. Решающая роль в этом принадлежала органам партийного руководства культурой.

С середины 1920-х гг. стали проследиваться новые тенденции в отношении государства к музейному делу. Складывавшаяся командно-административная система не могла не затронуть процессы, происходившие в музейной сфере. Музейному отделу Наркомпроса было предложено радикально улучшить «ударные» направления музейной работы, а именно: увязать деятельность музеев с общими задачами социалистического строительства, с местными задачами советского строительства, а также с «родственными» научными учреждениями и планирующими органами – Комакадемией, Институтом Маркса и Энгельса, Институтом Ленина и т.д.

В принятом на заседании Президиума ВЦИК постановлении № 71 от 20 августа 1928 г. «О музейном строительстве» наряду с признанием значительных достижений отмечалась «рутинность и неудовлетворительное, с точки зрения стоящих в порядке дня задач социалистического строительства, идеологическое содержание» (8). Решения и приказы НКП РСФСР, Музейного отдела Главнауки 1929-1930 гг. отражали новое направление в деятельности музеев: исключительное внимание к организации массовой пропаганды, при одновременном снижении внимания к научно-исследовательской и фондовой работе. Музеи стали активно участвовать в ударных кампаниях по перевыборам в Советы, по поднятию урожайности, по антирелигиозной пропаганде, по госзаймам и т.д. Новый социальный статус музея, «приспособленного» к решению идеологических задач партии большевиков, закрепил Всероссийский музейный съезд, состоявшийся в декабре 1930 г. (9)

Основное внимание во второй половине 1920-х гг. было уделено развитию сети изб-читален и передвижек. Библиотечный поход 1928-1930 гг. сыграл большую роль в «продвижении книги в массы». Этому способствовали и административные решения органов власти – постановления ЦК ВКП(б) «Об обслуживании книгой массового читателя» (5. С.40-42) и «Об улучшении библиотечной работы» (12. С.96-98). Однако, качество работы библиотек не соответствовали задачам нового общества. В

результате культпохода число библиотек увеличилось, в основном за счет сельских и передвижек. В условиях «чистки» идеологически устаревшей литературы погибла часть произведений общемировой литературы.

Реформа Наркомпроса и местных органов народного образования (1927 г.) привела к «децентрализации» в области управления охраной памятников, по сути свела на нет роль Отдела по делам музеев НКП РСФСР. Несмотря на то, что во второй половине 1920-х гг. продолжалась работа по учету памятников истории и культуры, страну захлестнул поток нигилистических призывов. Советская концепция охраны памятников, утвердившаяся в этот период, предполагала, что подавляющее большинство памятников, как порождение «проклятого прошлого» и результат деятельности эксплуататорских классов, сохранять не следует. В журнале «Советский музей» специалисты по охране памятников были охарактеризованы «небольшой кучкой любителей красоты и древности, чуждой марксистской идеологии» (14. С.3).

В июне 1927 г. штат Музейного отдела НКП сократился до 9 человек, из них всего один человек ведал организационными вопросами охраны памятников. Наконец, 2 июля 1928 г. ВЦИК и СНК утвердили «Положение о краевых (областных) отделах (управлениях) народного образования». Согласно пункту 1, на них, как и прежде, возлагалось «общее руководство учетом и охраной памятников природы, старины и искусства» (2. С.3). Однако наркоматы просвещения и рабоче-крестьянские инспекции, игнорируя данное требование, 27 июля того же года приняли совместное постановление «О минимальных штатах отделов народного образования», которое не предусматривало не только особого подотдела или секции по охране памятников, но даже и штатной единицы инспектора по данным вопросам (3. С.4-5).

Антирелигиозная пропаганда вылилась в кампанию по закрытию церквей, монастырей и уничтожению культовых памятников. Вопросы о закрытии культовых зданий обсуждались на заседаниях райкомов и горкомов партии. Печать того времени пестрила сообщениями об уничтожении памятников старины. В 1925-1926 гг. в центральной прессе, в том числе в «Известиях ВЦИК» развернулась кампания, в ходе которой ставилась под сомнение необходимость сохранения памятников старины и их

реставрации, раздавались требования сноса старинных построек как помехи уличному движению (15. С.59-61). Повсеместно церкви отдавали под клубы, школы, общежития, бани и т.д. Таким образом, бесчисленное количество памятников архитектурного зодчества и произведений церковного искусства было безжалостно уничтожено в пылу антирелигиозного похода. Рубеж 1920-х - 1930-х гг. оказался самым трагичным для памятников истории и культуры. Страна потеряла огромное количество культурных ценностей, созданных прошлыми поколениями.

Фактический отказ от прежней политики в отношении культурного наследия стал очевидным. Он не получил четкого выражения в каком-либо одном правовом акте. Никто не отменял и действовавших декретов и инструкций, составлявших законодательство об охране культурно-исторических объектов. На практике же они игнорировались или откровенно нарушались, начиная от местных исполкомов до Президиума ВЦИК. Таким образом, идеологические, культурные и социально-экономические трансформации советского общества наложили свой отпечаток на культурную политику.

Россия, пытаясь войти в мировое сообщество как открытое социальное и демократическое государство, одним из приоритетных направлений государственной политики декларирует обеспечение равенства возможностей доступа к ценностям культуры и культурной деятельности. Сегодня вопрос о национальной культурной политике, которая является одним из важных элементов этой системной картины, для России приобретает особую актуальность и требует тщательной концептуальной проработки.

Как должна строиться эта новая модель культурной политики, отвечающая современным российским реалиям? Какие концепции, идеологические приоритеты и культурные ценности должны быть положены в ее основание? Насколько эта политика должна быть уникально российской или формироваться в рамках глобальных тенденций, существующих в экономически развитых странах мира?

По мнению Л.Е. Вострякова, в России существует двойственное отношение, касающееся ожиданий относительно места культурной политики в обществе. С одной стороны, в качестве приоритетной концепции культурной политики делается слабая попытка выбора рыночной модели. Известно, что

востребованность данного подхода высока, и даже экономически развитые страны постепенно дрейфуют в сторону рыночной концепции для сферы культуры своих стран. Более того, очевидно, что эта концепция является экономически выгодной для стран, взявших ее на вооружение хотя бы частично. С другой стороны, существует реальная опасность того, что политические элиты в России, придерживаясь идеологии рыночной модели, начнут проводить недопустимый сегодня курс на деинституционализацию, сворачивание государственной системы поддержки сферы культуры, сокращение и так весьма скудных расходов на культуру, чего нельзя делать ни в коем случае (11).

Новый подход к пониманию памятников истории и культуры должен в известной мере снять стресс, возникающий при мысли об утраченном наследии. Исследование исторического опыта политики государства в области культуры, несомненно, будет способствовать решению одной из важнейших задач сохранения и актуализации богатейшего историко-культурного наследия страны.

Источники:

1. Декреты Советской власти. Т.3.
2. Еженедельник Наркомпроса РСФСР. 1928. № 33.
3. Еженедельник Наркомпроса РСФСР. 1928. № 47.
4. История библиотечного дела в СССР: Документы и материалы, ноябрь 1920-1929. М., 1979.
5. История библиотечного дела в СССР: Документы и материалы, ноябрь 1920-1929 гг. М., 1979.
6. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.4. С.309-310.
7. РГАСПИ. Ф.17. Оп.3. Д.507. Л.4; 31-37; Правда. 1925. 1 июля.
8. СУ РСФСР. 1928. № 116. Ст.726.
9. Труды первого музейного съезда. Т.1. М.,1931.
10. Федеральный закон «Основы законодательства Российской Федерации о культуре». М., 1992. Ст. 3. № 3612-1.

Литература:

11. Востряков Л.Е. Государственная культурная политика современной России: региональное измерение: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2007.
12. Материалы к истории библиотечного дела в СССР (1917-1959). Л., 1960.

13. Мосягин Р.А. Государственная культурная политика в Российской Федерации и ее влияние на обеспечение военной безопасности страны: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2010.

14. Объедков А.И. Охрана памятников революционного движения, труда и искусства // Охрана памятников революционного движения, труда и искусства. Высшие музейные курсы НКП. М.; Л. 1930.

15. Равикович Д.А. Охрана памятников истории культуры в РСФСР (1918-1967 гг.) /Труды НИИ музееведения. Вып.22. М., 1970.

УДК 37.014(470.5)"19"

ББК 4403(235.55)6 ГСНТИ 14.07.01 Код ВАК 07.00.02

В.Н. Кузнецов

Екатеринбург

СИСТЕМА ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЗАКРЫТЫХ ГОРОДАХ УРАЛА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: закрытые города Урала, отделы народного образования, школа, учащиеся, комсомольцы.

АННОТАЦИЯ. Проанализированы последовательность создания в закрытых городах Урала системы общего образования. Показана активность городских советов депутатов трудящихся, общественно-политических организаций в решении задачи получения населением закрытых городов общего среднего образования и повышения его качества. Рассмотрены особенности развития школьного образования в закрытых городах Урала и влияние демографических процессов на количественные и качественные показатели уровня общеобразовательных знаний учащихся.

V.N. Kuznetsov

Yekaterinburg

INFORMATION CODES OF THE SOVIET NUCLEAR PROJECT

KEY WORDS: closed cities in the Urals, boards of education, school, students, Komsomol members

ABSTRACT. The sequence of the creation of closed cities in the Urals, the general education system. Get active urban Soviets, socio-

political organizations in the task of obtaining a population of closed cities of secondary education and improving its quality. The features of development of school education in the closed cities of the Urals and the impact of demographic processes on quantitative and qualitative indicators of the level of general education of students.

Жилые поселки при объектах атомной промышленности Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 17 марта 1954 г. получили статус городов областного подчинения и рабочих поселков. В ведение образованных городских и поселковых советов общеобразовательные учреждения были переданы с баланса градообразующих предприятий. В августе 1954 г. школьные инспекции были преобразованы в городские отделы народного образования. Методическое обеспечение и ежегодное инспектирование школ осуществлял методический отдел Министерства просвещения СССР.

Избранные в 1954 г. Советы депутатов трудящихся в закрытых городах координировали и контролировали деятельность всех расположенных на территории города предприятий, учреждений и организаций, в том числе и по вопросам народного образования, и осуществляли в пределах предоставленных прав контроль за соблюдением ими законодательства.

Примечательно, что на следующий день после избрания исполком Совета депутатов трудящихся г. Лесного Свердловской области провел свое первое заседание и одним из первых вопросов в повестке дня было обсуждение подготовки школ к началу учебного года. Члены исполкома посчитали необходимым начать работу исполнительной власти в городе с самого актуального вопроса на текущий момент. Если учесть, что первое заседание проходило 24 августа 1954 г., то есть перед началом учебного года в школах, то логично, что первым в повестке стоял вопрос «О готовности школ к новому 1954-1955 учебному году», вторым – «Утверждение комиссии по приемке школ к новому учебному году».

В своем выступлении представитель Министерства просвещения РСФСР О.И. Давыдова на первом заседании исполкома высказала озабоченность положением, сложившимся накануне учебного года: «На участке школы № 65 безобразно. Школа не огорожена, и все животные — свиньи, быки и коровы, имеют свободный доступ к школе. Кругом захлавлено... С начала

учебного года нужно решить вопрос со школьными буфетами». Начальник школьной инспекции В.М.Тихонова также была озабочена подготовкой к зиме: «Школа № 65 имеет печное отопление, а на сегодняшний день не завезено ни одного полена дров, хотя по постановлению правительства к началу учебного года в школы должно быть завезено 50 % всей годовой потребности. Приехавшие молодые учителя не обеспечены квартирами, и начальник жилищно-коммунального отдела не обещает в скором времени предоставить им комнаты». Вывод председателя исполкома А.И. Авдюкова был категоричным: «Проверка и выступления товарищей здесь показали, что школы к началу учебного года не готовы». Члены исполкома приняли решение, обязывающее руководителей предприятий и организаций, а также депутатов к 15 сентября решить все вопросы (1. Л. 5, 6).

Особенностью населения закрытых городов в первые годы был их средний возраст – 25-26 лет. Молодежь, приехавшая на строительство предприятий атомной отрасли и для работы на них, стала создавать семьи, в которых появлялись дети. К середине 1960-х гг. в закрытых городах выросли дети, родившиеся в начальный период строительства предприятий, увеличивалось количество учеников в образовательных учреждениях, стремительными темпами стало развиваться инфраструктура школьного образования.

Городские комитеты партии и комсомола закрытых городов Урала на своих заседаниях неоднократно обсуждали вопросы работы с учащимися общеобразовательных школ. Для координации всей работы и решения проблем, возникающих в развитии образования в городах, при горкомах партии были созданы внештатные школьные сектора.

Первые школы были построены в жилых поселках в течение первых 2-3 лет после начала их строительства. Например, точкой отсчета истории школьного образования в Свердловск-44 (ныне г. Новоуральск Свердловской области) стал 1947 г., когда было введено в строй первое школьное здание. Часть детей училась в школе соседнего поселка Верх-Нейвинский, часть – в бараках строящегося города. В 1947 г. завершилось строительство женской школы № 1, в 1949 г. – мужской школы № 2, средней школы рабочей молодежи (ШРМ) № 3.

По состоянию на 30 марта 1954 г. в г. Свердловск-44 уже действовало 12 школ. 7 октября 1954 г. в составе горсовета был образован горно, в ведении которого находились школы города и поселка Верх-Нейвинский. Отдел занимался укреплением материально-технической базы школ, сплочением педагогических коллективов, организацией методической работы, организацией обучения работающей молодежи (З. С. 218-219).

24 декабря 1958 г. Верховный Совет СССР принял Закон “Об укреплении связи школы с жизнью и дальнейшем развитии системы народного образования СССР”. Вместо семилетнего образования вводилось обязательное восьмилетнее. В связи с этим были созданы вечерние школы для военнослужащих. Школу № 48 (солдатскую школу) организовали на базе войсковых частей № 20169 и № 1042. Школа размещалась в двух зданиях. В 1965 г. произошло объединение всех ШРМ. В этом же году была закрыта ШРМ № 48, солдатская восьмилетняя школа № 43 при в/ч 20169 была реорганизована в среднюю школу № 43, а школа № 41 переведена на преподавание ряда предметов на английском языке (З. С. 240).

Для реализации государственной политики повышения всеобщей грамотности населения страны в городских комсомольских организациях были разработаны перспективные планы общеобразовательной и технической учебы с таким расчетом, чтобы каждый комсомолец получил как минимум 7-летнее образование, овладел одной-двумя смежными специальностями или повысил свой производственный разряд.

С ростом числа желающих получить образование возникла проблема с помещениями для занятий. По инициативе горкомов ВЛКСМ исполкомами горсоветов, парткомами и администрациями предприятий выделены, либо построены отдельные здания специально для школ рабочей молодежи.

Постепенно по мере получения образования число учащихся вечерних школ уменьшалось. Так, если в 1962–1963 учебном году в ШРМ г. Свердловск-45(ныне г. Лесной Свердловской области) занималось 674 чел., то уже в 1968–1969 учебном году – только 234 чел. Такая же картина наблюдалась и в вечернем институте и техникуме. В 1962–1963 учебном году в них обучалось 583 чел. В 1968–1969 учебном году в вечернем и заочных техникумах

обучалось 207 чел., а в вечернем и заочных институтах – 241 чел. (5. С.82). Тем не менее, еще немало рабочей молодежи необходимо было получить среднее, среднее специальное и высшее образование. Так, на заводе в г. Златоуст-36 не имели восьмилетнего образования 544 чел., из них 259 были моложе 28 лет (2. Л. 199-217).

В начале 1970-х гг. в закрытых городах Урала начались положительные демографические изменения, в связи с чем произошли изменения и в количестве обучавшихся в учебных учреждениях. Только в 1972 – 1973 учебном году в вечерних и заочных ШРМ, техникумах и ВУЗах, профтехучилище с трехгодичным обучением г. Свердловске-45 занималось 1913 юношей и девушек, 1395 чел. из них были членами ВЛКСМ (3. С.83).

В начале 1970-х гг. была проведена большая организационная работа по внедрению новых программ, созданию кабинетной системы обучения, укреплению материально-технической базы школ. Серьезное значение придавалось налаживанию шефских связей с организациями и предприятиями.

Например, каждая школа г. Свердловск-44 работала с определенным производственным обучением: школа № 57 с химическим уклоном готовила лаборантов; школа № 49 впервые начала обучать мальчиков водительскому ремеслу; школа № 51 готовила девочек к профессиям воспитателя детского сада и швеи, но была преобразована в специализированную школу № 41, где со второго класса ввели изучение английского языка.

В последующие годы были открыты образовательные учреждения нового типа: гимназия (средняя школа № 47), «Экополис, здоровье, образование» (средняя школа № 41), школа полного дня (средние школы №№ 48, 56, 58), «Русская школа» (средняя школа № 46), школы с углубленным изучением отдельных предметов (№№ 43, 45, 49, 51, 53, 54, 56, 57, 60), школа № 59 для детей с задержкой психического развития (5. С. 219-220).

В г. Свердловск-45 в 1956 г. была открыта школа-интернат № 63 (в разные годы – санаторная школа-интернат, школа-интернат основного общего образования) и средняя школа № 64, в воспитательном процессе которой большое внимание уделялось туристской и краеведческой работе, организации предпрофильной подготовки старшекласников (физико-математический,

педагогический, экспериментальный, информационно-технологический, социально-гуманитарный классы).

В 1959 г. открыта восьмилетняя школа № 68, в которой действовали клубы по интересам, школьное радио, хор, проводились вахты памяти, недели революционной славы. В 1961 г. введена в эксплуатацию средняя школа № 71, которая в 1970-1980-х гг. была опорной школой по обучению педагогических кадров. В 1962 г. открыта средняя школа № 72, которая первой в городе перешла на кабинетную систему, начала освоение развивающих методик обучения в начальных и средних классах.

В 1963 г. открыта средняя школа № 73. В школе проводится инновационная работа по обучению детей с шестилетнего возраста, по углубленному изучению иностранных языков, созданы классы билингвистов, профильная группа «Гид-переводчик», курсы страноведения, реализуются общеобразовательные программы для детей с нарушениями зрения (слабовидящих).

В 1968 г. открыла двери для учащихся средняя школа № 74, основное направление деятельности которой было формирование и развитие личности школьника в условиях работы школы полного дня. В системе школьного дополнительного образования было занято около 90 % детей, работали 14 кружков и секций, игровые комнаты. В 1971 г. открыта средняя школа № 75. В 1992 г. открыто муниципальное общеобразовательное учреждение «Лицей» (6. С. 106-110).

В настоящее время на территории городского округа «Город Лесной» функционирует 46 учреждений, в том числе 24 дошкольных образовательных учреждения, 14 общеобразовательных учреждений и 8 учреждений дополнительного образования. В системе образования в 2010 г. работало 2093 человек, или 51% от общей численности занятых в бюджетной сфере (7. С.44).

Развитие народного образования в г. Челябинске-70 (ныне г. Снежинск, Челябинской области) началось с создания семилетней школы № 116 в пос. Сунгуль, где обучались дети сотрудников Лаборатории «Б». 1 сентября 1957 г. были открыты школы № 124 и 118 в поселке № 2.

С 1 января 1958 г. 7 школ: две средние, одна семилетняя, две начальные и две ШРМ, были переданы с баланса НИИ-1011 на баланс горсовета, в котором был образован городской отдел

народного образования. К этому моменту общее количество учащихся составляло около 1200 человек. 23 января 1959 г. в г. Челябинске-70 было открыто первое внешкольное учреждение – детская спортивная школа горно (с 1970 г. – детско-юношеская спортивная школа). Она имела тогда два отделения – спортивной и художественной гимнастики. В 17 группах занимались 200 мальчиков и девочек.

Одной из проблем того времени была острая нехватка школьных мест: на начало 1961 г. в школах насчитывалось уже 2717 учащихся, а проектное число мест составляло 1860. Но все-таки учебный процесс проходил достаточно организованно. Все школы были полностью укомплектованы педагогическими кадрами, регулярно проходили совещания учителей, проводилась методическая работа. Работники горно старались оказывать разностороннюю помощь школам. В 1960 г. в школах №№ 116, 119, 121 и 122 появились первые группы продленного дня, к 1965 г. количество таких групп увеличилось в четыре раза.

Работники горно уже в те годы большое внимание уделяли изучению и распространению передового опыта учителей, помогали педагогам теснее увязывать учебный процесс с воспитанием учащихся, привлекать к работе родительскую общественность. В городе были созданы также советы содействия школе на предприятиях и организациях, часть из них вела очень полезную работу. Начал работать и городской родительский лекторий.

Усилия горно были в ту пору направлены также на ликвидацию неграмотности среди взрослого населения. В ШРМ занималось в 1960-1961 учебном году 720 человек, 1964-1965 уч. г. – 976 (8. С. 188-193).

К 1965 г. в Челябинске-70 работало 9 школ с общим числом учащихся 3620 человек. Во второй половине 1960-х-1980-е гг. укреплялась материально-техническая база учебных заведений, совершенствовался учебно-воспитательный процесс, вырабатывались традиции.

Новым этапом в развитии системы образования города стали 1990-е гг. Горно с 1 января 1992 г. был преобразован в управление образования, которое координировало и организовывало работу 10 школ. В их числе 5 общеобразовательных школ, гимназия № 127, школа № 125 с углубленным изучением математики, открытая

(сменная) общеобразовательная школа и др. Важная роль в повышении качества образования и его совершенствовании принадлежала городскому управлению образования, сотрудники которого имели большой опыт практической работы и способствовали внедрению современных образовательных технологий в учебно-педагогический процесс (3. С. 176-177).

В жилом поселке завода № 933 (Златоуст-20) (36), ныне г. Трехгорный Челябинской области) через год после начала его строительства, в 1953 г., были открыты первая школа и первые дошкольные учреждения, в 1954 г. – вечерняя школа рабочей молодежи № 107. В 1956 г. организован горно (4. С. 537-538). До 1992 г. отдел находился в структуре исполнительного комитета городского Совета депутатов трудящихся, в 1992-1994 гг. – в структуре аппарата администрации Златоуста-36.

Первоначально в подчинении горно находились средняя школа № 106, восьмилетняя школа № 108, двухкомплектная начальная школа на подсобном хозяйстве, средняя школа при исправительно-трудовом лагере, восьмилетняя школа № 109, вечерняя школа № 107, Дом пионеров, дошкольные учреждения (детские сады в 1962 г. перешли под управление отдела детских дошкольных учреждений, находящегося в подчинении Приборостроительного завода).

В конце 1960-х гг. все школы в г. Златоуст-36 были преобразованы в средние образовательные; введены в строй средняя школа №112 и школа-интернат № 111. В структуре горно, кроме заведующего, были 2 инспектора, 2 бухгалтера и 2 методиста, работа которых была направлена не только на строительство новых школ, но и на подбор квалифицированных педагогических кадров, создание кабинетной системы обучения для повышения качества образования, разностороннее воспитание учащихся.

Главной задачей горно в 1970-е - 1980-е гг. было выполнение закона о всеобуче, усиление идеологической миссии по воспитанию всесторонне развитой личности. Проводилась плановая работа по выполнению основных направлений реформы школы: начат постепенный переход на обучение детей с 6-летнего возраста, на базе школы-интерната № 111 созданы классы с продленным днем для детей с задержкой психического развития, в школах введены общественно-полезный труд, основы информатики

и вычислительной техники, основы производства. В 1979 г. начал работу межшкольный учебный комбинат. Все школы города были закреплены за промышленными предприятиями, которые оказывали им шефскую помощь.

В начале 1980-х гг. рождаемость в закрытых городах Урала начала стремительно увеличиваться. Ежегодно рождалось более 1 тыс. детей. Поэтому органы местного самоуправления совместно с руководителями градообразующих предприятий включали в перспективные планы строительство новых дошкольных и общеобразовательных учреждений. В настоящее время, благодаря такой предусмотрительности руководителей различного уровня, во всех закрытых городах Урала построенные в советское время школы продолжают обеспечивать потребность в количестве школьников в соответствии с современными нормативами.

В течение многих лет образование в закрытых городах Урала по объективным показателям было лучше, чем в других населенных пунктах страны. Если учесть еще и тот факт, что в закрытые города направлялись лучшие выпускники образовательных учреждений всех уровней, то и последующие поколения горожан также отличались более высоким уровнем воспитания и образования. В советский период в закрытых городах сложилась и функционировала система образования, отличительными особенностями которой были высокий уровень материальной оснащенности общеобразовательных учебных заведений и наличие высококвалифицированных учительских коллективов, сформировавшихся в ходе особого отбора выпускников высших образовательных заведений (6. С. 375).

Таким образом, в закрытых городах Урала в советский период сложилась и функционировала система образования, отличительной особенностью которой был высокий уровень материальной оснащенности общеобразовательных учебных заведений, наличие высококвалифицированных учительских коллективов. Все это позволяло в течение многих лет добиваться высокого уровня общеобразовательной подготовки учащихся.

Источники:

1. Городской архив г. Лесного. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6.

Литература:

1. Воронина Н.А., Кривошеев И.А., Щедрин Л.П. Слово о Приборостроительном: История общественных организаций завода. Челябинск. 2005.

2. Васильева Г.Н. Общее среднее образование в г. Снежинске // Атомные города Урала. Город Снежинск. Екатеринбург, 2012.

3. Горбатов В.Ю. Трехгорный. Энциклопедия. Челябинск, 2012.

4. Кузнецов В.Н. Комсомол в закрытом городе. Очерки истории, документы, воспоминания. Екатеринбург, 2006.

5. Кузнецов В.Н. Атомные закрытые административно-территориальные образования: история и современность. Екатеринбург, 2015.

6. Новоуральск. Шаги времени. Казань, 2008.

7. Пищаева О.В., Черепанова Е.В. Общее образование в городе Лесном // Атомные города Урала. Энциклопедия. Город Лесной. Екатеринбург, 2012.

8. Рясков С.А., Кремлева М.А., Кузнецов В.Н., Мельникова Н.В. Зато «Город Лесной» // Атомные города Урала. Энциклопедия. Город Лесной. Екатеринбург, 2012.

9. Раскрывая первые страницы... К истории города Снежинска (Челябинска-70). Екатеринбург, 1997.

УДК 94(47)

ББК 375.290

ГСНТИ 03.23.55

Код ВАК 07.00.02

Ю.В. Кузнецова

Оренбург

СЕЛЬСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ИЗУЧЕНИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Великая Отечественная война, сельская интеллигенция, Южный Урал, историография, учителя, врачи, специалисты сельского хозяйства.

АННОТАЦИЯ. В статье представлен процесс накопления знаний по истории сельской интеллигенции в годы Великой Отечественной войны. В изучении данной темы выделяются два условных периода:

1940-е гг. – конец 1980-х гг. – начало 1990-х гг. и рубеж 1980–1990-х гг. по настоящее время, различающиеся методологическими подходами, источниковой базой исследования.

Y. W. Kuznecowa
Orenburg

RURAL INTELIGENSIYA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: MILESTONES STUDY

KEY WORDS: the Great Patriotic War, the rural intelligentsia, the Southern Urals, historians, teachers, doctors, agricultural specialists.

ABSTRACT. The paper presents the process of accumulation of knowledge on the history of the rural intelligentsia in the years of the Great Patriotic War. In the study of this subject there are two conditional periods: the 1940s . - The end of the 1980s. - The beginning of the 1990s. and the line of 1980-1990. at present, differing methodological approaches , source base study.

В историографии проблемы «сельская интеллигенция в годы Великой Отечественной войны» на сегодняшний день прослеживаются два условных периода. Первый из них включает в себя публикации источников и литературу 1940-х – конца 1980 – начала 1990-х гг., а второй – исследования рубежа 1980–1990-х гг. по настоящее время.

Роль интеллигенции, в том числе и сельской, в обеспечении победы в Великой Отечественной войне на общесоюзном уровне стала предметом изучения уже в военный период. В это время преобладали труды партийных и государственных деятелей страны, публицистические материалы советских писателей и журналистов и др., в которых рассматривался вклад интеллигенции в Победу над врагом, но сельская интеллигенция не вычленялась. В этой связи определенную ценность имеют выступления государственных и общественных деятелей того времени – И. В. Сталина, статьи и труды М. И. Калинина, А. С. Щербакова (17; 42; 48; 49), главного редактора газеты «Правда» П. Н. Поспелова, писательницы М. С. Шагинян (36; 46). К сожалению, данных о сельских специалистах Южного Урала в этих публикациях практически нет.

Место сельских специалистов в колхозном и совхозном производстве, в образовании и здравоохранении, а также в культурно-просветительной и общественно-политической работе обозначалось в опубликованных в годы войны статьях центральных советских и партийных органов печати, авторы, которых, несмотря на чрезмерную идеологизированность, сумели раскрыть как общие, так специфические задачи, стоявшие в те годы перед интеллигенцией, пропагандировали положительный опыт, нацеливали на устранение отдельных ошибок и недостатков (2; 4).

С. В. Кафтанов в книге «Советская интеллигенция в Великой Отечественной войне» (19) расширил представление о ней, как общественной и производительной силе, проанализировал проблему истории формирования советской интеллигенции, приводил примеры проявления ею боевого и трудового героизма. В заслугу историку следует поставить то, что он впервые в советской историографии поставил и попытался раскрыть такие аспекты, как, советская интеллигенция и Красная Армия, ее участие в социалистическом соревновании. Присущая книге описательность без надлежащей глубины анализа не снижает ее ценности.

Несмотря на естественную для того времени привязку публикаций к официальной идеологии, их описательный характер, узость источниковедческой базы, предварительность выводов и оценок, необходимо признать, что в указанных исследованиях излагались факты, показывающие уровень эффективности работы различных отрядов интеллигенции в сложных условиях военного времени, раскрывается ее любовь к родине, самоотверженный труд в тылу, подготовка специалистов во время войны.

Тема сельской интеллигенции в послевоенное десятилетие рассматривалась историками в основном в русле анализа деятельности КПСС по руководству выполнением народно-хозяйственных и культурно-просветительных задач. И. Е. Кантышев в книге «Совхозы в условиях Великой Отечественной войны» показал способы и формы решения проблемы обеспечения села квалифицированными кадрами, раскрыл истоки подъема массового трудового энтузиазма сельских специалистов (18), Н. А. Константинов, Е. Н. Медынский, Н. А. Виноградов, разрабатывая вопросы деятельности медицинской, педагогической интеллигенции на фронте и в тылу, выявили и проследили направления и методы ее деятельности (4; 5; 23).

После XX съезда КПСС расширилась проблематика изысканий, ученые сосредоточились на многоплановом освещении истории интеллигенции.

На региональном уровне исследования осуществлялись в русле общесоюзной концепции анализа проблемы. Среди уральских авторов, анализирующих трудовую деятельность сельской производственной интеллигенции, стоит отметить М. С. Нестеренко, А. Зимина и др. (13; 35).

В истории отечественной интеллигенции выделяются обобщающие труды 1960–1980-х гг., характеризующиеся, в том числе и выработкой новых подходов в исследовательском процессе, использованием более широкой источниковой базы (38; 39; 40). Так, ученые расширили и углубили прежние представления о путях формирования советской интеллигенции и ее отдельных групп, обратив особое внимание на те особенности, которые протекали под непосредственным руководством государственных и партийных органов.

Круг вопросов профессиональной и общественной работы агрономов, инженеров, ветврачей, педагогов рассматривался в комплексе публикаций Ю. В. Арутюняна, М. И. Лихоманова, И. Е. Зеленина и др. (1; 12; 28). Историки охарактеризовали кадровую политику на селе, выявили данные о подборе и расстановке административной и производственной интеллигенции, указали особенности системы подготовки и переподготовки сельскохозяйственных кадров, раскрыли процесс пополнения численности специалистов за счет выпускников вузов и техникумов, массового выдвижения практиков и их курсовой подготовки.

Ряд трудов, посвящен изучению различных аспектов ряда профессиональных групп интеллигенции. Деятельность сельских педагогов на общесоюзном уровне освещена в исследованиях 1960–1980-х гг. (50). История учителей региона в советское время нашла частичное отражение в публикациях историков Т. И. Зиминной, Н. Н. Кузьмина, О. Н. Грачевой (9; 14; 26). Они осветили напряженную борьбу педагогов за всеобщую, охарактеризовали традиционные и появившиеся в годы войны направления деятельности педагогической интеллигенции, показали участие учителей в военных действиях.

В изучении медицинской интеллигенции Южного Урала заметную роль сыграли труды общесоюзного уровня (27; 29), в которых раскрываются общие проблемы истории здравоохранения, такие как обеспеченность кадрами лечебных учреждений, состояние материально-финансовой базы, основные направления работы медиков.

Среди публикаций, посвященных работникам культурно-просветительных учреждений тыловых регионов в годы войны, включая южноуральский, следует выделить труды Л. В. Максаковой, А. П. Виноградова, М. П. Мазурицкого (3; 30; 34). Они содержали богатый фактический материал, в значительной степени впервые введенный в научный оборот, но сведения об интеллигенции Южного Урала отрывочны и фрагментарны. Наиболее активно эти аспекты темы непосредственно на материалах южноуральского региона стали разрабатываться с середины 1980-х гг. (11)

В 1960–1980-х гг. повышенный интерес ученых вызывало партийное руководство общественно-политической и трудовой деятельностью интеллигенции. Г. Д. Комков, Н. И. Кондакова, Н. Д. Козлов, А. Д. Зайцев, С. А. Федюкин и другие историки отметили плодотворную роль специалистов в выработке новых форм и методов идеологической работы в военных условиях (20; 21; 23; 24). В этом же плане заслуживают внимания и публикации В. Н. Маина (31; 32; 34). Он кратко характеризует деятельность ее основных групп, наиболее полно освещает вклад специалистов села в поддержку тыла и помощь фронту. Сведения применительно к Южному Уралу в трудах историка отсутствуют. Они интересны в методологическом отношении и с точки зрения анализа общих для сельской интеллигенции страны форм работы.

Заслуживают внимания труды советских историков, обратившихся к роли интеллигенции в патриотическом воспитании масс в тылу и на фронте. Участие инженеров, агрономов, медицинских работников и других сельских специалистов в формировании тылового потенциала Южного Урала отмечена, прежде всего, в публикациях общего характера.

Таким образом, первый период историографии отличался накоплением и введением в научный оборот большого по объему фактического материала, раскрывающего историю интеллигенции различных регионов страны, включая и южноуральский. Это

позволило во второй половине 1950–1980-х гг. весьма активно проводить исследования, отражавшие подготовку кадров сельских специалистов и их деятельность в различных сферах общественной жизни. Работы данного периода, не всегда содержали элементы всестороннего анализа, в них, как и в предшествующий период основная роль отводилась партии в организации труда сельской интеллигенции.

Второй период историографии (рубеж 1980–1990-х гг. – по настоящее время) характеризуется доступом исследователей к ранее закрытым архивным данным, оформлением новых подходов в изучении военной истории, ломкой ряда устоявшихся стереотипов, переоценкой отдельных исторических фактов, явлений и т.д.

Новые концептуально-методологические направления в изучении истории интеллигенции нашли свое отражение в материалах научно-теоретических конференций, дискуссий, монографических исследований 1990-х гг. (15; 16). Большое значение среди работ, посвященных интеллигенции страны, занимает монография В. Н. Маина и Н. И. Кондаковой «Интеллигенция России. 1941–1945», в которой авторы раскрывают важные стороны деятельности советской интеллигенции различных регионов, характеризуют подготовку кадров для народного хозяйства в сложных условиях военного времени. Однако сельской интеллигенции отведено незначительное место (32).

В середине 1990–2000-х гг. продолжают выходить фундаментальные труды по истории Великой Отечественной войны (7; 8; 22), анализирующие военные действия, работу тыла, хотя тема вклада сельской интеллигенции в дело разгрома фашизма не получила и в них должного освещения. В 2000-е годы были защищены кандидатские диссертации по истории интеллигенции тыловых регионов (41; 47), в которых отражаются и такие аспекты темы, как кадровый состав местных органов власти и формы их работы с сельскими специалистами. Опубликованы работы о процессах сближения городской, включая научную, интеллигенции с сельской, для реализации задач, поставленных войной (43; 45). В научных работах Г.Е. Корнилова (26), Н.П. Палецких (37) исследована роль сельской интеллигенции в хозяйственной, общественно-политической жизни уральской деревни.

Таким образом, для второго периода историографии характерно расширение круга научных публикаций, авторы которых исследовали жизнь и деятельность сельской интеллигенции военного времени, анализируя новые, недоступные ранее для изучения документы и материалы. Особый интерес вызывала помощь сельской интеллигенции фронту, её общественно-политическая и профессиональная деятельность и её взаимодействие с научной интеллигенцией.

Проведенный анализ литературы свидетельствует о том, что в публикациях отечественных историков нашли отражение основные направления работы сельской интеллигенции Южного Урала в 1941–1945 гг. Однако по-прежнему комплексного исследования по истории сельской интеллигенции не появилось.

Литература:

1. Арутюнян Ю. В. Из истории МТС в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (Решение проблемы механизаторских кадров) // Вопросы истории. 1958. № 8. С. 84–96.

2. Бенедиктов И. О задачах МТС и колхозов в Отечественной войне. Йошкар-Ола, 1942. 10 с.

3. Виноградов А. П. Политико-просветительная работа в годы Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945 гг.). Харьков, 1968. 30 с.

4. Виноградов Н. А. Правильно расставить и полностью использовать врачебные кадры // Советское здравоохранение. 1942. № 7. С. 13–15.

5. Виноградов Н. А. Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). М., 1955. 40 с.

6. Виноградов Н. А. Принципы работы с медицинскими кадрами. М., 1955. 95 с.

7. Война и общество, 1941–1945: в 2 кн. / отв. ред. Г. Н. Севастьянов. М., 2004. Кн. 2. 411 с.

8. Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. М., 1997. 700 с.

9. Грачева О. Н. Деятельность партийных организаций Урала по повышению квалификации учителей в годы Великой Отечественной войны / О. Н. Грачева // Учен. зап. / Свердлов. пед. ин-т. Свердловск, 1973. Сб. 220. С. 87–97.

10. Деменев А. И., Добровольский Н. С. Высшее образование на Урале. Свердловск, 1958. 100 с.

11. Зайцева Н. Г. Деятельность представителей ленинградской художественной интеллигенции на Урале в период эвакуации // Урал в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск, 1986. С. 95–98.
12. Зеленин И. Е. Совхозы СССР. 1941–1950. М., 1969. 343 с.
13. Зимин А. Слуга народа. Оренбург, 1959. 48 с.
14. Зимина Т. И. Общеобразовательная школа Урала в 1941–1966 гг. // Победа Октябрьской революции на Урале и успехи социалистического строительства за 50 лет Советской власти. Свердловск, 1968. С. 483–488.
15. Интеллигенция и политика: тез. докл. межрегион. науч.-теор. конф. Иваново, 1991. 130 с.
16. Интеллигенция России: традиции и новации: тез. докл. межгос. науч.-теор. конф. Иваново, 1997. 448 с.
17. Калинин М. И. Все для фронта! Все для победы! М., 1942. 99 с.
18. Кантышев И. Е. Совхозы в условиях Великой Отечественной войны. М., 1946. 87 с.
19. Кафтанов С. В. Советская интеллигенция в Великой Отечественной войне. М., 1945. 124 с.
20. Козлов Н. Д., Зайцев А. Д. Сражающаяся партия. М., 1980. 279 с.
21. Комков Г. Д. Идеино-политическая работа КПСС в 1941–1945 гг. М., 1965. 440 с.
22. Кондакова Н. И. Война, государство, общество. 1941–1945 гг. М., 2002. 480 с.
23. Кондакова Н. И. Идеино-политическая работа Коммунистической партии в годы Великой Отечественной войны. М., 1967. 47 с.
24. Кондакова Н. И. Идеологическая победа над фашизмом (1941–1945 гг.). М., 1982. 176 с.
25. Константинов Н. А., Медынский Е. Н. Очерки по истории советской школы РСФСР за 30 лет. М., 1948. 472 с.
26. Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.). Свердловск, 1990. 223 с.
27. Кузьмин М. К. Советская медицина в годы Великой Отечественной войны (очерки). М., 1979. 240 с.
28. Лихоманов М. И. Организаторская работа партии в деревне в первый период Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.) // Вопросы истории КПСС. 1965. № 2. С. 62–71.

29. Лобастов О. С. Советское здравоохранение и военная медицина в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Л., 1985. 303 с.
30. Мазурицкий М. П. Культурно-просветительная работа в советском тылу в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М., 1971. 76 с.
31. Маин В. Н., Захаров И. З. Партийное руководство агитационно-пропагандистской работой сельской интеллигенции (ноябрь 1942 г. – 1943 г.) // Борьба партии за укрепление единства фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны. Петрозаводск, 1979. С. 73–80.
32. Маин В. Н., Кондакова Н. И. Интеллигенция России, 1941–1945 гг. М., 1995. 237 с.
33. Маин В. Н. Сельская интеллигенция в годы Великой Отечественной войны (очерк партийной и советской работы). Воронеж, 1985. 160 с.
34. Максакова Л. В. Культурно-просветительные учреждения в первые годы Великой Отечественной войны (1941–1943 гг.) // История СССР. 1960. № 3. С. 88–100.
35. Нестеренко М. С. Трудовые подвиги уральцев в годы Великой Отечественной войны // Социалистическое строительство на Урале: сб. статей / под ред. В. Н. Зуйкова. Свердловск, 1957. С. 211–243.
36. Поспелов П. Н. Советская интеллигенция в Великой Отечественной войне. М., 1942. 42 с.
37. Палецких Н. П. Сельская интеллигенция Челябинской области – фронту // Всемирно-историческая победа советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: материалы науч. конф. Челябинск: ЧВ ВА ИУ, 1985. С. 114–117.
38. Савельев В. М., Савин В. П. Советская интеллигенция в Великой Отечественной войне. М., 1974. 285 с.
39. Советская интеллигенция (История формирования и роста. 1917–1965 гг.) / под ред. М. П. Кима. М., 1968. 432 с.
40. Советская интеллигенция. Краткий очерк истории (1917–1975 гг.) / под ред. Л. И. Стебакова. М., 1977. 318 с.
41. Соломко, Е. А. Интеллигенция Адыгеи в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Майкоп, 2005. 27 с.
42. Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1942. 48 с.

43. Федорова А. В., Жолобова Г. А. Оренбургская сельскохозяйственная академия в годы Великой Отечественной войны // Молодые ученые здравоохранению. Оренбург, 1994. С. 84–86.
44. Федюкин С. А. Партия и интеллигенция. М., 1983. 238 с.
45. Хисамутдинова Р. Р. Взаимопомощь города и села уральского региона в годы Великой Отечественной войны // Роль Урала как арсенала Победы: тез. докл. регион. науч. конф., посвящ. 55-летию Победы. Челябинск, 2000. С. 91–95.
46. Шагинян М. С. Отечественная война и советская интеллигенция. Свердловск, 1942. 31 с.
47. Широкова М. А. Сельская интеллигенция Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны: состав и деятельность: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2013. 22 с.
48. Щербаков А. С. О Некоторых задачах пропагандистской работы // Пропагандист. 1941. № 1. С. 3–8.
49. Щербаков А. С. Под знаменем Ленина. М., 1942. 14 с.
50. Черник С. А. Советская школа в годы Великой Отечественной войны. М., 1975. 120 с.

УДК 37(09).09(470.5)

ББК 4403(235.55)61 ГСНТИ 14.35.19 Код ВАК 13.00.08

Е.А. Курлаев
Екатеринбург

К ВОПРОСУ О ДОБЫЧЕ СЕРЕБРА НА УРАЛЕ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: История металлургии Урала, серебро закамское.

АННОТАЦИЯ. В древности и средневековье на Северном Урале эксплуатировалось месторождение серебристой меди, известное как «серебро закамское». К началу русской колонизации оно истощилось и было заброшено, но в XVII в. посещалось геологоразведчиками. В XVIII в. содержание серебра в медной руде признали невыгодным для извлечения.

E. A. Kurlayev
Yekaterinburg

TO THE QUESTION ABOUT SILVER MINING IN THE URALS

KEY WORDS: the history of metallurgy of the Urals, Silver Kama

ABSTRACT. In antiquity and the Middle Ages in the Northern Urals operated copper mine silver, known as the "Silver Zakamskoye". By the beginning of Russian colonization it dwindled and was abandoned, but in the XVII c. visited by geologists. In the XVIII c. silver content in copper ore is recognized disadvantageous for extraction.

В отечественной специальной литературе отсутствует упоминание о промышленных разработках месторождений серебра на Урале вплоть до настоящего времени. Серебро в самородном виде встречается редко и в незначительных количествах. Вместе с тем источником получения золота и серебра могут быть руды цветных металлов. Наибольшее значение приобрела попутная добыча золота и серебра из медных, медно-никелевых и свинцово-цинковых руд.

Поиски золота и особенно серебра на Урале и прилегающих территориях велись столетиями, практически с первых упоминаний о Каменном Поясе в русских летописных источниках. Освоение территории Пустозерского уезда и Полярного Урала связано с неоднократными и многочисленными военными походами, отправлявшимися для сбора дани с XI в. сначала Новгородом, а потом Москвой. Русские воеводы требовали у местного народа югры пушнину, «узорочье и серебро закамское». В 1193 г., когда новгородская рать подступила к стенам югорского городка, защитники предложили новгородцам откуп: «сребро, и соболи, и ино узорочье». В других документах встречаются упоминания спора по поводу этой дани между Москвой и Новгородом. Так, в летописи 1332 года есть относящаяся к московскому князю Ивану I Даниловичу Калите запись, в которой говорится: «Великий князе Иван приде из Орды и возверже гнев на Новгород, прося у них серебро закамское».

Отношение у современных историков к «серебру закамскому» было однозначным. В их понимании это была серебряная посуда восточного производства, т.к. такие изделия регулярно находили на

территории Урала и Сибири. «Известно, что своих серебряных разработок на Урале не было. Безусловно, что «серебро закамское» – это те запасы, прежде всего, древнеиранской посуды и монет, которые на протяжении многих столетий копились на святилищах уральских народов» (5. С. 11-12). Мы же считаем, что речь в летописях шла о месторождениях серебряной руды. Поиску серебряной руды в полярных широтах автор уже посвящал одну из работ (3. С. 273-282).

Одним из основных путей, по которому экспедиции достигали р. Печоры и далее – Уральских гор, был водный маршрут через Пезско-Цилемский волок по р. Цильме. В конце XV в. недалеко от устья р. Печоры появился центр по сбору дани – Пустозерский острог, а на р. Цильме в 20 км от впадения в нее р. Космы была найдена медная руда. В 1491 г. по приказу Ивана III сюда была организована экспедиция для поиска и разработки медной и серебряной руды во главе с детьми боярскими В.И. Болтиным, И.К. Коробьиним, А. Петровым с участием иностранных мастеров (4. С. 223). Это была первая известная в России добыча цветных и драгоценных металлов в промышленном масштабе. Об этом событии известный историк Н.М. Карамзин писал: «Сие важное открытие сделало государю величайшее удовольствие. И с того времени мы начали сами добывать, плавить металлы и чеканить монету из своего серебра; имели и золотые деньги, или медали российские. В собрании наших древностей хранится снимок золотой медали 1497 г. с изображением святого Николая: в надписи сказано, что великий государь вылил сей единый талер из золота для княгини (княжны) своей Феодосии» (2. С. 506).

Позже к месторождениям руд на р. Цильме направлялись экспедиции под руководством Я. Литвинова (1620-1621 гг.), Р. Неплюева (1651-1653), В.Г. Шпилькина (1661-1664), Ф. Кыркалова и Г. Иконника (1667), Е. Фандергатена, Г. Бутенанта и Л. Нейдгарта (1672-1676), Ф. Огарева и рудознатных греческих мастеров С. Григорьева и В. Левандиана (1702-1705) и других. В 1896 г. на Цильме побывал геолог И.П. Бартенев. Он полагал, что древние горные выработки охватывали площадь более четырех квадратных верст. По его подсчетам из месторождения было извлечено не менее 25 тыс. тонн медной руды (1. С.53-66). Наличие на Цильме не только меди и серебра, но и золота, подтвердил известный русский геолог А.А. Чернов, проводивший в этих местах разведку

медной руды в 1917-1918 гг.

В 1617 г. Строгановский крестьянин Яков Литвинов сообщил в Москву о находке меди в берегу р. Камы у д. Григоровой. Я. Литвинов назвал три известных ему района старинных выработок: «дельвали в старину медь в Григоровском выше Орла верст с 30... (позже при этом месторождении заработал Пыскорский медеплавильный завод – Е.К.); **дельвали в старину серебро в вогуличах..., а до туда, до вогулич 320 верст...**; дельвали серебро в старину в Печерах, тысячи с полторы верст от Орла. (РГАДА. Ф. 365. 1618 г. №1. Л. 12, 14, 15). В 1618 г. в район Соликамска направили геологоразведочную экспедицию во главе с московским дворянином Ч. Бартеневым, подьячим Г. Леонтьевым и рудознатым мастером англичанином Д. Ватером искать золотую, серебряную и медную руды. Мастер был уверен, что «нет такой меди, в которой бы золота не было».

Всплеск интереса к поискам золота и серебра в России приходится на 1670-е годы. В этот период изыскания проводились на всей территории Российского государства. Интерес к драгоценным металлам подкреплялся государственной политикой, базировавшейся на философии раннего меркантилизма. Богатство нации отождествляли с количеством накопленного золота и серебра. Всего в прилегающие к Уралу районы в XVII в. направили около 20 геологоразведочных экспедиций с участием иностранных пробирных мастеров. В мае-июле 1663 г. в Чердыни организовали экспедицию на Северный Урал для проверки сведений, поступивших от рудознатца М.С. Токарева. Ее возглавил стрелецкий десятник И. Блинов. От Чердыни маршрут проходил по одному из известных водных путей, выводящий на восточные склоны Северного Урала «за Поманенную гору, меж Вагран озером на болото». Найденная руда оказалась медной. Ее отправили в Москву для опытов. В документах Тайного приказа сохранились записи опытов на серебро, проведенных в сентябре 1669 г. саксонским пробирным мастером Х. Дробышем. Среди образцов, привезенных из 8 мест, упоминается и руда «с Верхотурья с Денешкина», из которой по опытам и расчету должно было выходить из пуда 8 золотников серебра⁹.

⁹ Золотник – дометрическая мера веса (4, 266 г).

Изыскания, начатые в районе Денежкина камня и озера Вагран в XVII в. нашли продолжение и в XVIII в. На наличие такой связи обратил внимание известный уральский знаток архива Горного управления Н.К. Чупин (6. С. 88-108). В документах исследователь обнаружил сведения о том, что в первые годы XVIII в. чердынские кузнецы, сосланные на Нерчинский сереброплавильный завод, сообщали местной администрации о существовании серебряной руды в районе озера Вагран. Это известие было повторено уже в Кунгуре в 1723 г. кузнецом К. Кузнецовым. По его словам, «кто де оную руду нашел, того он не ведает; только как сказывают, когда была работа на Григоровой горе, тогда и тут работали иноземцы» (6. С. 90). В 1723 г. в верховья реки Вишеры и в район озера Вагран к старым копиям ездили бергсоветник М. Михаэлис и горный офицер А.И. Порошин. В этой поездке, по словам последнего, в разных местах испытывалась руда, и выявлялись признаки серебра. Описывался примерный маршрут от Соликамска сухим путем на лыжах – 12 дней, а летом водой – 16 дней. Из Камы в Вишеру, из Вишеры в р. Улсуй, далее волоком в речку, которой можно было добраться до оз. Вагран к горе, где были старинные разработки.

Н.К. Чупин пытался определить легендарное озеро на карте, но уже к XIX в. он встретил на ней только реку Вагран. Обратившись к источникам, исследователь определил, что уже к середине XVIII в. озеро, находящееся в верховьях одноименной реки, утратило свое прежнее название. Память о поисках серебряных руд сохранялась в народе: одно урочище называлось «серебряным рудником», а скала поблизости – «серебряным утесом».

В середине XVIII в. здесь были обнаружены и промышленные залежи медной и железной руд. Обнаружили в медных рудах и серебро. Турьинские рудники, поставлявшие сырье для Петропавловского завода, содержали до 7 золотников серебра в пуде меди. Один из найденных рудников находился в непосредственной близости от горы Денежкин камень. Современное картографирование районов поисков, позволяет подтвердить преемственность поисков, проводившихся в этих местах в XVII-XVIII вв. В то время поиски велись в районе верховьев реки Вагран и Денежкиного камня. По карте это довольно небольшой район обширного края.

Наличие серебра в черной меди Петропавловского завода (действовал с 1760 г. у слияния рек Ваграна и Колонги, ныне г.

Североуральск) показали пробы в Екатеринбургской лаборатории. Минимальное содержание серебра в черной меди экономически выгодное для промышленного извлечения – 7 золотников в пуде – определялось саксонскими специалистами. В 1769 г. на р. Вагран в районе озер Княспинных объявили Верхне-Вагранский медный прииск, содержащий и серебро. Оно было выявлено в двенадцати шахтах шести медных рудников М.М. Походяшина. Однако содержание серебра в меди оставалось крайне бедным: не более $2\frac{3}{4}$ золотника из пуда. О промышленном извлечении серебра из петропавловской меди известно немного. В начале 70-х гг. XVIII в. чистую медь в штыках отправляли на лигатуру в Петербургский монетный двор, и один раз 2 тыс. пудов серебряистой меди с содержанием серебра в 5 золотников вывезли для очистки на Колывань.

Итак, мы считаем доказанным существование в уральском регионе, по крайней мере, двух центров добычи полиметаллической руды в средневековье – при впадении Косьмы в Цильму и в районе оз. Вагран на Северном Урале – последний мы связываем с летописным «серебром закамским». Основу руды составляла медь, а уже из нее извлекали серебро. К XVII-XVIII вв. рудники истощились, но об них еще помнили и эпизодически пытались возобновить добычу. На истощение этого источника серебра обратил и Н.М. Карамзин. Он писал: «Доселе мы пользовались чужими драгоценными металлами, добываемыми внешнею торговлею и меном с сибирскими народами через Югру: сей последний источник как вероятно оскудел или совсем захирел: ибо в летописях и в договорах XV века уже нет ни слова о серебре закамском. Но издавна был у нас слух, что страны полуношные близ Каменного пояса изобилуют металлами...» (2. С. 505.)

Учитывая существование источника серебряистой меди на Северном Урале в древности и средневековье, обращаю внимание на наличие серебра в изделиях из бронзы и наоборот меди в серебре, как признака местного производства, а также изобилие серебряных изделий в средневековых культурах Приуралья, в частности, серебряных гривен местного производства глазовского типа в бассейне р. Вятки на памятниках Поломской (VI–IX вв. н.э.) и Чепецкой культур (X–XIII вв. н.э.).

Литература:

1. Бартнев И.П. О медных рудах на реке Цильме // Известия РГО. 1897. Т.33.
2. Карамзин Н.М. История государства Российского М., 1998. Кн.2. Т. IV-VI. М.: Изд. Рипел Классик. 665 с.
3. Курлаев Е.А., 2006. Поиски руд в Пустозерском уезде и на Полярном Урале до начала XVIII вв.// УИВ №13.
4. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ) Т. VIII. Издание 2-е. Летопись по Воскресенскому списку. М., 2001. 312 с.
5. Пономарев А., Турова Е. Серебряный след. Вятка, 2006.
6. Чупин Н.К., 1873. О начале и развитии горного промысла в Богословском Урале // Горный журнал. № 1-6. С. 88-108.

УДК 94(47)+373

ББК Т63

ГСНТИ03.23.55

код ВАК 07.00.02.

Ю.В. Лаптева

Екатеринбург

ОСВЕЩЕНИЕ ПРОБЛЕМ ШКОЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ В ПРЕССЕ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941-1945 ГГ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: школьное образование, обучение, Свердловская область, Великая Отечественная война, периодическая печать.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется освещение проблем школьного обучения в центральной и местной периодической печати в 1941-1945 гг. Выявлены основные сюжеты публикаций об обучении в начальных, неполных средних и средних школах Наркомпроса РСФСР. Выявлена специфика освещения проблемы обучения в Свердловской области в прессе в разные годы Великой Отечественной войны.

Y.V. Lapteva
Yekaterinburg

PROBLEMS OF SCHOOLING IN THE PRESS DURING WW2 1941-1945.

KEY WORDS: school education, training, Sverdlovsk region, the Great Patriotic war, press.

ABSTRACT. The article analyzes the coverage of problems of school education in the Central and local periodical press in 1941-1945. Basic subjects in which publications about studying in primary, lower secondary and secondary schools of the people's Commissariat of education of RSFSR. The specificity of the lighting problems of education in the Sverdlovsk region in the press in different years of the great Patriotic war.

Статьи периодических изданий служат важным историческим источником. Они не только содержат факты, но и позволяют почувствовать «дух времени», способствуют исторической реконструкции. Проблемы образования в начальных, неполных средних и средних школах Народного комиссариата просвещения РСФСР во время Великой Отечественной войны, государственная образовательная политика нашла своё отражение на страницах центральной и местной периодической печати.

Исследователи не случайно обращаются к прессе в процессе научного осмысления поставленной проблемы, рассматривают, как освещены отдельные вопросы. На широкий круг периодических изданий опираются в изучении проблем системы народного образования на Урале такие исследователи как А.В. Сперанский (9; 10), О.А. Дорошева (7), Г.Е. Корнилов (8) и др. Вместе с тем, данная тема может быть самостоятельной проблемой для изучения.

Анализируя печатные органы советов депутатов трудящихся («Известия»), Центрального и Московского комитетов ВКП(б) («Правда»), центральное издание наркомпросов союзных республик и ЦК профсоюзов – «Учительскую газету», а также местное издание «Уральский рабочий», мы пришли к выводу, что вопросам воспитания уделялось больше внимания, нежели обучению. Государство и партия ставили перед школой конкретную задачу: воспитать советского гражданина в духе горячей любви к Родине и ненависти к врагу.

В военные годы возросла роль Свердловского областного

издания «Уральский рабочий», поскольку сократилось количество печатных изданий области. Например, орган Свердловского областного и городского комитетов ВЛКСМ «На смену!» вышел в последний раз в военное время 23 августа 1941 г.(3), а приложение «Всходы коммуны» – 25 июня 1941 г. (1).

«Уральский рабочий» освещал события за рубежом, новости фронта и жизнь тыла, периодически выходили статьи, касающиеся деятельности школ. Наибольшее внимание уделялось помощи школьных коллективов тылу и фронту (по нашим подсчётам, более 120 статей, причём 30 из них вышло за первые летние месяцы войны), шефству над школами – 21, подготовке учреждений к учебному году – 27, организации отдыха, досуга и оздоровления детей на каникулах – 49.

Освещение проблем обучения встречается в «Уральском рабочем» в следующем круге сюжетов: всеобщее обучение, военное обучение, официальные заявления руководства, весенние испытания, подведение итогов учебного года и, определяющие саму возможность организации процесса, материальные вопросы.

Обучение военному делу для изучаемого периода проблема насущная и значимая, она нашла широкое отражение на страницах центральной и местной печати. В «Уральском рабочем» вопросам военной подготовки школьников за годы войны посвящено, по нашим подсчётам, 15 статей.

Педагогические советы и совещания разных уровней (районные, городские, областные и республиканские) и с разным представительством (учителя, руководители школ и органов народного образования) нашли отражение в более чем 20 статьях «Уральского рабочего». В данных публикациях прослеживается идея об особых задачах учителя и повышения ответственности за обучение и воспитание подрастающего поколения в годы Великой Отечественной войны (подобные статьи выходят и в центральных периодических изданиях (4. 1942. № 83. 24 марта). В 16 статьях внимание уделено вопросам учебно-воспитательной работы, при этом воспитательные задачи раскрыты подробнее. Проблемы обучения не освещались отдельно, за исключением двух публикаций о всеобуче. В 1941-42 учебном году, в связи с постановлением Наркомпроса РСФСР об улучшении преподавания русского языка в школе, освещался опыт работы свердловских учителей (5. 1941. 27 августа; 1941. 24 октября). Во втором

военном учебном году обсуждение учебных вопросов педагогической общественностью «Уральский рабочий» не освещал. За 1943-44 учебный год вышли семь статей о педсоветах и совещаниях по учебно-воспитательному процессу. Повышение интереса объясняется нововведениями, коснувшимися народного образования: раздельное обучение, «Правила поведения учащихся», – а также усилением контроля над всеобучем со стороны властных структур. В последний военный учебный год прошло шесть совещаний педагогических работников, включающих учебные вопросы, на них внимание акцентировалось на повышении качества обучения и воспитания (5. 1944. 30 августа.), в том числе и повышении грамотности (5. 1945. 6 января.).

Предваряя начало учебного года, «Известия» опубликовали статью заведующего Свердловским областным отделом народного образования Н. Хлесткина «Организация учебной работы в военное время», в которой говорилось об организации обучения в новых условиях (2. 1941. №197. 21 августа). Затем появилась общая статья о задачах школы на 1941/42 учебный год в «обстановке Великой Отечественной войны» (2. 1941. №202. 27 августа).

Проблемам обучения в школе в 1941/42 учебном годов «Уральском рабочем» посвящено наибольшее количество публикаций по сравнению с последующими военными годами. По нашим подсчётам, на первый военный учебный год приходится 38% всех статей об обучении, причём половина написана о весенних испытаниях, на второй приходится 26%, на третий – 20%, на четвёртый – 16% соответственно. Повышенное внимание прессы к первому году понятно в виду сложившихся в стране экстремальных условий, в которых необходимо было сохранить государственные структуры, в том числе и сложившуюся систему народного образования.

Первые статьи об обучении в школах в «Уральском рабочем» посвящены, в основном, проблеме снижения успеваемости (5. 1942. 1 февраля; 1942. 13 февраля). Кроме того, одной из первых по данному вопросу вышла публикация «Учительница-патриот», где показан пример перестроения урока истории сообразно военной обстановке (5. 1941. 28 декабря). Подводя итоги работы школ в первом полугодии в условиях военного времени, «Уральский рабочий» подчёркивал, что «грубую, непростительную ошибку

допускают те, кто полагает, что общественно-полезный труд школьников становится самоцелью, что в дни войны позволительно ослабить учёбу» (5. 1942. 22 января). Такие идеи осуждались в статье как непродуманные и легкомысленные, среди причин низкой успеваемости в школах области называлось плохое руководство на местах (5. 1942. 22 января). Ранее в статье заведующего Свердловским облоно Н. Хлесткина уже была обозначена эта проблема. Отмечалось, что «правильное сочетание обучения и воспитания» даст возможность школе реализовать те задачи, которые поставила перед ней страна: «воспитать у школьников беззаветную любовь к родине, жгучую ненависть к врагу, волю и мужество, умение преодолевать трудности» (5. 1941. 14 декабря).

«Учительская газета», ориентированная на работников начальной и средней и высшей школы, научно-исследовательские и политико-просветительских учреждения и дошкольных работников, освещала общие вопросы, в том числе, связанные с обучением: приказы народного комиссара просвещения, статьи по организации учебно-воспитательной работы. Работу школ Урала, в частности, Свердловской области наиболее активно освещали корреспонденты Пилиповский, Якубовский. Из 87 статей, посвящённых Свердловской области в годы войны, 22% раскрывают проблемы учебно-воспитательной работы. В 1941/42 учебном году вышли статьи о достижениях в социалистическом соревновании школ Свердловска (6. 1942. 22 апреля), о повышении успеваемости в сравнении с прошлыми годами по результатам весенних испытаний (6. 1942. 27 мая).

Большое внимание в «Уральском рабочем» уделялось вопросу весенних испытаний, в 10 публикациях раскрывались особенности проведения экзаменов в текущем учебном году, результаты испытаний в разных районах Свердловской области. В нескольких статьях рассказывалось о достижении высокой успеваемости в школах области, несмотря на военные условия (5. 1942. 3 июня; 1942. 17 июня.). Таким образом, от начала учебного года до его конца происходило освещение успеваемости школьников, которая была основным показателем работы образовательных учреждений.

Освещение проблем обучения в школах в 1942/43 учебном году началось с постановки задач. «Известия» подчеркнули, что «первейшая задача педагогов – с первых дней занятий в школе

обеспечить нормальный ход учёбы, высокое качество воспитания» (2. 1942. №203. 29 августа). «Уральский рабочий» отметил значимость повышения успеваемости, глубокое усвоение знаний для начальных и неполных средних школ (5. 1942. 1 сентября). Описывая задачи обучения старшеклассников, автор статьи «Уральского рабочего» подчёркивал, что любой школьный предмет должен служить «делу воспитания советского патриота», при этом педагогу нужно добиваться «вдумчивого освоения основ наук» (5. 1942. 8 октября). Отдельные публикации были посвящены введению в преподавание нового предмета – основ сельского хозяйства (5.1942. 19 декабря; 6. 1943. 10 февраля), новым темам на уроках истории, которые наиболее интересны детям (внешняя политика, отражение нападений на страну) (5.1943. 31 марта). «Учительская газета», описывая соцсоревнование по успеваемости, подчеркнула, что за средними процентами скрывается большое количество неудовлетворительных оценок в «окраинных школах» (6. 1943. 27 января). В марте в «Уральском рабочем» был опубликован приказ народного комиссара просвещения РСФСР В.П. Потемкина «О дальнейшем улучшении дела народного образования на Урале», которой предусматривал расширение школьной сети, ликвидации многосменных занятий, обеспечение учебниками, наглядными пособиями и школьно-письменными принадлежностями наравне со школами Ленинграда и Москвы» (5.1943. 10 марта). Статья не аналитическая, тем не менее, она свидетельствовала о необходимости сохранения и повышения уровня народного образования в регионе (8. С.189). Окончание года и итоги обучения школьников отражены в пяти статьях «Уральского рабочего», в которых отмечался рост успеваемости как по городу Свердловску, так и по области в целом (5. 1943. 19, 21 мая; 13, 25, 30 июня).

В 1943/44 учебном году партия и правительство внедрили новые мероприятия в систему народное образование. Большое внимание в издании было отведено раздельному обучению. 13 августа в «Уральском рабочем» вышла публикация о введении раздельного обучения в неполных средних и средних школах Свердловска и Нижнего Тагила (5. 1943. 13 августа). Профессор М. Цуцер в «Учительской газете» разъяснил общественности положительные стороны такого нововведения (6. 1943. 31 июля). Кандидат педагогических наук Пинт в «Уральском рабочем»

обосновал нововведение психофизическими особенностями подростков, необходимостью гендерного подхода в преподавании предметов, повышении дисциплины, осознанием женской и мужской роли в обществе, задачами военного обучения (5. 1943. 25 августа). В «Учительской газете» вышел большой материал об учебно-воспитательной работе женской школы № 36 г. Свердловска, в котором отмечались особенности обучения девочек, их любимым предметам (6. 1944. 4 февраля). Публиковались дискуссионные статьи о введении пятибалльной системы оценки знаний, специальный корреспондент Пилиповский считал, что в школах Свердловской области учащимся завышают отметки (6. 1944. 12 апреля).

Подводя промежуточные итоги и итоги учебного года «Уральский рабочий» отмечал, что все мероприятия, направленные на улучшение работы школы: раздельное обучение, «Правила поведения учащихся», повышение зарплаты учителей, отмена соревнования в учебно-воспитательной работе, пятибалльная цифровая система оценки знаний и поведения учащихся – дали положительные результаты. Повысилась успеваемость, «учащиеся во время весенних испытаний показали не только прочные знания, но и умение приложить их... к практической деятельности» (5. 1943. 3 октября; 1944. 12, 19 января; 5 февраля; 17, 21 мая; 27 июня). Подобная оценка была дана в «Известиях» (2. 1944. №141. 15 июня). Таким образом, в 1943/44 учебном году освещались, в основном, те изменения в работе школ Свердловской области, которые положительно сказались на процессе обучения.

Начало нового 1944/45 учебного года описывалось в «Уральском рабочем» довольно широко, победы на фронте были мощным мобилизующим фактором. Первому школьному дню 1944 г. было посвящено семь статей, что составляет больше половины всех публикаций, в которых рассказывалось о начале учёбы школьников в годы войны. В статье заведующей облоно А.И. Борисовой обозначены кардинальные нововведения: приход в школу детей и семи-, и восьмилетнего возрастов, введение раздельного обучения в крупных городах области и необходимость борьбы за качество обучения и воспитания учащихся (5. 1944. 3 сентября). Вопрос о кадрах, важности дела обучения и воспитания ещё раз подняли «Известия» (2. 1944. №192. 13 августа). В марте 1945 г. в «Уральском рабочем» опубликована статья заведующего

отделом школ Свердловского городского комитета ВКП(б) Ф. Радько «Дать учащимся прочные знания», основная идея которой успешная сдача выпускных экзаменов и экзаменов на аттестат зрелости. Автор подчёркивал, что «от школ требуется умелое планирование учебной работы», и в частности систематическое повторение пройденного материала, со ссылкой на газету «Правда» (5. 1945. 1 марта). Обзорные лекции как одна из методик повторения пройденного описывались в «Учительской газете» в статье о работе Свердловской женской школы № 13 (6. 1945. 23 февраля), рассматривались вопросы о необходимости создания особых условий для выпускников (6. 1945. 28 марта).

При подведении итогов, как и в предыдущем году, отмечалось, что все государственные мероприятия «способствовали улучшению учебной работы в школе» (5. 1945. 24 мая). Автор статьи подчёркнул, что учителя успешно выполнили учебную задачу, прошли текущий материал и организовали повторение, чему свидетельствовало повышение грамотности и общего уровня знаний на экзаменах, умение «самостоятельно вести суждения», связывать теорию с практикой. В начале учебного года в «Учительской газете» вышла подробная статья о решениях Свердловского облисполкома «О мероприятиях по улучшению качества обучения в школе» (6. 1944. 27 сентября), не менее обстоятельная статья о «невыполнении собственных решений» увидела свет в апреле 1945 г (6. 1945. 11 апреля). В последнем военном учебном году, как и в 1943/44, внимание прессы было приковано к государственным мероприятиям в школьном образовании. Обсуждались успехи внедрения нововведений, отмечено повышение качества обучения и воспитания.

В освещении образовательного процесса проблемы обучения уступали место задачам воспитания, рассмотрение учебного процесса сводилось, в основном, к показателям успеваемости, которые росли от года к году. В первые военные годы внимание к обучению проявлялось в описании задач преподавания, которые корректировались, исходя из оборонных потребностей. Вторая половина военного периода освещалась сообразно выходившим государственным мероприятиям, направленным на трансформацию системы школьного образования. Статьи зачастую поясняли широкому кругу читателей значимость перемен и показывали, каких успехов уже добилось народное образование после

внедрения государственных мероприятий.

Источники:

1. Восток коммуны. Орган Свердловского обкома и горкома ВЛКСМ. Издавалась с 27 авг. 1925 г. по 5 июля 1941 г.

2. Известия. Орган Президиума Верховного Совета СССР. 1941 – 1945 гг.

3. На смену! Орган Свердловского обкома ВЛКСМ. 1941 г.

4. Правда. Орган ЦК ВКП(б). 1941 – 1945 гг.

5. Уральский рабочий. Орган Свердловского обкома ВКП(б) и Свердловского областного Совета депутатов трудящихся. 1941 – 1945 гг.

6. Учительская газета. Орган Наркомпросов союзных республик и Централных комитетов профсоюзов работников начальной и средней школы, высшей школы и научно-исследовательских учреждений, политпросветительских учреждений и дошкольных работников. 1941 – 1945 гг.

Литература:

7. Дорошева О.А. Школьное образование на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2003. 222 с.

8. Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 223 с.

9. Сперанский А. В. В горниле испытаний. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). Екатеринбург: УрО РАН, 1996. 351 с.

10. Сперанский А. В. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны: автореф. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург: Б. и., 1997. 50 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Пленарное заседание	
<p>КОНДРАШИН Виктор Викторович</p>	<p>Член Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор (г. Москва)</p>
<p>ГУЗНЕНКО Зинаида Ивановна</p>	<p>кандидат исторических наук, профессор кафедры теории и методики обучения истории, Уральский государственный педагогический университет адрес: 620017 г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26 e-mail : guznenko@uspu.ru</p>
<p>ДНЕПРОВА Тамара Петровна</p>	<p>доктор педагогических наук, доцент кафедры общей педагогики и истории образования Уральского государственного педагогического университета адрес: 620017 г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26 e-mail: pedagogica@uspu.ru</p>
<p>ДУДИНА Маргарита Николаевна</p>	<p>доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и социологии воспитания УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина e-mail: m-dudina@mail.ru</p>
<p>ЗУБКОВ Константин Иванович</p>	<p>кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора методологии и историографии, Институт истории и археологии УрОРАН адрес: 620990, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16 e-mail : jia-history@mail.ru</p>
<p>ПОБЕРЕЖНИКОВ Игорь Васильевич</p>	<p>кандидат исторических наук, зав.сектором методологии и историографии, Институт истории и археологии УрО РАН адрес: 620990, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, д. 16 e-mail : pober@r66.ru</p>
<p>ПОТРАШКОВ Сергей Васильевич</p>	<p>заведующий кафедрой истории Украины и всемирной истории Харьковской государственной академии культуры, доктор исторических наук, профессор. адрес: Украина, 61057, Харьков, Бурсацкий спуск, 4). e-mail : Potrashkoff2012@yandex.ua</p>

ВОВСИ Эман М.	Адъюнкт-профессор Университета штата Флорида, США e-mail: evovsi@msn.com
------------------	---

СЕКЦИЯ 1. Актуальные проблемы отечественной истории в контексте современного отечественного образования	
АЛЕКСЕЕВА Любовь Васильевна	доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Нижневартковский государственный гуманитарный университет адрес: 628605 г. Нижневартовск, ул. Ленина, 56 e-mail : lvalexeeva@mail.ru
БАРАНОВ Евгений Юрьевич	кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора экономической истории Института истории и археологии УрО РАН. адрес: 620990, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, д. 16, Институт истории и археологии УрО РАН. e-mail: eubaranov@yandex.ru
БАХТИЯРОВ Рустам Сулейманович	кандидат исторических наук, преподаватель Илекского зоотехнического техникума – филиала ФГБОУ ВО Оренбургский ГАУ адрес: 461350 Оренбургская область, с Илек, ул. Комсомольская, 39 e-mail: izt@orensau.ru
БЕРДНИКОВА Светлана Александровна	преподаватель истории ГАПОУ СПО СО «Уральский государственный политехнический колледж» адрес: 620062, Пр. Ленина 89, г. Екатеринбург e-mail: svetka.berdnikova@yandex.ru
БОГДАНОВА Альмира Абдулхаевна	кандидат педагогических наук, доцент Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, автор: 453100, г. Стерлитамак, пр. Ленина, 49; e-mail: almira-bogdanova@mail.ru

<p>ВОРОБЬЕВ Сергей Викторович</p>	<p>кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, сектор политической и социокультурной истории, Института истории и археологии УрО РАН адрес: 620990, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16 e-mail: svorob.hist@gmail.com</p>
<p>ГРИБАН Ирина Владимировна</p>	<p>кандидат исторических наук, Уральский государственный педагогический университет адрес: г. Екатеринбург, ул. Даниловская, 7, кв. 87. e-mail: gribanirina@gmail.com</p>
<p>ДАШКЕВИЧ Людмила Александровна</p>	<p>доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН адрес: 620990, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, д. 16 e-mail: ldash54@mail.ru</p>
<p>ДЕМИНА Юлия Викторовна</p>	<p>аспирантка Института истории и археологии УрО РАН адрес: 620990, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16 e-mail: k.kourova@yandex.ru</p>
<p>ЗАПАРИЙ Владимир Васильевич</p>	<p>доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории и науки техники Уральского государственного технического университета – УПИ им. первого президента России Б.Н. Ельцина адрес: 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира 19, оф. Т-806. Тел.: 375-47-25 e-mail: vvzap@mail.ru</p>
<p>ЗУБКОВ Константин Иванович</p>	<p>кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора методологии и историографии, Институт истории и археологии УрОРАН адрес: 620990, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16 e-mail : ia-history@mail.ru</p>
<p>КОНДРАШЕВА Маргарита Ионовна</p>	<p>доктор исторических наук, профессор, профессор Уральской государственной юридической академии адрес: 620137 г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21 e-mail: inyaz@usla.ru</p>

<p>КОРНИЛОВ Геннадий Егорович</p>	<p>доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Уральский государственный педагогических университет адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр.Космонавтов, 26 e-mail: genakorn@mail.ru</p>
<p>КРУГЛИКОВА Галина Александровна</p>	<p>кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Уральский государственный педагогический университет адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр.Космонавтов, 26 e-mail: kruglickova.galina@yandex.ru</p>
<p>КУЗНЕЦОВ Виктор Николаевич</p>	<p>кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора политической и социокультурной истории Института истории и археологии УрО РАН адрес: 620990, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, д. 16 e-mail: jurist-istor@mail.ru</p>
<p>КУЗНЕЦОВА Юлия Викторовна</p>	<p>преподаватель кафедры истории Отечества Оренбургского государственного аграрного университета адрес: 460014г., Оренбург, ул. Челюскинцев, 18. e-mail: istogau@yandex.ru</p>
<p>КУРЛАЕВ Евгений Анатольевич</p>	<p>Институт истории и археологии УрО РАН, сектор методологии и историографии, с.н.с. автор:620990, г. Екатеринбург, ул. С.Ковалевской, 16 e-mail: kurlaev@el.ru</p>
<p>ЛАПТЕВА Юлия Владимировна</p>	<p>соискатель, Институт истории и археологии УрО РАН, учитель истории, МАОУ лицей №100 адрес: 620990, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16; e-mail: julya-kot@yandex.ru</p>
<p>ПРЯХИН Валентин Михайлович</p>	<p>кандидат исторических наук, доцент, доцент Уральского государственного юридического университета адрес:620137 г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21) e-mail: inyaz@usla.ru;</p>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Plenary session	
KONDRASHIN Victor Viktorovich	member of Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation, doctor of historical Sciences, Professor (Moscow)
GUZENKO Zinaida Ivanovna	candidate of historical Sciences, Professor of Department of theory and methodology of teaching history, Ural state pedagogical University address: 620017, Yekaterinburg, Avenue of Cosmonauts, 26 e-mail : guznenko@uspu.ru
DNEPROVA Tamara Petrovna	doctor of pedagogical Sciences, docent of Department of General pedagogy and history of education of Ural state pedagogical University address: 620017, Yekaterinburg, Avenue of Cosmonauts, 26 e-mail: pedagogica@uspu.ru
DUDINA Margarita Nikolaevna	doctor of pedagogical Sciences, Professor of the Department of pedagogy and sociology of education Ural Federal University named after. the first President of Russia B. N. Yeltsin e-mail: m-dudina@mail.ru
ZUBKOV Konstantin Ivanovich	candidate of historical Sciences, leading researcher of the sector of methodology and historiography, Institute of history and archaeology Uralan address: 620990, Yekaterinburg, S. Kovalevskaya str., 16 e-mail : iia-history@mail.ru
POBEREZHNIKOV Igor Vasilyevich	candidate of historical Sciences, head.sector of methodology and historiography, Institute of history and archaeology, Urals branch of RAS address: 620990, Yekaterinburg, ul. sofyi Kovalevskoy, 16 e-mail : pober@r66.ru
POTRASHKOV Sergey Vasilyevich	Head of the Department of history of Ukraine and world history of the Kharkov state Academy of culture, doctor of historical Sciences, Professor. address: Ukraine, 61057, Kharkiv, Bursatsky descent, 4). e-mail: Potrashkoff2012@yandex.ua
VOVSI Eman M.	Adjunct Professor at Florida state University, USA e-mail: evovsi@msn.com

SECTION 1. Actual problems of national history in the context of modern domestic education.	
ALEKSEEVA Lyubov Vasilyevna	the doctor of historical sciences, professor of department of history of Russia FGBOU VPO «Nizhnevartovsk state university» address: 628605, Nizhnevartovsk, st. Lenin, 56 e-mail : lvalexeeva@mail.ru
BARANOV Eugeni Yurievich	candidate of historical Sciences, associate Professor, senior researcher, Department of economic history Institute of history and archaeology, Ural branch of RAS. address: 620990, Yekaterinburg, ul. sofyi Kovalevskoy, 16, Institute of history and archaeology, Ural branch of RAS. e-mail: eubaranov@yandex.ru
BAXTIYROV Rustam Suleimanovich	candidate of historical Sciences, teacher of Ilek zootechnical College – a branch of Federal STATE budgetary educational institution IN Orenburg state agrarian UNIVERSITY address: 461350, Orenburg region, Ilek, Komsomolskaya str., 39 e-mail: izt@orensau.ru
BERDNIKOVA Svetlana Alexandrovna	teacher of history GAPO str WITH "Ural state technical College" address: 620062, PR. 89 Lenin, Yekaterinburg e-mail: svetka.berdnikova@yandex.ru
BOGDANOV Almira Abdulkhaevna	the candidate of pedagogical Sciences, associate Professor of Sterlitamak branch of the Bashkir state University, address : 453100, Sterlitamak, Lenin Ave., 49; e-mail: almira-bogdanova@mail.ru)
VOROBEV Sergey Viktorovich	candidate of historical Sciences, senior research worker, sector of sociocultural and political history, Institute of history and archaeology, Urals branch of RAS address: 620990, Yekaterinburg, ul. sofyi Kovalevskoy, 16 email: svorob.hist@gmail.com
GRYBAN Irina Vladimirovna	candidate of historical Sciences, Urals state pedagogical University address: Yekaterinburg, Danilovskaya street, 7, apt 87. e-mail: gribanirina@gmail.com

DASHKEVICH Ludmila Aleksandrovna	doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, FGBUN "Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences" address: 620990, Yekaterinburg, st. Sofia Kovalevskaya Str. 16 e-mail : ldash54@mail.ru
DEMINA Julia Viktorovna	postgraduate student of the Institute of history and archaeology, Urals branch of RAS address: 620990, Yekaterinburg, S. Kovalevskaya str., 16
ZAPARIY Vladimir Vasilyevich	doctor of historical Sciences, Professor, head. the Department of history of science and technology Ural state technical University – UPI. the first President of Russia B. N. Yeltsin address: 620002, Yekaterinburg, Mira street 19, of. T-806. Tel: 375-47-25 e-mail: vvzap@mail.ru
ZUBKOV Konstantin Ivanovich	candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow, Department of methodology and historiography, Institute of History and Archaeology UrO RAN address: 620990, Yekaterinburg, st. Sofia Kovalevskaya Str. 16 e-mail : jia-history@mail.ru
KONDRASHEVA Margarita Ionovna	doctor of historical Sciences, Professor, Professor of the Ural state law Academy address: 620137, Yekaterinburg, Komsomolskaya str., 21 e-mail: inyaz@usla.ru
KORNILOV Gennady Yegorovich	doctor of historical sciences, professor, head of Russia's history, Ural State Pedagogical University address: 620017, Yekaterinburg, pr.Kosmonavtov 26 e-mail: genakorn@mail.ru
KRUGLIKOVA Galina Alexandrovna	Ural State Pedagogical University, Department of History, Associate Professor of Russian History, Ph.D. address: 620017, Yekaterinburg, pr.Kosmonavtov 26 e-mail: kruglickova.galina@yandex.ru

<p>KUZNETSOV Viktor Nikolayevich</p>	<p>candidate of historical sciences, senior researcher at the Institute of History and Archaeology UrO RAN address: 620990, Yekaterinburg, st. Sofia Kovalevskaya Str. 16 e-mail : jurist-istor@mail.ru</p>
<p>KUZNETSOVA Julia Viktorovna</p>	<p>lecturer of the Department of history of Russia of the Orenburg state agrarian University address: 460014r., Orenburg, Chelyuskintsev St., 18. e-mail: istogau@yandex.ru</p>
<p>KURLAYEV Eugeny Anatolyevich</p>	<p>Institute of history and archaeology, UrB of the RAS, sector of methodology and historiography, PhD address: 620990, Yekaterinburg, S. Kovalevskaya str., 16 e-mail: kurlaev@el.ru</p>
<p>LAPTEVA Julia Vladimirovna</p>	<p>applicant, Institute of history and archaeology, Ural branch of RAS, teacher of history of municipal educational institution Lyceum №100 address: 620990, Yekaterinburg, ul. sofyi Kovalevskoy, 16; e-mail: julya-kot@yandex.ru</p>
<p>PRYAKHIN Valentin Mikhailovich</p>	<p>candidate of historical Sciences, associate Professor, Ural state law University address:620137, Yekaterinburg, Komsomolskaya str., 21) e-mail: inyaz@usla.ru;</p>

Научное издание

**Воспитание и обучение истории в школе и вузе:
исторический опыт, современное состояние
и перспективы развития**

Ежегодник. XX всероссийские историко-педагогические чтения
Часть I

Рекомендовано к изданию Ученым советом
исторического факультета УрГПУ
(протокол № 7 от 03.03. 2016 г.)

Рекомендовано к изданию Ученым советом
Института истории и археологии УрО РАН
(протокол № 1 от 09.03.2016 г.)

Компьютерная верстка – Г.А. Кругликова, К.И. Коурова

Подписано в печать Формат 60x84/16.
Бумага для множительных аппаратов. Усл.-печ. л.
Уч.-изд. л. 16,74. Тираж 100 экз. Заказ _____.
Уральский государственный педагогический университет
620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
Тел. (343) 235-76-30. Факс (343) 336-12-42

ISBN 978-5-7186-0652-2